человек загадка

Вадим
ЭРЛИХМАН

ТАЙНЫ
КНЯЗЯ-
ВАМПИРА

ГРАФ ДРАКУЛА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Исторические документы и народная память сохранили и донесли до нас образ настоящего Дракулы, господаря Валахии Влада Цепеша — неукротимого властолюбца, твердого государственника, вся жизнь которого прошла и бесконечной и безжалостной борьбе с внешними и внутренними врагами. Но почему именно Дракула, ничем особенным не выделявшийся среди правителей своего времени, на века стал воплощением злодея, дьявола в человеческом обличье, а потом и чудовища-вампира? Что это — фатальное невезение, «черный пиар» врагов или справедливое наказание для тирана, убившего, по мнению некоторых авторов, до ста тысяч невинных людей?

- Предисловие
- Жестокий век
- Железом и кровью
- Царство страха
- Неравная битва
- От тюрьмы до могилы
- Черная легенда
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Предисловие

Стылой лондонской зимой 1890 года директору театра «Лицеум» Брэму Стокеру приснился кошмар. Во сне он очутился в темном мрачном подвале, перед открытым гробом, в котором лежал бледный, как смерть, старик с открытыми остекленевшими глазами. Внезапно мертвец начал подниматься, обнажив в усмешке зубы, неестественно белые и острые, и Стокер в страхе проснулся. Ругая себя, — нечего было читать столько историй привидениях, — он тщетно пытался заснуть, странный сон не отпускал его ни в этот день, ни в последующие. В городе еще не улеглись страхи, вызванные кровавыми делами Джека Потрошителя, и в буйном ирландском воображении Стокера сон упорно связывался с каким-то загадочным преступлением. В конце концов он по давней привычке уселся за письменный стол, чтобы выплеснуть тревожившие его фантазии на бумагу.

Старик в подвале был вампиром — Стокер знал это твердо. Он читал рассказы об этих бессмертных кровопийцах, в которых верили темные крестьяне Центральной Европы. Но что, если их вера была ис тиной, а современный мир, беспечно забывший о вампирах, подвергается страшной опасности? Вампир в викторианской Англии, среди не верящих и него мужчин и охотно поддающихся его гибельным чарам женщин, — эта тема давала невиданный простор воображению. Сначала Стокер назвал своего героя просто «граф Вампир», поселив его в Штирии — в этой австрийской области происходило действие «вампирской» повести Шеридана Ле Фаню «Кармилла». Вскоре он перенес замок кровожадного графа в Трансильванию, в то время тоже австрийскую, — само ее название («залесье») звучало загадочно и мрачно, к тому же в местных поверьях вампирам уделялось едва ли не главное место. А потом ему попалась книга по истории Румынии, где говорилось о чудовищно жестоком средневековом князе, пролившем реки крови. Его звали Дракула, что по-румынски значило «дьявол». Так герой будущего романа получил имя, ставшее впоследствии знаменитым. Литературная алхимия вновь показала свою таинственную силу: второстепенный романист и забытый исторический персонаж, вступив во взаимодействие, создали легенду, которая потрясла мир.

В романе граф Дракула говорит о себе и своих предках: «Мы, секлеры, по праву гордимся своим родом — в наших жилах течет кровь многих храбрых поколений, которые дрались за власть как львы… Кто отважнее нас бросался в бой с численно превосходящим противником или по боевому зову быстрее

собирался под знамена короля? Когда был искуплен наш великий позор, позор Косова, где знамена валахов и мадьяр склонились перед мусульманским полумесяцем, кто как не один из моих предков — воевода — переправился через Дунай и разбил турок на их земле? Это был истинный Дракула!.. И опять же, когда после Мохачской битвы было сброшено венгерское иго, вожаками были мы — Дракулы, наш дух не мог смириться с несвободой»[1]. На протяжении XX века это было всё, что читатели, не считая немногих ученых, могли узнать о реальном Дракуле. Только к концу столетия появились книги, рисующие подлинный портрет валашского князя — и он во многом, если не во всем, оказался непохож на героя романа. Он не был графом, не принадлежал к народности секлеров, не дожил до старости — погиб в 45 лет, а воеводой Валахии стал в 25, что отчасти объясняло его горячий нрав. А главное, не был вампиром: до Стокера его обвиняли во всех возможных преступлениях, но только не в питье человеческой крови.

Исторические документы и народная память сохранили и донесли до нас образ настоящего Дракулы, господаря Влада Цепеша — неукротимого властолюбца, твердого государственника, вся жизнь которого прошла в бесконечной и безжалостной борьбе с внешними и внутренними врагами. Эта борьба, где друзья в любую минуту могли оказаться противниками, а победа тут же оборачивалась поражением, приучила его к жестокости — и если оправдать его нельзя, то понять, наверное, можно. Труднее понять другое — почему именно Дракула, ничем особенным не выделявшийся среди правителей своего времени, на века стал воплощением злодея, дьявола в человеческом обличье, а потом и чудовища-вампира. Что это — фатальное невезение, «черный пиар» врагов или справедливое наказание для тирана, убившего, по мнению некоторых авторов, до ста тысяч невинных людей?

Ответить на этот вопрос необходимо, чтобы понять, как на протяжении не то что столетий, а нескольких лет герой может превратиться в злодея, а отважный рыцарь — в мерзкого кровососа. Дракула — самый яркий пример подобной метаморфозы, помогающий отделить подлинную историю от легенд, а заодно и от пропаганды, которая и в наши дни успешно острит колы против мнимых вампиров.

Жестокий век

XV век, когда жил Влад Дракула, был временем перехода от Средневековья к Новому времени. От замкнутости — к бескрайней широте горизонтов, от нерассуждающей веры к сомнению, от стремления к неизменности — к культу прогресса. Такие перемены никогда не происходят безболезненно, и кровь в это столетие Возрождения лилась куда обильнее, чем в миновавшие «темные века». И в дальних странах, куда европейцы явились с крестом, мечом и неутолимой жаждой золота. И в самой Европе, где короли и феодальные магнаты сражались за власть, попутно подавляя крестьянские восстания и истребляя еретиков. И на рубежах Азии, где молодая Османская (или Оттоманская) империя по очереди сокрушала слабые и разъединенные балканские государства, угрожая сделать то, что когда-то не удалось арабам — водрузить над Европой зеленое знамя ислама.

В течение предыдущего столетия потомки Османа Гази, хана маленького тюркского племени, сумели подчинить многие области Европы и Азии. В 1356 году они впервые переправились через Босфор в Европу, а в 1389-м разбили на Косовом поле сербское войско, что отдало в их руки большую часть Балкан. Продвижение турок за Дунай сдерживала сильная венгерская армия, и они занялись добиванием остатков Византийской империи, которая давно утратила как свое могущество, так и волю к выживанию. В 1453 году пал «второй Рим», Константинополь, что вызвало в христианском мире настоящую панику. Турки, которых до этого на Западе считали отсталыми дикарями и не принимали всерьез, внезапно предстали сплоченной силой, которая обладала лучшей в Европе армией и мощным флотом, непосредственно угрожая Вене, Неаполю и Риму Рушились торговые империи венецианцев и генуэзцев, основанные на торговле с Востоком через Византию. Римский папа и германский император, еще недавно враждовавшие, увидели, что им грозит реальная опасность, и попытались объединить усилия в организации нового крестового похода.

Внезапно в центре международной политики оказалась прозябавшая прежде в безвестности восточная окраина Европы, ставшая теперь барьером на пути победоносных турок. Польша, Венгрия, Сербия — во все эти страны устремились эмиссары папы, убеждавшие их правителей примкнуть к походу против «неверных». Не была исключением и Румыния, разделенная в ту эпоху (и позже, вплоть до XIX века) на три части. Северо-запад ее,

называемый на латыни Трансильванией, по-венгерски Эрдей, а по-румынски Ардял, еще в X веке оказался присоединен к только что созданному Венгерскому королевству. Эту область еще называли «страной трех наций»: кроме венгров, здесь обосновались родственные им воинственные секлеры (секеи) и немецкие переселенцы, прозванные «саксами». Немцы были купцами, ремесленниками, строителями процветающих городов, от которых Трансильвания получила еще одно название — Семиградье (по-немецки Siebenburgen).

Жили здесь и румыны — крестьяне и пастухи, подчиненные венгерским феодалам и богатым немецким патрициям.

Хребты Карпат и леса на их склонах отделяли Трансильванию от двух других частей будущей Румынии — Валахии и Молдовы. Первая находилась к северу от Дуная, на лесистых холмах, меж которых текли быстрые реки Арджеш, Олт и Жиу. Вторая раскинулась на плодородной равнине между Днестром (Нистру) и Сиретом. Вместе обе страны назывались Цара Ромыняска — «земля румын»; так называли себя местные жители, потомки аборигенов-даков и покоривших их римлян. Вслед за римскими легионами сюда пришли *новые* завоеватели — гунны, авары, затем славяне. Славянский язык долгое время (до XVII столетия) был в румынских землях официальным, на нем написаны летописи и княжеские грамоты. Вместе со славянами румыны приняли от византийских миссионеров крещение по православному обряду, сохранив верность православию до наших дней.

Брэм Стокер в своем романе написал о Трансильвании то, что справедливо для всех румынских областей: «Несколько веков в этом краю шла борьба между валахами, саксонцами и турками. Каждая пядь земли полита здесь человеческой кровью». Писатель не упомянул венгров, подчинивших себе Румынию в XII веке. Тогда же страна подвергалась набегам печенегов и половцев, а позже на нее обрушились новые кочевники — татаро-монголы, жестоко разорившие ее. Нападения татар на равнинные области продолжались еще целое столетие. На опустевших землях поселились пришельцы с Востока — цыгане; в Румынии их и сегодня больше, чем в любой другой европейской стране. В предгорьях Карпат, где укрылось местное романизированное население, возникли мелкие княжества, объединившиеся вскоре в два крупных. Молдовой правил род Мушатов, Валахией — династия Басарабов, основанная неким Токомером. Это был то ли славянин Тихомир, то ли татарин Токтемир — сказать точнее нельзя, поскольку летописи в Валахии стали вестись только в XVI столетии. Его преемники носили славянские титулы «господарь»

или «воевода» (по-румынски «водэ»).

Господари Валахии и Молдовы считались князьями, а не полноправными монархами, поскольку вынуждены были признавать вассальную зависимость от более сильных соседних государств — Болгарии, Венгрии, Польши. Да и правили они далеко не полновластно: их избирал и смещал Государственный совет (Сфатул Домнеск), состоящий из церковных иерархов и светской знати — боярства. Уже в начале существования румынских княжеств бояре владели обширными землями и десятками деревень, жители которых несли тяжелые повинности. Главы боярских родов — «большие бояре» или «жупаны» — заседали в совете, были наместниками областей и городов. Но суть их могущества заключалась не в этом. В Румынии, в отличие от стран Западной Европы, не существовало принципа майората — любой сын правящего князя мог занять трон, обеспечив себе поддержку «больших бояр». Пользуясь этим, последние выторговывали для себя все новые и новые уступки.

Неустойчивость княжеской власти приводила к постоянным переворотам; мало кто из валашских и молдавских господарей просидел на троне дольше нескольких лет, а многие ушли из жизни преждевременно и кроваво. Венгерский дипломат Антал Веранчич писал о валахах: «Охваченные безумием, они убивают едва ли не всех своих правителей, иных открыто, а иных тайно… и великое чудо, если кто-либо из них сможет остаться у власти хотя бы три года или умереть своей смертью». Ему вторил другой венгерский автор, архиепископ Миклош Олах, сам валах по происхождению: «У них законные и незаконные сыновья князей равно наследуют власть и идут на любые уловки, хитрости и преступления, чтобы ее захватить… Тот, кто одержит верх, питает сильнейшие подозрения ко всем прочим, не только приверженцам вражеской партии, но и своим ближайшим родственникам, которые могут претендовать на власть; поэтому он убивает их или держит в заточении, вырывая ноздри и отрубая различные члены».

Из-за княжеских междоусобиц дурная слава шла о всех валахах; далматинский гуманист Феликс Нетанций называет их «грубым жестоким народом, приверженным пророчествам и суевериям, при первой возможности предающимся грабежам и насилиям». Со временем слово «валах» приобрело в языках соседних пародов пренебрежительный оттенок (возможно, от него происходит и русское «вахлак»). Сами румыны в паши дни стараются его не употреблять, да и в старину часто называли свою родину не Валахией, а Мунтецией («горной страной») — позже так стала именоваться только восточная часть Валахии, в

отличие от Олтении, лежащей к западу от реки Олт. Дальше на западе находилась равнинная область Банат, тогда венгерская, а сейчас тоже входящая в состав Румынии, а на востоке — Добруджа, болотистый край рыбаков и охотников между Дунаем и Черным морем.

Развалины дворца валашских господарей в Тырговиште

Городов в стране было мало, не больше десятка. Обычно они возникали вокруг ярмарок, как Тырговиште и Тыргшор — оба эти названия означают «место торга». Немецкие и венгерские купцы охотно покупали местные товары — скот, кожи, шерсть, зерно и мед. Вдобавок через Валахию совершался транзит азиатских товаров, прежде всего пряностей и тканей, в Центральную Европу. Главные торговые пути шли через карпатские перевалы к Дунаю; один вел из трансильванского города Сибиу по долине Олта, другой — из Брашова по долине реки Дымбовиды. Город Тырговиште, расположенный на втором из этих путей, в конце XIV века стал новой столицей Валахии, сменив в этой роли Куртя-де-Арджеш и Кымпулунг. Города были невелики; даже в столице в ту эпоху проживало всего 15–20 тысяч человек (а все население Валахии едва превышало полмиллиона). Их жители занимались ремеслом, торговлей, обслуживанием князя и бояр. В центре Тырговиште располагались боярские и купеческие усадьбы, утопавшие в зелени садов и окруженные высокими заборами; по окраинам лепились домики бедноты, мастерские гончаров, кожевников, ткачей.

Над одноэтажными домами возвышались православные церкви — не купольные, как на Руси, а шатровые. После образования Валашского княжества местная церковь стала независимой от Константинополя; ею управлял митрополит Унгровлахии, чья резиденция находилась в Куртя-де-Арджеш. Епископы и настоятели монастырей заседали в Госсовете. Крупные монастыри Тисмана, Говора, Козия, Комана, Снагов получали от господарей в дар земли и богатства. За это монахи день и ночь клали поклоны, вымаливая власть имущим прощение за многочисленные грехи. Вдобавок в случае войны монастырские сокровища и запасы изымались для нужд обороны; фактически обители играли роль банков, которых в тогдашней Валахии, естественно, не было. В стране имелись и католические монастыри, включая францисканский в самом центре Тырговиште, но влияние их среди населения было невелико; католиков, да и всех иноземцев, румыны чуждались, ревностно держась за отеческую веру и обычаи.

Большая часть населения Валахии обитала в деревнях, занимаясь земледелием, ремеслом, разведением коров, овец и лошадей. Весь XV век шло закрепощение князьями и боярами свободных прежде крестьян — таких зависимых людей называли по-славянски «земляне» («люди земли») или «суседи». Крестьянский быт был небогат — жили в глинобитных домах, крытых соломой или дранкой, а иногда и в землянках. Часто в доме была всего одна общая комната с открытым очагом и подвешенным над ним котлом, где готовили обед на всю семью. Ели обычно кашу из просяной крупы и овощной суп (чорбу); любимая сегодня румынами кукурузная мамалыга появилась только после открытия Америки. По праздникам готовили голубцы в капустных или виноградных листьях (сармале), мясо на решетке (мич) и слоеные пироги (плэчинте). Праздники отмечали всем миром: посреди деревни ставилась бочка с вином, тут же играл самодеятельный оркестр музыкантов-лэутаров, под который устраивались танцы — парный брыул или общая хора, то есть хоровод. «Где румыны — там танцы и песни», — писал венгерский композитор Бела Барток. Богатый местный фольклор соединил дакские, римские, славянские верования и традиции. Народная одежда румын тоже была соединением балканской и славянской моды. Мужчины носили белую холщовую рубаху, штаны, овчинную безрукавку и высокую смушковую шапку (кэчула). Женщины — вышитые рубахи, цветные юбки с фартуком и косынки. Обувью были сыромятные опинки; сапоги считались привилегией богачей.

Валашские правители носили ту же одежду, что и их

подданные, только пороскошнее — их рубахи расшивались золотой нитью и жемчугом, сверху надевали иноземные плащи ярких расцветок, подбитые мехом. Позже в моду вошли узкие венгерские кафтаны, тоже расшитые золотом. Бояре надевали круглые шапки с меховой опушкой, а «большие бояре» — высокие «горлатные» шапки, такие же, как у их коллег на Руси. Знаками власти были княжеская корона и скипетр, украшенные драгоценными камнями. Иногда короны делали заново для вступившего на трон господаря, но чаще забирали у предшественника — порой вместе с головой…

После смерти Токомера воеводой Валахии стал его сын Басараб Великий (правил в 1310–1352 гг.). От него валашская династия получила свое имя; он же дал название отвоеванной им у татар Бессарабии — восточной части Молдовы. В честь победы над язычниками на гербе Басараба появились три то ли убегающие, то ли пляшущие черные фигурки; позже их сменил золотой орел, держащий в клюве православный крест. На современном гербе Румынии он соседствует с молдавской головой быка, трансильванскими семью красными башнями и банатским золотым львом, а также с древними символами даков — солнцем и полумесяцем.

У внука Басараба, воеводы Раду Негру (Черного), были два сына — Мирча и Дан, положившие начало двум враждующим ветвям династии Басарабов. Чтобы удержаться у власти, господарь Мирча Старый, правивший с 1386 по 1418 год, признал себя вассалом Венгрии. Его соперники из рода Данешти тут же попросили помощи у турок, уже подступивших к Дунаю. Отныне всем правителям Валахии и Молдовы приходилось лавировать между двумя этими силами, одинаково опасными для румын. Турки угрожали обратить их в ислам или задушить поборами, превратив в бесправное угнетенное «стадо» (райя), как они называли подданных-христиан. Венгры грозили таким же угнетением плюс обращением в католичество. Вдобавок обе враждующие стороны воевали друг с другом на валашской земле, принося ее жителям немало бед. В старинной балладе говорится: «Валахия разорена и разорвана на части, ее жители бегут в горы от жестоких турок и варваров-венгров. Они убивают старых и обращают в рабство юных, насилуют девушек и уводят юношей в свое войско, они так опустошили страну, что в ней некому пахать и сеять».

В этих условиях господарям румынских земель с большим трудом удавалось отстаивать независимость. Их опорой стали монастыри, игравшие роль не только центров духовности, но и крепостей. Другой опорой было народное ополчение, которое

собиралось в случае войны. Если армии других европейских стран состояли из феодальных дружин, защищавших только своего господина, или наемников, сражавшихся за деньги, то в Румынии крестьяне и ремесленники шли на войну добровольно и воевали за свою землю и свои семьи. Поэтому им — необученным и плохо вооруженным — не раз удавалось побеждать численно превосходящего врага. Но нередко они все же терпели поражение, и тогда страна вновь оказывалась в чужеземном рабстве, еще более тяжком, чем прежде. И чужеземцы, и сами жители Цары Ромыняски не раз отмечали, что главная причина их бедствий — отсутствие единства, распри претендентов на трон, своеволие корыстных бояр.

Османы из-за Дуная все более алчно вглядывались в плодородные румынские земли. Защищаясь от них, валашские господари вступили в союз с Венгрией, молдавские — с Польшей. Мирча Старый сумел отразить турецкий натиск в битве при Ровине и надеялся теперь на помощь европейских держав.

Единственный портрет Дракулы в полный рост, хранящийся в художественном музее Цюриха

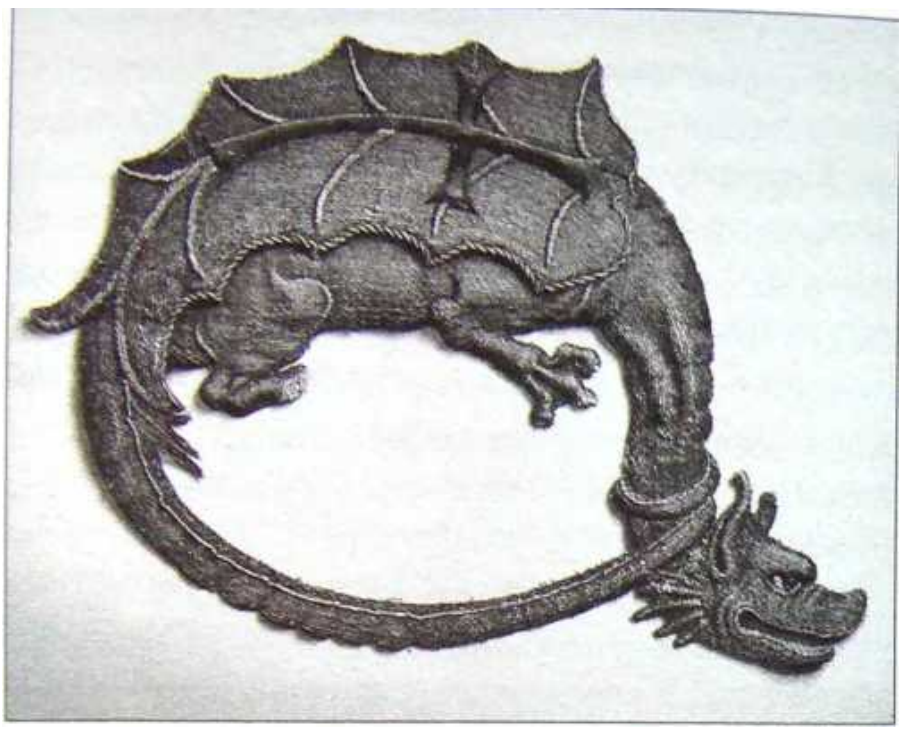
Однако в сентябре 1396 года войско крестоносцев, состоящее

из немцев, венгров и французов, было разгромлено под Никополем в Болгарии. Почти все 10 тысяч «воинов Христа» погибли или попали в плен; воины Мирчи, участвовавшие в походе, тоже понесли тяжелые потери. После этого Болгарское царство окончательно попало под власть турок, а Валахию спасло от османского нашествия только то, что вскоре султан Баязид I был наголову разбит великим завоевателем Тимуром и закончил свои дни в плену, в железной клетке. И все-таки Мирче пришлось отдать туркам построенные им крепости на Дунае — Джурджу, Килию и Аккерман (Белгород), а заодно и всю Добруджу. На пике своей власти он носил гордый титул — «князь двух Валахий, герцог Фэгэраша и Амлаша, бан Северина, деспот Добруджи, господин Силистрии и всех городов и земель до Адрианополя». Теперь половина этих земель была захвачена турками или венграми. Особенно болезненной была утрата крепости Джурджу, ради постройки которой Мирча в свое время опустошил валашскую казну. От этой твердыни, возвышавшейся над Дунаем, турки могли всего за несколько дней дойти до Тырговиште.

После гибели Баязида в Османской империи началась борьба за власть, в которой Мирча поддержал одного из сыновей султана — Мусу, захватившего Румелию. Выдав за турецкого принца свою дочь, он послал ему в подмогу воинов и лучших боевых коней. Несмотря на это, Муса был разбит в сражении и задушен; править в Адрианополе, переименованном турками в Эдирне, стал его брат Мехмед I. В 1417 году валашский господарь был вынужден подписать с ним договор, обязавшись выплачивать туркам ежегодную дань 3000 золотых дукатов. Год спустя старого Мирчу схоронили в монастыре Козия на Олте. Его сын Михай попытался сбросить турецкое иго, но потерпел неудачу; испугавшись турецкой мести, бояре привели к власти Данешти. Михай погиб от кинжала убийцы, а его сводный брат Влад, родившийся около 1395 года от матери-венгерки, бежал в Трансильванию. Строя планы возвращения на трон, он вступил в союз как с венгерским наместником этой области Яношем Хуньяди, так и с молдавским господарем Александру Добрым, взяв в жены его дочь — предположительно ее звали Василиса.

Но самым могущественным покровителем Влада стал германский император Сигизмунд, по совместительству король Венгрии. В 1408 году он основал для борьбы с турками элитный орден Дракона, в который входили всего 24 члена — большей частью короли и князья, в том числе воспетый Шекспиром король Англии Генрих V, король Неаполя Альфонс I и польский король Владислав Ягеллон. Эмблемой ордена был золотой дракон, обвивающий хвостом свою шею, что символизировало победу над

страстями. На спине дракой нес крест святого Георгия, знак борьбы за веру, с латинским девизом «O quam misericors est Deus» (О, как милостив Бог!). Часто утверждается, что в ордене могли состоять только католики, но это не так — одним из первых его членов был православный сербский деспот Стефан Лазаревич. «Драконисты», как называли орденских рыцарей, были тесно связаны не с папским Римом, а с императором Сигизмундом, которому приносили клятву верности. Вплоть до смерти императора орден Дракона был самой влиятельной политической организацией не только в Германии, но и во всей Восточной Европе, сменив в этой роли Тевтонский орден, незадолго до того наголову разбитый польско-литовской армией при Грюнвальде.



Эмблема ордена Дракона, давшего Дракуле его прозвище

В феврале 1431 года в преддверии очередного крестового похода император решил расширить орден, торжественно приняв в него новых членов, в числе которых был и валашский принц. С тех пор Влад получил прозвище Дракул или Дракон (суффикс «ул» в румынском языке — признак именительного падежа). Дракона в Румынии уважали издавна; еще у древних даков главный бог изображался в виде дракона (или змея) с волчьей головой. Правда, в Средние века слово «дракон» под влиянием христианства приобрело еще и другое значение — «дьявол».

Поэтому Влад-старший никогда не подписывал этим прозвищем свои указы, но втайне гордился им как и тем, что его, первого из правителей румынских земель, на рапных приняли в круг европейских монархов.

Похоже, Влад и до этого выполнял ответственные задания императора, как это было в 1423 году в Константинополе. Греческий историк Михаил Дука пишет: «В те дни в столице появился один из многих незаконных сыновей Мирчи, воеводы валахов. Он был допущен во дворец императора Иоанна, где свел знакомство с молодыми людьми, опытными как в воинских делах, так и в политике. Тогда там было много валахов, которые помогли ему в его деле». Делом Влада было сопровождать императора Иоанна VIII Палеолога в Милан на встречу с Сигизмундом. Во время этого путешествия валашский принц всячески пытался сдружиться с императором и убедить его согласиться на унию греческой церкви с Римом — таково было условие помощи византийцам в борьбе против турок, которое выдвигали папа и император. В тот раз согласие так и не было достигнуто; унию заключили позже, в 1439 году, но она уже не смогла помешать падению Византии. А Влад вернулся из Константинополя в Нюрнберг ко двору Сигизмунда, откуда вскоре опять перебрался в Траисильванию. Возможно, он по заданию императора собирал здесь силы для нового крестового похода — на сей раз на чешских еретиков-гуситов, с которыми Сигизмунд воевал куда активнее, чем с турками, но так же безуспешно.

Наградой за усердие для Влада стало принятие его в орден Дракона на торжественной церемонии, состоявшейся 8 февраля в Нюрнберге в присутствии едва ли не всей немецкой и венгерской знати. Известно, что новоявленный «драконист» принес вассальную присягу императору в качестве будущего князя Валахии, а также согласился принять в ближайшем будущем католическую веру и разрешить ее свободное распространение в своих владениях. В честь вступления в орден новых членов в городе были устроены танцы, фейерверк и представления уличных актеров. Вечером у ворот Тиргартен состоялся рыцарский турнир, в котором участвовали самые опытные бойцы империи вместе с членами ордена, среди которых был и Влад.

Стоит отметить, что переломное XV столетие было еще и последним веком рыцарства. На полях сражений Столетней войны еще разили друг друга закованные в железо всадники, но пушки и аркебузы уже пробивали бреши в рыцарских рядах, делая всю романтику Круглого стола ненужной и бессмысленной. В следующем веке турниры окончательно сделались игрой, но в

эпоху Дракулы к ним еще относились серьезно. Мирча Старый на одной из монастырских фресок изображен в рыцарских датах, и его сын тоже охотно выходил на турнирное поле со щитом, на котором красовался золотой валашский орел. Свою роль здесь играло и то, что юность Влад провел в Буле и Нюрнберге, где привык к обычаям Запала и говорил на пяти известных ему языках лучше, чем на родном румынском.

Одним словом, статный черноусый принц принял участие в турнире и проявил там изрядную доблесть. Когда он сбросил с коня очередного противника, неизвестная дама с император-ской трибуны бросили к ногам его коня драгоценный приз: золотую брошь с эмалевой розой на ней. Принц хранил эту награду всю жизнь, а пять веков спустя она неожиданным и трагичным образом напомнила о судьбе его сына.

Этот сын, названный именем отца, появился на свет вскоре после принятия Влада в орден Дракона, в ноябре 1431 года. Знаменательное событие случилось в трансильванском городе Сигишоара (Шассбург), в трехэтажном готическом доме, который сохранился до сих пор и украшен мемориальной доской. Дом стоит на узкой Кузнечной улице, мощеной булыжником и ведущей к старой крепости, которая возвышается над городом. К моменту рождения принца Влада Данешти уже были свергнуты, и валашский трон занял родной брат Влада-старшего Александру Алдя. Отношения между братьями были далеко не родственными, и Влад по-прежнему не мог вернуться в Валахию. К тому же он выполнял в Трансильвании ответственное поручение ордена — охранял карнатские перевалы от турок, одновременно зорко следя за положением на родине. В 1432 году, когда Алдя был вынужден признать власть султана. Дракул открыто предъявил претензии на власть. В письме городскому совету трансильванского Брашова он писал: «Вам известно, что Алдя открыто передался гуркам и теперь угрожает вам турецким войском, которое уже нападало на вас. Поэтому прошу вас, мои друзья, дать мне сто аркебуз со всем необходимым для них, и луки со стрелами, и щиты, а также людей в помощь, чтобы я изгнал его из страны, и вы могли жить в мире».

Осторожные брашовцы не откликнулись на эту просьбу, и Влад продолжал оставаться в изгнании. Семья его тем временем росла. Старшему сыну Мирче к моменту рождения Влада-младшего было года три или четыре; младший, Раду, появился на свет четыре года спустя, в 1435 году. Кроме того, еще до женитьбы на молдавской княжне у Влада от его возлюбленной Кэлтуны родился сын, тоже Влад (похоже, с фантазией у Дракула дело обстояло плохо), в ранней юности отданный в монастырь по

настоянию богомольной матери и оттого прозванный Калугэрул, то есть «Монах». Еще была дочка по имени Александра, а возможно, и другие дети, законные и незаконные, — валашские господари никогда не отличались строгостью нравов.

Почему-то из всех отпрысков принца только Влад-младший стал называться по отцу — Дракула (Draculea), то есть «сын Дракона» или, более фамильярно, «дракончик». Это могло означать и «сын дьявола», но принц не стыдился прозвища и, в отличие от отца, охотно подписывался им. В этой привычке соединилось многое: гордость полноправного наследника валашских князей, пренебрежение общими условностями и суевериями, отождествление себя с могучим и хищным зверем. Было и еще одно: память об ордене Дракона, желание восстановить его или даже возглавить, повести христианские армии против турок. Принимая прозвище Дракулы, Влад, сын Влада, явно лелеял великие планы и не особенно волновался из-за того, что какие-то там темные крестьяне набожно крестятся при упоминании «дьяволова сына».

Современные румынские ученые избегают называть господаря Дракулой, — в том числе из-за сомнительной славы его тезки-вампира, — предпочитая не менее зловещий эпитет Цепеш (Ţepeş). «Цепэ» по-румынски «кол», Цепеш, соответственно, — «кольщик» или, точнее, «колосажатель». Похоже, это прозвище — калька с турецкого Казыклу-бей, «князь — сажатель на кол», как называли господаря его враги-османы. В Валахии это прозвище впервые зафиксировано только в 1508 году — при жизни Влада оно не употреблялось, считаясь оскорбительным. Сам он подписывался под письмами и указами (их сохранилось больше трех десятков) как «Ио Влад» или «Влад Драгулеа» на церковнославянском и Wladislaus Drakwlya на латыни. Частица «Ио» входила в титул всех валашских князей и была сокращением от имени Иоанн — «данный Богом». Прозвище господаря в разноязычных письменных источниках имеет много вариантов: Draculia, Dracuglia, Draculios, Draculie, Dracole, Tracle, — но сам Влад использовал только формы «Дракулеа» или «Драгулеа». Второй вариант напоминает слово «Дрэгуля», что значит «дорогой», «любимый» и близко к славянскому «дорогуша». Быть может, Влад хотел, чтобы подданные звали его именно так, но эти мечты не сбылись. А в сегодняшней Румынии словом dragulea чаще называют лиц нетрадиционной ориентации, чем легендарного воеводу.

О ранних годах Влада Дракулы мы практически ничего не знаем. Известно, что его научили читать и писать — позже он написал несколько грамот собственной рукой, что для валашских

князей было довольно необычно. Вероятно, по настоянию отца полиглота он учил также латынь, греческий и венгерский языки, которые уже в юности неплохо знал. Жизнь княжеской семьи в Сигишоаре не была легкой: управлявшие городом немецкие патриции относились к румынам свысока и не упускали случая указать им их место. В этом можно увидеть корни той неприязни, которую Дракула испытывал к немцам. Важный вопрос — в какой вере был воспитан юный Влад? Многие считают, что это было католичество, хотя, как уже говорилось, в ордене Дракона могли состоять не только католики. Если Влад-старший и обещал императору принять римскую веру, то обещания не сдержал — позже на родине он всячески поддерживал православие и щедро жертвовал деньги монастырям (на стене одного из них сохранилась фреска с его портретом). Скорее всего, он крестил сына в православной церкви и научил его основам отеческой веры, хотя позже Дракула проявлял изрядное равнодушие к религии — вопреки многим утверждениям, он не был ни ее горячим приверженцем, ни заклятым врагом.

Его отец исподволь прокладывал себе дорогу к валашскому трону Весной 1433 года он снова побывал на встрече рыцарей Дракона в Нюрнберге, где получил от императора задание охранять трансильванскую границу С новыми полномочиями он мог разговаривать с брашовцами более решительно: «Будет весьма немудро с вашей стороны не помочь нам, проливающим за вас свою кровь». Но на прижимистых брашовских купцов, прочно державших в руках торговлю Валахии с европейскими странами, не действовали ни уговоры, ни угрозы. Стравливая Дракула с Алдей, они были твердо намерены остаться в стороне, чтобы извлечь из ситуации как можно больше выгод. Так же действовали валашские бояре — шантажируя нерешительного Алдю тем, что перейдут на сторону его соперника, они под шумок прибирали к рукам «ничейные» земли и села, отказывались платить налоги и даже чеканили свою монету. Возвращаясь в свое тесное, недостойное господаря жилище, усталый Дракул на чем свет стоит ругал саксов и вероломных бояр — и маленький Влад, слушавший эти речи, приучился ненавидеть тех и других.

В начале 1436 года положение наконец изменилось к лучшему: долго болевший Александру Алдя умер, и Влад Дракул с помощью Яноша Хуньяди занял его место. Его семья охотно перебралась в Тырговиште; здесь, в отличие от мрачной готической Сигишоары, дома и церкви радовали глаз яркими красками; река Яломица и цепь прудов кишели рыбой, которую так нравилось ловить сыновьям господаря. Дворец стоял не в центре, как в других городах, а на окраине, прямо на опушке

леса, где принцы могли охотиться на птиц и белок. Еще они сражались на лугу возле дворца на мечах — сначала игрушечных, а потом и настоящих, под присмотром старого Драгомира, давнего соратника отца. Когда мальчишки уставали, он садился с ними на траву у крепостной стены, рассказывал о стародавних делах и сражениях, в которых участвовал.

Влад Дракул поощрял эти занятия, но старался приучать сыновей и к более важному делу — управлению страной. Восьмилетний Мирча уже сидел рядом с отцом на заседаниях Госсовета и подписывал указы. В январе 1437 году имя Влада-младшего, выведенное нетвердой детской рукой, тоже появилось на указе о даровании братьям Станчулу и Роману земель в Фэгэраше — это был первый документ, где появилось имя будущего Дракулы. Но вообще-то теперь принц видел отца редко — Дракул был занят тем, что изо всех сил пытался спасти независимость страны, зажатой между могущественными соседями. Принеся клятву верности венгерскому королю, он одновременно послал дары султану Мураду II (он сменил своего отца Мехмеда I в 1421 году). Влад собирался продолжать двойную игру до тех пор, пока армия крестоносцев, которую собирал император Сигизмунд, не подойдет к валашским границам. Но получилось иначе — в декабре 1437 года император скончался, и его вассалы, члены ордена Дракона, тут же перессорились друг с другом, позабыв про крестовый поход.

Королевой Венгрии стала дочь покойного, Елизавета (Эржебет), мужем которой был герцог Альбрехт Габсбург — так началось восхождение этого неприметного австрийского рода, создавшего в итоге громадную империю. Венгерские магнаты разделились на сторонников и противников герцога, и междоусобицей тут же воспользовались турки, усилившие натиск на балканские земли. Влад Дракул понимал, что ссориться с Османской империей в этих условиях смертельно опасно, и в апреле 1438 года отправился в Бурсу на поклон к султану. Мурад II простил непокорного вассала, но взял с него обещание участвовать в походе против Венгрии. Владу пришлось согласиться — следующим летом валахи присоединились к 50-тысячной турецкой армии, ворвавшейся в незащищенную Трансильванию через те горные проходы, которые Дракул должен был охранять. Жители Брашова, Сибиу и других городов отсиделись за крепкими стенами, но турки разорили всю сельскую местность: молодых и сильных уводили в неволю, остальных предавали мечу. Правда, господарь не столько помогал захватчикам, сколько мешал — к примеру, посылал вперед гонцов, чтобы жители, предупрежденные о нападении, успели

укрыться в ближайшей крепости или бежать в лес. В итоге турки убрались с малой добычей, очень недовольные Владом. Один из их полководцев, Исхак-бей, прямо сказал султану: «Пока этот волчий сын Дракул сидит на Дунае, венгры не покорятся нам».

После этого османы напали на владения сербского деспота Георгия Бранковича, главного союзника Венгрии, и захватили большую их часть. Альбрехт, объявивший себя венгерским королем, начал готовить поход на помощь Сербии, по в октябре 1439 года умер от дизентерии в лагере у города Комаром. Его племянник Фридрих III Габсбург стал королем Германии, а затем и императором, но престол Венгрии ему запять не удалось — антинемецки настроенные магнаты посадили на трон 16-летнего польского короля Владислава Ягеллона, в Буде получившего имя Уласло I. Он возобновил подготовку к крестовому походу, требуя активных действий от всех членов ордена Дракона, в том числе и от Влада Дракула. Прекрасно сознавая, что идет на риск, тот занял османские крепости в устье Дуная и начал собирать войско. Узнав об этом, Мурад II прислал валашскому господарю грозный фирман, требуя от него явиться с данью в свою столицу. «Если ты не повинуешься, — говорилось в указе, — моя армия разорит твою страну до основания, а с тобой и твоими неверными подданными поступит, как угодно Аллаху».

Владу пришлось подчиниться. Весной 1442 года он прибыл в Эдирне и был немедленно заключен в крепость Гелиболу (Галлиполи), где провел несколько месяцев. Под угрозой мучительной смерти Дракул согласился вызвать к османскому двору двух младших сыновей. Летом «родственный обмен» состоялся — десятилетний Влад и шестилетний Раду были привезены в турецкую столицу. Но султан не собирался возвращать ненадежному союзнику власть: на захват Валахии была брошена 40-тысячная турецкая армия во главе с Шехабеддин-беем. Узнав об этом, Янош Хуньяди стремительно двинулся из Трансильвании на юг и 6 сентября у реки Яломицы ударил из лесного укрытия во фланг туркам. Разгром был полным: на поле боя остались 10 тысяч захватчиков, многие утонули в Дунае во время бегства. Узнав о поражении, Мурад в ярости сорвал с головы тюрбан и растоптал его; Шехабеддин был удавлен шелковым шнурком. Захватив Тырговиште, Хуньяди изгнал оттуда юного Мирчу, оставшегося вместо отца, и посадил на трон Басараба II из рода Данешти. Правда, венгры скоро ушли, и следующей весной Дракул перебрался через Дунай с небольшим турецким отрядом и снова завладел столицей. Статус-кво был восстановлен, но жизнь господаря отравляла постоянная тревога за сыновей, от которых не было никаких вестей.

Сразу после прибытия в османские владения Влада и Раду отправили в крепость Эгригёз («кривой глаз») недалеко от Коньи. Там они провели несколько лет под строгой охраной вместе с сыновьями других восточноевропейских правителей. Они обучались тому же, что османские принцы — верховой езде, соколиной охоте, бою на саблях и основам мусульманской веры. Им не позволяли исполнять христианские обряды, мягко, но настойчиво склоняя к переходу в ислам. Но Влад остался тверд — даже в этом возрасте он не поддавался никакому давлению. Турецкие историки (возможно, под влиянием последующих событий) писали, что валашский принце детства был груб, хитер и коварен. Мрачный и нелюдимый, он неохотно общался не только с турками, но и со своими товарищами по заключению. При любой попытке оскорбить или высмеять его бросался в драку, не задумываясь, сильнее его противник или слабее.

С Раду дело обстояло иначе: этот нежный, впечатлительный мальчик охотно перенимал турецкие нравы. Вскоре он сдружился с наследником султана Мехмедом и, по упорным слухам, даже стал его любовником: такое было не в диковину при османском дворе. Греческий историк Лаоник Халкокондил рассказывает, что когда Мехмед пригласил Раду в свой шатер и попытался приласкать, тот в испуге ударил его ножиком для чистки фруктов и убежал. Но принц был так очарован валашским гостем, что спас его от наказания; после этого Раду пришлось уступить его ухаживаниям. Это случилось при султанском дворе в Эдирне, куда юного принца перевели из Эгригёза — уже после того, как в августе 1444 года 12-летний Мехмед II (он был чуть моложе Влада) занял трон падишаха, на время сменив устранившегося от власти отца. Тогда братья, прежде неразлучные, расстались, чтобы встретиться много лет спустя, уже став смертельными врагами.

Победитель турок Янош Хуньяди

На востоке Европы опять назревали грозные события. Неукротимый Янош Хуньяди, прозванный «белым рыцарем христианства», вторгся в османские владения и занял Софию. Одновременно против турок восстал албанский правитель Георгий Кастриоти Скандербег, в свое время тоже заключенный в Эгригёзе. Став в неволе правоверным мусульманином, он, тем не менее, не собирался подчиняться османам и раз за разом бил их армии в неприступных горах Албании. Тем временем венгерско-польская армия, в которую влился и пятитысячный валашский отряд, двинулась вдоль Дуная к Черному морю, стремясь пробиться на помощь окруженному турками Константинополю. Влад Дракул не пошел с крестоносцами, чтобы не погубить своих детей — он поручил командовать валахами старшему сыну Мирче. При этом он понимал, что Владу и Раду все равно грозит опасность, и писал жителям Брашова: «Прошу вас учесть, что я отдал на заклание ради христианского дела двух моих юных сыновей».

В ноябре 1444 года крестоносное воинство подошло к Варне. Соединенный венецианско-французский флот блокировал Босфор, чтобы турки не смогли перебросить подкрепления из

Азии. Тогда султан предложил генуэзцам, давним врагам венецианцев, большие деньги, и те из жадности изменили христианскому делу и перевезли турецкое войско в Европу. Рано утром 10 ноября крестоносцы, численность которых достигала 20 тысяч, увидели на подступах к Варне многочисленные силы противника. Битва началась обстрелом турецких позиций из аркебуз, которые появились лишь недавно и были опасны для самих стрелявших едва ли не больше, чем для их врагов. Но чешские и венгерские аркебузиры были мастерами своего дела — их ядра попадали в самую гущу османов, а оглушительный грохот выстрелов наводил страх на лошадей. Пользуясь замешательством турок, венгерская легкая конница начала атаковать их с флангов, угрожая взять в клещи. Турки быстро отступили, и король Уласло приказал своим рыцарям преследовать их.

Хуньяди пытался возражать, но молодой король ничего не слушал — он уже воображал себя новым Александром, завоевателем Востока. Воевода, хорошо знавший коварную тактику турок, остался на месте со своим отрядом и обреченно смотрел, как сверкающие на солнце ряды рыцарей исчезают на горизонте. Там их уже ждали отборные янычарские полки, тесным кольцом окружавшие ставку султана. Со всех сторон на крестоносцев обрушились всадники-спахии, которые гарцевали вокруг неповоротливых рыцарей, поражая их ударами дротиков и копий. Один за другим спутники Уласло падали с коней, а потом и сам король рухнул на землю. Кто-то из турок тут же отрезал ему голову и поспешил с драгоценным трофеем к султану По ликующим крикам «Аллах акбар!» Хуньяди понял, что дело проиграно. Сгрудившаяся на равнине крестоносная пехота была обречена, и воевода решил спасти хотя бы своих людей. Бросив обоз, венгры поспешили прочь, к ближайшей переправе через Дунай. Турки еще долго занимались добиванием христианской армии, и полководца никто не преследовал, но на территории Валахии его арестовали по приказу Влада. На основании свидетельства чудом спасшегося Мирчи князь заявил, что Хуньяди бежал с поля боя, что и привело к поражению христианской армии. Кроме этого он обвинял союзника в недооценке сил турок: «Султан даже на охоту выезжает с большей свитой, чем те двадцать тысяч, что воевода вывел на поле боя». Многие венгерские магнаты поверили обвинениям — они давно невзлюбили выскочку Хуньяди, которого называли не иначе как Янку из Хунедоары, напоминая о его «низком» румынском происхождении. В итоге военный совет приговорил полководца к смерти. Былые заслуги «белого рыцаря» спасли ему жизнь, но

несколько месяцев он все-таки провел в тюрьме.

Зачем Владу нужно было ссориться с ближайшим союзником — не вполне понятно. Даже если его искренне возмущали промахи Хуньяди, такой *опытный* воин, как он, должен был понимать, что в поражении под Варной виновата не осторожность Яноша, а безрассудная храбрость короля Владислава. Нелепо было обвинять воеводу и в малочисленности крестоносной армии — он повел в бой ровно столько людей, сколько ему не слишком щедро выделили венгерские и польские магнаты. Похоже, Дракул просто использовал удобный повод, чтобы разделаться с опасным соседом, постоянно угрожавшим его власти. Как бы то ни было, его план по устранению Хуньяди не удался, и теперь ему нужно было всерьез опасаться мести сурового воеводы. Оставался, правда, шанс задобрить венгров, выступив на их стороне против турок, — хотя тем самым Дракул нарушал клятву не воевать против султана и снова подвергал опасности жизнь Влада и Раду. Летом 1445 года он присоединился к флоту европейских крестоносцев под командованием Галерана де Ваврена, который в союзе с валахами сумел захватить несколько турецких цитаделей на Дунае, включая Джурджу, возвращенную Валахии. Дядя Галерана, бургундский историк Жан де Ваврен, составил по рассказам племянника обстоятельное описание этой кампании. Он высоко отзывался об уме и храбрости валашского господаря, но был шокирован его коварством — при осаде крепости Силистра тот уговорил ее защитников сдаться, обещая им неприкосновенность, а потом всех перебил.

Как ни странно, измена Дракулы султану никак не повлияла на судьбу его сыновей, хотя другие христианские заложники дорого платили и за меньшие грехи. Например, сербские принцы Стефан и Гргур в 1441 году были ослеплены раскаленным железом всего лишь за то, что пытались сообщить отцу о военных планах османов. Влад и Раду же по-прежнему жили в Эгригёзе, и хотя их тщательно охраняли, но никакого членовредительства по отношению к ним допущено не было.

Правда, иные авторы фантазируют, что их (или одного Влада) отправили в страшный замок-тюрьму Токат, где били, морили голодом, демонстрировали им мучительные казни, включая сажание на кол, но об этом ровно ничего не известно. Похоже, валашских принцев просто спутали с упомянутыми сербами, которые на самом деле находились в Токате до тех пор, пока их отец, деспот Георгий Бранкович, не сдался на милость турок. Кстати, колосажание в тогдашней Османской империи было не слишком популярно, и юный Влад вряд ли мог научиться ему у своих тюремщиков. Скорее уж, он позаимствовал этот способ

казни в Трансильвании, где «цивилизованные» немцы во множестве сажали на кол разбойников, убийц, а порой и еретиков, то есть православных.

Вскоре события обернулись неутешительно для валашского воеводы: королем Венгрии взамен погибшего Владислава был избран пятилетний Ласло V, сын Альбрехта Габсбурга и Елизаветы, а Янош Хуньяди стал регентом, фактически правителем страны. Непреклонный воевода сразу же начал мстить своим врагам, к которым теперь относился и Влад Дракул. По этому поводу возникла еще одна легенда — Дракул предал своего собрата по ордену Дракона, что каралось смертью. На самом деле Хуньяди не был принят в орден из-за недостаточной знатности, что стало для него еще одной причиной ненавидеть валашского князя. Осенью 1447 года в письме жителям Брашова полководец называл Влада «проклятым клятвопреступником» и говорил о намерении свергнуть его с валашского трона. Как водится, в Трансильвании тут же объявились претенденты из рода Данешти — сыновья господаря Дана II Дан и Владислав, готовые занять освободившееся место.

Надо сказать, что Дракул и правда не проявил должной преданности крестоносному делу. Венгерский историк Бонфини пишет, что он «вернул туркам все захваченные у них крепости и, кроме того, передал им 4000 христиан, освобожденных из их рабства во время предыдущей войны». Немецкая хроника выдвинула более фантастическую версию — Влад «отверг Христа и уверовал в ложных богов», но это явная выдумка. А вот в то, что воевода тайно заключил мир с турками, поверить можно. Как и в то, что ценой этого стала жизнь его сыновей — они были тем единственным, ради чего воевода мог предать союзников и изменить идеалам ордена Дракона, и султан Мурад хорошо это знал. Но для несгибаемого Хуньяди это не было оправданием; он твердо решил, что новое предательство бывшего союзника будет последним.

Столица Валахии в представлении немецкого художника XV века

«Белый рыцарь» и сам умел быть вероломным — и доказал это, попросив у Влада пропустить его войско к Дунаю якобы для похода на турок. В тот раз обычная осторожность изменила господарю. В декабре 1447 года он лично прибыл в село Балтени встретить венгров, которыми командовал капитан Станчул — тот самый боярин, которому Дракул и его юный сын когда-то даровали земли в Фэгэраше. Неожиданно воины Хуньяди накинулись на господаря, стащили его с коня и тут же зарубили. Чтобы оправдать свой поступок, регент распустил слух, что в руки ему попало письмо Влада, где тот обещал султану в решающий момент предать христианское войско и перейти на сторону турок. В будущем та же история повторится с его сыном… Говорили, что перед смертью Дракул просил своих убийц только об одном — пощадить Мирчу, который, как и до этого, замещал отца в Тырговиште. Он не знал, что в столицу уже прибыл претендент Владислав 11, опередивший своего брата Дана. Желая выслужиться перед новым правителем, бояре схватили 20-летнего принца и предали страшной смерти — ослепили раскаленным железом, а потом закопали живьем.

Мы не знаем, присутствовал ли Янош Хуньяди при гибели Влада, но сразу после этого он прибыл в Тырговиште, где объявил себя «воеводой закарпатских земель», а вскоре отправился в Молдову, чтобы свергнуть протурецкого господаря Романа и привести к власти его соперника Петра. Казалось, его мечта — единый антитурецкий фронт от Адриатики до Черного моря — становится реальностью. Осенью 1448 года венгерская армия численностью в 30 тысяч человек, в которую входил и шеститысячный валашский отряд во главе с Владиславом II, двинулась на юг, на помощь воюющему с турками Скандербегу. По пути крестоносцы разорили Сербию, чтобы отомстить Георгию Бранковичу за предательство христианского дела. В отместку сербский деспот сообщал туркам обо всех передвижениях венгров и подсказывал, как лучше разгромить их. Обойдя наступавших врагов, 50-тысячное войско султана преградило им дорогу на пути в Албанию. 17 октября на печально знаменитом Косовом поле началась отчаянная битва. Три дня противники засыпали друг друга стрелами и пушечными ядрами, сшибались в отчаянных кавалерийских атаках, но ни турки, ни христиане не могли добиться успеха. В конце концов, узнав о подходе к врагам свежего подкрепления и боясь повторения варненского разгрома, Хуньяди приказал войску отступить.

Еще до сражения Мурад II велел перевезти юного Влада Дракулу из Эгригёза к валашской границе. По пути принц посетил Эдирне, где султан радушно принял его, одарив парчовым халатом, мечом в позолоченных ножнах и крупной суммой денег. План был прост: пока венгерский ставленник Владислав воюет в дальних краях, его враг, воспитанный турками и обещавший хранить им верность, без помех займет его место. Так и случилось — сразу после косовского разгрома турецкий отряд пересек Дунай и, не встретив никакого сопротивления, доставил принца в Тырговиште. 22 или 23 октября Влад принес присягу в присутствии немногих оставшихся в столице бояр и престарелого митрополита Евфимия. Он стал третьим господарем Валахии по имени Влад, хотя немцы чаще называли его Ладислаус, а венгры — Ласло. Некоторые историки ошибочно именуют его Владом IV, включая в общий счет его соперника Владислава. Их имена и правда очень похожи, но непримиримая вражда, замешанная на крови, разделила не только двух родственников, но и семейство Данешти и их противников — потомков Влада Дракулы, получивших отныне прозвище Дракулешти.

31 октября Дракула, которому еще не исполнилось семнадцати, написал свой первый официальный документ —

краткое письмо трансильванскому вице-губернатору Миклошу, подписав его «Но Влад, валашский воевода, твой брат во всем». Он еще не привык к власти, раз объявляет себя «братом» не слишком значительного чиновника. После долгого плена ему, совсем еще юноше, предстоит привыкнуть к свободе и ответственности не только за себя, но и за других. Предстоит узнать неведомое или давно забытое: просторы родной земли, вкус вина (при турецком дворе оно запрещалось), женские ласки. И, конечно, сладость мести, о которой он мечтал много лет, — мести убийцам отца и брата, оскорбителям родовой чести, врагам Валахии.

Но тогда до этого дело не дошло — первое правление Влада III Дракулы продлилось чуть больше месяца. Едва Янош Хуньяди с остатками армии добрался домой, он тут же поспешил в Тырговиште и в начале декабря 1448 года вновь утвердил там власть Владислава Данешти. Не дожидаясь его прихода, Влад бежал за Дунай к туркам. В Эдирне его принял Мехмед, от которого ни на шаг не отходил разодетый, нарумяненный Раду. Османский наследник держался холодно, давая понять, кому принадлежат его симпатии в претензиях на валашский трон. Дракула поспешил уехать — он знал, что неудачливого союзника турок вполне могут ждать бокал с ядом или шелковая петля на горле. Его путь лежал в Молдову, где вместо убитого Петра уже правил его брат и дядя Влада — Богдан II.

В гостеприимной молдавской столице Сучаве Дракула провел, пожалуй, самые безмятежные годы своей бурной жизни. Подружившись с сыном господаря Стефаном — будущим Стефаном III Великим, одним из главных героев румынской и молдавской истории, — он охотно пировал, охотился, посещал по ночам нестрогих девиц, которым льстило внимание молодого и красивого принца. То, что Влад был красавцем, видно даже по поздним портретам, на которые уже легла печать его кровавой славы. Самый известный из них (точнее, копия, сделанная в XVI веке с пропавшего бесследно оригинала) хранится в старинном замке Амбрас в Инсбруке. Тирольский эрцгерцог Фердинанд II (1529–1595), живший здесь со своей незнатной возлюбленной Филиппиной Вельзер, создал в замке «галерею диковин» с портретами всевозможных уродов — физических и нравственных. Портрет Дракулы помещен там между изображениями заросшего волосами «человека-волка» Гонсало с Канарских островов и венгерского дворянина Грегора Бачи, у которого во время поединка в голове застряло копье, и в таком состоянии он умудрился прожить целый год. Затейник Фердинанд разместил картины с тайным смыслом, и кажется, что Колосажатель с явным

удовольствием косится на пронзенного копьем соседа.

Другой портрет Дракулы, в рост, находится в Цюрихском музее, третий — в Вене; еще несколько, в виде гравюр, приведены в немецких печатных памфлетах. На всех мы видим мужчину с черными вьющимися волосами, длинными усами и большими выразительными глазами, одетого не только богато, но и щегольски — в алый кафтан с золочеными пуговицами, плащ с меховой опушкой и высокую шапку («на манер папской», как говорили летописцы), украшенную жемчугом, алмазами и пером белой цапли. О его жестоком нраве говорят сурово сдвинутые брови и злобный взгляд, но на картине из Амбраса зеленые глаза Дракулы скорее печальны — неудивительно, если вспомнить, сколько ему пришлось пережить к концу своей не слишком долгой жизни.

В Молдове ему довелось и повоевать — на страну опять напали поляки, пытавшиеся посадить на трон своего ставленника, принца Александрела. Молдаване по своему обычаю заманили врагов в глубь страны, где могли с выгодой использовать знание местности. Решающее сражение состоялось в сентябре 1450 года у деревни Красна. Заботливый воевода Богдан запер Влада и Стефана в ближней крепости Каменица для их безопасности, но принцы сбежали и кинулись в самую гущу сражения. Все, видевшие Дракулу в бою, утверждали, что он в это время впадает в настоящее неистовство и способен обратить в бегство целую сотню врагов. Именно такими были одержимые скандинавские воины-берсерки, и враждебно настроенные немецкие историки называли Влада именно этим словом, — правда, в их времена оно уже означало просто безумца…

Боевое крещение при Красне прошло успешно: валашский принц был в первых рядах молдаван, опрокинувших польскую конницу и обративших врага в беспорядочна бегство. В густом лесу длинные кудри модников-шляхтичей застревали в ветвях деревьев, как у библейского Авессалома; молдаване настигали их и рубили. На поле боя осталось больше двух тысяч врагов, а принц Александрел и польский воевода Бучацкий едва сумели спастись. После этого сражения Влада зауважали при дворе, но скоро ему пришлось покинуть гостеприимную Сучаву. Новый претендент на молдавский трон, кузен Богдана Петру Арон, действовал хитрее — в октябре 1451 года его сторонники устроили заговор и убили господаря прямо во дворце. Влад и Стефан, неразлучные, как всегда, сумели прорубиться сквозь толпу врагов, вскочить на коней и выбраться из города. Двое принцев поспешили на запад, в Трансильванию, — у них не было другого выхода как отдаться на милость Яноша Хуньяди. На их

счастье, грозный воевода успел к тому времени рассориться со своим валашским союзником. Господарь Владислав, обязанный ему властью, постепенно склонялся на сторону турок: в феврале того же 1451 года, когда Мехмед II после смерти отца стал наконец полновластным правителем империи, господарь послал ему богатые дары.

Самый знаменитый портрет Дракулы из замка Амбрас в Тироле

Новый султан, которому было всего 18 лет, твердо намеревался заслужить славу великого завоевателя. Первой его целью стал Константинополь, для захвата которого в начале 1453 года была собрана 80-тысячная армия, в то время как византийский император Константин XI Палеолог располагал только десятью тысячами воинов. При осаде турки впервые в истории широко применяли артиллерию — у них было 500 малых пушек, 50 больших и одна гигантская, весившая 19 тонн, из которой стрелял немецкий перебежчик Урбан. Пушечные ядра обрушили давно не ремонтировавшиеся стены города, и на рассвете 29 мая нападавшие с трех сторон ворвались внутрь. Генуэзцы, входившие в войско императора, предали его и сдались туркам на условиях сохранения их торговых привилегий.

Константин с несколькими сотнями воинов три часа защищал западные ворота; в конце концов их окружили и изрубили всех до единого. Позже императора отыскали в куче трупов по красным сапогам, которые во всей Византии мог носить только он. Голова его была выставлена у ворот дворца Буколеон, где обосновался султан. Мехмед на три дин отдал город на разграбление своим солдатам, но запретил трогать великолепный собор Святой Софии, который велел превратить в мечеть. Многие тысячи горожан были убиты или угнаны в рабство; султану пришлось переселить в свою новую столицу жителей нескольких городов Малой Азии, но еще долго целые кварталы Константинополя, переименованного в Стамбул, оставались безлюдными.

Хотя одряхлевшая, запутавшаяся в собственных интригах Византия уже давно балансировала на грани гибели, ее падение вселило страх и растерянность в сердца европейцев. В Риме был объявлен траур; на площадях Вечного города самозваные пророки предсказывали, что Антихрист уже явился, и имя ему — Великий Турок, как на Западе называли султана. Итальянские дипломаты доносили из Турции, что Мехмед планирует вслед за «вторым Римом» покорить первый, но другие утверждали, что первым делом он пошлет свою бесчисленную армию на север, против императора Фридриха III, поскольку желает остаться единственным императором во всем мире. Сильнее других испугался валашский князь Владислав, отделенный от владений султана лишь непрочной преградой Дуная. В июне 1453 года он не только пропустил 10-тысячную османскую армию в Трансильванию, но и сам присоединился к ней со своей дружиной, разорив приграничные деревни. Нападение было отбито секлерами, посланными Яношем Хуньяди, а союз валашского князя с Венгрией рухнул окончательно.

До этого Дракула находился в ставке Хуньяди на положении заложника, и его вместе со Стефаном даже собирались выслать в Молдову, где их неминуемо ждала смерть. Но теперь статус принца изменился — Янош представил его королю Ласло как законного претендента на трон Валахии, достойного всяческой поддержки венгров. Проверкой для него стали боевые действия в Сербии, которую все еще пытались захватить османы. В сражениях Владу доверили командование отрядом, набранным из трансильванских валахов. Наблюдая за молодым военачальником, Хуньяди отметил, что он храбр, но слишком порывист и сам кидается в схватку вместо того, чтобы руководить ею из безопасного места. Отвага венгров и валахов оказалась напрасной: сербский деспот Георгий Бранкович, за которого они сражались, неожиданно сдался на милость турок. Осенью 1455

года войска Хуньяди отступили к Белграду — последнему оплоту христиан за Дунаем.

Воюющие стороны долго накапливали силы, и летом следующего года Мехмед II со стотысячным войском начал решающее наступление на Белград. Гарнизон под командованием Михая Силади сопротивлялся, пока на помощь ему не подоспел из-за Дуная сам Хуньяди с армией в 40 тысяч человек. 21 июля турки пошли на штурм, но защитники крепости, вдохновляемые папским легатом Джованни Капистрано, отбили его и на следующий день сами бросились в атаку. Турки, захваченные врасплох в собственном лагере, гибли тысячами; сам султан был ранен в бедро и едва успел отступить от города с остатками армии, потеряв обоз и большинство пушек. Европа была спасена; от Вены до Лондона звонили колокола, празднуя великую победу. Торжества были омрачены смертью «белого рыцаря» — Хуньяди умер 11 августа от чумы, которая проникла в лагерь победителей. Незадолго до этого над континентом появилась комета Галлея, которую считали вестницей эпидемии и других несчастий. Но для Влада Дракулы зловещая хвостатая звезда стала символом победы; позже он даже изображал ее на своих монетах — золотых дукатах и серебряных асирах.

Дракула не участвовал в обороне Белграда: то ли по собственной инициативе, то ли по приказу Хуньяди он еще весной отправился в Трансильванию, чтобы снова побороться за власть. Узнав об этом, струсивший воевода Владислав II решил принять меры — как-то в Сибиу, когда Влад вечером возвращался домой, на него напади двое людей с саблями. Боевой опыт не прошел даром: Дракула быстро обезоружил обоих и передал их, истекающих кровью, в руки городской стражи. Нападавшие, венгерские дворяне Пал Гереб и Миклош из Окны, признались, что их нанял Владислав. Этот случай побудил Влада еще активнее готовить поход в Валахию. По его просьбе Хуньяди в июле отправил письмо жителям Брашова, приказывая им предоставить помощь людьми и припасами воеводе Владу «для восстановления его наследственных прав».

Так сегодня выглядят развалины дворца Дракулы

Собрав силы, Дракула в августе выступил в поход. Его войско состояло из двух тысяч немецких наемников, изгнанников-молдаван во главе с принцем Стефаном и немногих валашских бояр, перешедших на его сторону. Недалеко от столицы состоялось его сражение с дружиной воеводы Владислава — оно было недолгим и закончилось полной победой. Летопись сообщает о том, что 20 августа Владислав «погиб от меча посреди Тыргшора». В этом городе в свое время был убит Мирча; не исключено, что Дракула, захватив в плен убийцу брата, привез его туда и лично обезглавил, а не убил в поединке, как утверждают легенды. Позже он выстроил в Тыргшоре церковь, где торжественно перезахоронил останки Мирчи — надпись, повествующая об этом событии, сохранилась до сих пор. Тело Владислава Дракула разрешил похоронить в церкви Дялу в Тырговиште. Позже один из приближенных возмутился, что враг воеводы лежит в самом центре города, и предложил перенести его тело на окраину. Дракула, усмехнувшись, ответил: «Пусть все мои враги лежат где угодно — лишь бы я был уверен, что они больше не встанут!»

В конце августа новый господарь торжественно вступил в столицу. Горожане, задавленные податями — им приходилось платить не только князю, но и венграм, а с недавних пор еще и туркам, ждали изменений к лучшему. Соратники Влада,

прошедшие с ним боевой путь, надеялись на награды и должности при дворе. Бояре, хоть и опасавшиеся мести за поддержку Данешти, рассчитывали, что скоро новый князь успокоится и все пойдет по-старому. Как скоро выяснилось, они заблуждались, Началось шестилетнее второе правление Дракулы, когда он совершит всё то, что на века вперед окружит его имя ореолом кровавой славы.

Железом и кровью

Практически все авторы, пишущие о Владе Дракуле, пересказывают одни и те же сочинения о нем, относящиеся к своему герою одинаково — то есть крайне враждебно. Чтобы понять, насколько эти источники правдивы, нужно знать, когда, кем и с какой целью они создавались. Самый известный из них — поэма немецкого мейстерзингера (певца-ремесленника) Михаэля Бехайма «Об одном безумце по имени Дракула — воевода Валашский», написанная в 1463 году, когда господарь находился в венгерской тюрьме. Талантливый, но беспутный Бехайм, самый плодовитый немецкий поэт XV столетия, вел жизнь бродяги, скитаясь от одного замка к другому и сочиняя стихи за умеренную плату. В то время он жил в Вене при дворе Габсбургов, в Валахии никогда не бывал и особого интереса к ней не испытывал — поэтому можно не сомневаться, что его поэма была написана по заказу. И притом хорошо оплачена: вскоре поэт вернулся в родной городок Зульцбах, купил там дом, но продолжал вести прежний образ жизни и в 1474 году был убит — то ли в пьяной драке, то ли в отместку за оскорбительные стихи.

С поставленной задачей — приписать Дракуле как можно больше преступлений, — Бехайм справился превосходно. Валашский воевода у него совершает все мыслимые зверства, включая те, в которых древние авторы обвиняли совсем других правителей, К примеру, Дракула, по словам поэта, собрал множество нищих будто бы на пир и сжег их, желая избавить страну от бездельников. Но, по словам немецких хронистов, это злодеяние еще в XI веке совершил епископ Майнца Гат-тои — за что и был ославлен в балладе Саути, известной у нас в переводе Жуковского. Не заботясь о правдоподобии, поэт создал жуткую картину «ада на земле», в который якобы превратилась Валахия в правление Влада:

Послам из Семиградья
Валахия была страшна.
Вся в грумах, вся в крови страна.
Послы, на колья глядя,
Их приняли за частый лес.
Как будто больше нет небес.
Средь кольев Дракул весел.
Людей варил он, жег, душил.
Он многим черепа крушил,
А скольких он повесил![2]

Бехайм впервые прочитал свою поэму в августе 1463 года при дворе Фридриха III в Вене. Похоже, она стала настоящей сенсацией: почти сразу же ее пересказал в своей «Хронике римского царства» придворный историк Томас Эбендорфер, а осенью тот же рассказ в латинском переводе включил в свои «Записки» папа Пий II, который очень интересовался жизнью Дракулы. Не исключено, что все три текста основаны на одном прозаическом документе о злодеяниях валашского князя — он мог попасть в Вену, а оттуда в Рим с венгерским посольством, которое в конце июня прибыло в имперскую столицу для заключения мирного договора. Однако сомнительно, что мейстерзингер, известный своим разгульным образом жизни, сочинил довольно длинную (1070 строк) поэму всего за месяц. Скорее всего, он получил заказ гораздо раньше, сразу после ареста Дракулы, и собирал сведения самостоятельно, из разных источников — причем свидетели преступлений воеводы объявились тут же, будто по заказу.

Самое раннее прозаическое произведение о Дракуле появилось в том же 1463 году в бенедиктинском монастыре Мельк в Австрии (уже в наши дни он вдохновил Умберто Эко на создание «Имени розы»). Его автором был некий брат Якоб — скорее всего, тот самый, который, по словам Бехайма едва не стал в свое время жертвой гнева валашского князя. Похоже, он был монахом маленькой францисканской обители в Тырговиште, которую воевода разогнал, борясь с католическим влиянием. После этого Якоб бежал в Мельк, где жили и другие беженцы из Валахии. Бывая по делам в Вене, монах охотно рассказывал про пережитые им и его товарищами ужасы другу-поэту — не исключено, что за кружкой доброго вина. Тогда получается, что именно он, а не венгерские придворные дали Бехайму основной материал для поэмы. Однако без гонорара рачительный мейстерзингер за перо не брался, а стало быть, без венгерского заказа все-таки не обошлось. К сожалению, сочинение брата Якоба до нас не дошло, и судить о его сходстве с поэмой невозможно.

В следующие десятилетия сюжет поэмы Бехайма был повторен и развит в анонимных печатных брошюрах, изданных в разных городах Германии — Нюрнберге, Любеке, Гамбурге, Аугсбурге и так далее. Гутенбергов пресс заработал совсем недавно, и эти памфлеты, украшенные жуткими гравюрами, стали первыми произведениями массовой литературы — ими бойко торговали на базарах, как в России лубками. Всего этих брошюр

известно тринадцать — в основном они повторяют Бехайма и друг друга, отличаясь только деталями. Суть их исчерпывающе отражена в сверхдлинном, как тогда было принято, названии одного из них: «Пугающая история безумца или берсерка по имени Дракула, который отличился своими богомерзкими делами — убивал людей, сажая их на кол, рубил их в капусту, варил живьем матерей вместе с детьми и заставлял их родственников поедать их». Хотя некоторые памфлеты именуются «Историей», там нет ни связного повествования, ни хронологии — это сборники из 30–35 анекдотов, объединенных фигурой главного героя. Имена и географические названия, которые немецкий поэт воспроизвел достаточно точно, в памфлетах немилосердно искажены — их явно писали люди, ничего не знавшие о Валахии и ее жителях. В отличие от Бехайма, они ставили перед собой цель не столько разнести дурную славу о валашском правителе, сколько нажиться на кровавых историях, всегда популярных у публики. Как всякая скоропортящаяся литературная продукция, эти сочинения вскоре были забыты.

А вот второй источник сведений о Дракуле оставался популярным еще долго — во всяком случае, на Руси, где было написано анонимное сочинение «Повесть о Дракуле воеводе». Ее автором большинство историков считают видного дипломата, дьяка Посольского приказа Федора Курицына, который в 1482 году ездил в Венгрию на переговоры и услышал там множество историй о Дракуле. На обратном пути дьяк заехал в Молдову, чтобы договориться о браке между дочерью господаря Стефана и сыном великого князя Ивана III. В Сучаве он пополнил запас знаний о валашском воеводе, а потом был надолго задержан турками в крепости Аккерман, — очевидно, там, пользуясь вынужденным досугом, он и записал все услышанное в назидание современникам и потомкам. «Повесть» была закончена в 1486 году, а полтора десятилетия спустя ее автор потерял придворную должность (а возможно, и жизнь), прослыв сторонником ереси жидовствующих. Курицын повторяет многие страшные истории про Дракулу, но пишет о нем более объективно, порой даже сочувственно. К тому же в его сочинении приводятся уникальные подробности жизни и смерти господаря, которые могли сообщить только свидетели. Характерно, что главным грехом воеводы русский автор считает не жестокость, а переход в католичество («приа латыньскую прелесть»). Тут стоит вспомнить, что у румын бытовало поверье: православный, отрекшийся от своей веры, становится после смерти вампиром…

По поводу Дракулы не могли не высказаться и венгры, с которыми он был тесно (часто теснее, чем хотел) связан большую

часть жизни. Официальный историограф короля Матьяша Корвина, итальянец Антонио Бонфини, завершил в 1485 году обширное сочинение на латыни под названием «Декады о венгерских делах», где несколько страниц посвящено валашскому господарю. Бонфини хоть и пишет, что Дракула «прославился невиданными жестокостями», но никаких примеров не приводит, повествуя в основном о войне Влада с турками и с похвалой отзываясь о его храбрости. Другой итальянец, папский легат Никколо Макиненсе, епископ Модруссы (ныне город Модруш в Хорватии), побывавший весной 1463 года в Венгрии, вручил папе пространное донесение о Дракуле, сохраненное в архивах Ватикана. В отличие от Бонфини, он обличал воеводу не хуже Бехайма, обвиняя его помимо жестокости в «измене христианскому делу» и сговоре с турками. Можно вспомнить, что именно это обвинение — по мнению большинства историков, ложное — привело Дракулу в тюрьму, и догадаться, что задача донесения епископа — доказать в глазах папы сомнительную правоту короля Матьяша. Ведь тот бросил в темницу не кого-нибудь, а главу соседнего государства; для этого требовались веские основания, которые не грех и сфабриковать.

Вот, собственно, и всё. Другие источники или чересчур кратки (это относится к грамотам и письмам самого Дракулы), или посвящены исключительно войне господаря с турками. Среди последних выделяются «Записки янычара», автором которых считают серба Константина Михайловича из Островицы, много лет прослужившего в турецкой армии. Он участвовал в походе турок против Дракулы в 1462 году и был свидетелем знаменитой «ночной атаки», в которой предводитель валахов едва не лишил жизни самого султана Мехмеда II. Краткие по-военному записки отражают уважение янычара к сильному и хитрому противнику. Об этом походе писали также византийские историки Лаоник Халкокондил и Михаил Дука, в трудах которых явственно проглядывает восхищение дерзостью непокорного воеводы, бросившего вызов гораздо более сильному противнику. Сами турки о Тараклу Ифлак-бес, Дракуле Валашском, пишут мало — буквально несколько фраз в исторических трудах и официальной переписке. О человеке, который переиграл великого Мехмеда Фатиха (Завоевателя) в дипломатии и не сдался ему на поле боя, лучше — и безопаснее — было помолчать.

Среди всех этих разноязыких сочинений не звучит голос только тех, кто общался с Дракулой больше всего — самих румын. Исторические сочинения этого периода, как уже говорилось, отсутствуют, а народные предания начали записывать только в XIX веке, когда Румыния стала наконец независимой и

единой. За пределами страны они стали известны только в 1972 году, когда двое историков — румын-эмигрант Раду Флореску и шотландец Реймонд Макнелли — выпустили в США книгу «В поисках Дракулы». Обобщив все известные свидетельства о валашском господаре, они впервые предъявили миру вместо вампира из романа Стокера реального исторического деятеля с его достоинствами и недостатками. Правда, соавторы не обошлись без саморекламы, претендуя на открытие многих фактов и источников, давным-давно обнаруженных учеными — прежде всего румынскими и русскими. К тому же в их книге хватало ошибок и сомнительных умозаключений, отчасти исправленных в последующих трудах Флореску и Макнелли, на которых базируется вся современная «дракул иана».

Так вот, румынские легенды повторяют многие обвинения в адрес Дракулы, прозвучавшие в сочинениях названных нами авторов. Скорее всего, это означает, что они основаны на фактах — трудно предположить, что неграмотные крестьяне читали на досуге труды Курицына или Бехайма, к тому же написанные на чужом для них языке. Есть, правда, и другое объяснение: страшные истории взяты из фольклора и не относятся к какому-то реальному правителю, а Дракуле их приписали только потому, что он был самым колоритным валашским князем своего времени. В любом случае, легенды не только осуждают жестокость Дракулы, но и изумляются, почти восторгаются ею, а заодно пытаются оправдать — государственными нуждами или тем, что «с людьми иначе нельзя». Для западного читателя это звучит дико (вот и Флореску с Макнелли возмущаются), а русскому уху слышится что-то давно знакомое. На ум приходят даже не нынешние восхваления сталинского террора, а народные песни о Иване Грозном: в них и ужас, и восхищение, и оправдание преступлений царя-тирана.

Кстати, сам Иван Грозный, усердный читатель, наверняка вдохновлялся «Повестью о Дракуле воеводе», подражая описанным там казням и пыткам. И не только он — в 1470 году английский вельможа Джон Типтофт, граф Вустерский, вдруг начал сажать своих крестьян на кол в наказание за разные проступки. До этого он служил дипломатом при папском дворе, где наверняка слышал о Дракуле и его методах наведения порядка. Надо сказать, что развернуться графу не дали король Генрих VI приговорил любителя экзотики к смерти «за поступки, противные законам нашей страны». Однако и в просвещенном XVIII столетии в Европе находились любители колосажания, в том числе Петр Великий, приказавший посадить на кол среди многих прочих и любовника своей жены — майора Степана Глебова.

Однако вернемся к Владу Дракуле, который только еще начинает править своим маленьким государством, зажатым между Карпатами и Дунаем, между венграми и турками. Порядка нет, казна пуста, княжеская дружина разбежалась, бояре захватывают государственные земли. Главная задача Влада — любой ценой восстановить твердую власть, иначе внешние и внутренние враги разорвут страну на части. Об этом он писал в письме городскому совету Брашова в сентябре 1456 года: «Если правящий государь силен и могуществен, он может вести дела так, как пожелает, но если он слаб, другой, более сильный, выступит против него и сделает с ним все, что ему угодно». Далее он переходит от философии к делу: «Турки ищут пути ограбить вашу страну, пройдя через нашу… Но мы не желаем вам зла, в чем я вам уже ручался. Я и впредь останусь вашим братом и другом, потому я и задержал турецких послов здесь, чтобы иметь время сообщить вам новости… Прошу вас не позже следующего воскресенья прислать нам двести, сто или хотя бы пятьдесят воинов. Когда турки увидят их, они решат, что следом за ними явится большое венгерское войско, и умерят свои притязания. Спешите же, ибо Бог видит, что мы заботимся о ваших мире и безопасности так же, как и о своих».

Брашов (Кронштадт) и Сибиу (Германштадт) были не только богаче и многолюднее других трансильванских городов, но и ближе всего к Валахии. Многие валахи уезжали туда на заработки, горожане ездили на юг торговать, и Влад был вправе рассчитывать на помощь соседей. Ему, как и прежде, требовались воины и оружие для них. Турция, уже оправившаяся от белградского разгрома, готова была возобновить натиск на румынские земли. Осенью в Тырговиште прибыли османские послы, доставившие личное послание султана: «Император императоров и царь царей приветствует своего верного вассала Тараклу Ифлак-бея и желает ему здравствовать сто лет…» За медом этих вкрадчивых речей Дракула давно привык различать сталь угроз. Мехмед требовал подчинения не на словах, а на деле — ежегодной выдачи 10 тысяч золотых и 500 крепких валашских юношей для янычарского войска. Как видно из письма брашовцам, Порта выдвигала и еще одно требование: пропустить турецкую армию в Трансильванию, как прежде уже вынуждены были сделать Влад Дракул и Владислав.

Это были тяжелые условия, но воевать с турками господарь сейчас не мог. На поддержку со стороны Венгрии надежды не было: юный король Ласло V страдал смертельным недугом (судя по симптомам, лейкемией), и у его ложа дрались за власть феодальные кланы. Сын Яноша Хуньяди Ласло подстроил

убийство своего соперника Ульрика Циллеи, и сам был казнен возмущенными магнатами. Другого сына покойного «белого рыцаря», юного Матьяша по прозвищу Корвин («ворон»), посадили в тюрьму, но дворяне требовали освободить его и возвести на трон, чтобы не допустить к власти Габсбургов. В бурных, доходивших до сабельных схваток, спорах между сторонниками разных партий венгры забыли и о Валахии, и о нависшей над страной турецкой угрозе. Дракуле оставалось надеяться на помощь трансильванцев, но те даже не отвечали на его письма. Вдобавок он узнал, что они приютили у себя сразу двух претендентов на валашский престол — Дана Данешти и Влада Монаха, который сбежал из монастыря, чтобы попытать силы в борьбе за власть. Расчетливые саксы решили, что беглые принцы будут неплохим орудием для давления на Дракулу. Господарь был твердо намерен разобраться с трансильванцами, но сначала надо было обезопасить себя от турецкого вторжения. Скрепя сердце пришлось принять навязанные условия, отдав османам деньги и солдат, которых так не хватало ему самому.

Друг и противник Дракулы — молдавский господарь Стефан Великий

Влад не смог бы захватить власть без помощи принца Стефана и его молдаван. Теперь пришла пора отдать долги — и заодно обзавестись первым влиятельным союзником. Всю зиму Влад и Стефан собирали силы для похода, и в марте 1457 года принц двинулся на родину с шеститысячным войском валахов и молдавских изгнанников. Господарь Петр Арон с наспех созванной дружиной встретил их у ручья Хряска к югу от Сучавы. Сражение было недолгим — Петра не любили за скупость и угодничество перед турками и драться за него не хотели. С кучкой сторонников он бежал в Польшу, а Стефан торжественно въехал в столицу на белом коне под звон колоколов и крики: «Здравствуй вечно, наш государь!»

Стефану, Штефану чел Маре, суждено было править 47 лет — дольше всех правителей Молдовы, сразиться в 47 битвах и возвести 47 храмов и монастырей. Он вошел в историю со званиями Великого и Святого, хотя крови пролил не меньше, чем его ославленный в веках друг Влад. Молдавско-немецкая летопись сообщает, например, что в 1470 году «Стефан пошел к Брэиле в Мунтении и пролил много крови и сжег торг; и не оставил в живых даже ребенка в чреве матери, а распарывал животы беременных и вешал младенцев им на шею». Сажание на кол тоже было для него привычным делом; та же летопись под 1473 годом сообщает о расправе Стефана с пленными турками: «Велел сажать их на колья крестообразно через пупок, всего 2300; и был занят этим два дня». Турками дело не ограничивалось: сразу иоле прихода к власти Стефан велел посадить на кол 60 бояр, обвинив их в убийстве своего отца. Так что, похоже, Дракула в своей любви к колосажанию был совсем не уникален.

Дружба государей Молдовы и Валахии продлилась недолго, но пока союз двух княжеств решено было скрепить брачными узами. Скоро Стефан выдал за Влада свою родственницу, — быть может, она полюбилась изгнаннику еще в те далекие дни, когда он гостил при дворе господаря Богдана. Как звали эту первую жену Дракулы, мы точно не знаем. Романисты называют ее то Лидией, то Еленой, то Снежаной; есть версия, что она была не принцессой из рода Мушатов, а дочкой валашского боярина или трансильванского купца. Враждебно настроенные современники считали ее не женой, а любовницей воеводы, которую он прятал от людей, стыдясь ее низкого происхождения. Однако фольклор упрямо именует ее doamna, «государыня», — это звание могло принадлежать только законной жене правителя.

Редкое для Румынии сербское имя Снежана и правда встречается в генеалогии молдавских князей: так звали младшую дочь господаря Александра Доброго, которая была ровесницей Влада, но при этом приходилась ему теткой по матери. В Западной Европе вступать в брак при таком родстве было строго запрещено, а в Восточной — вполне допустимо. Но кто бы ни была жена Дракулы, довольно скоро, около 1458 года, она подарила супругу сына, которого окрестили Михаилом, но звали по-простому Михня. Архангел Михаил считался святым покровителем Влада, из чего можно сделать вывод, что воевода родился в его праздник, отмечавшийся 21 ноября (ряд румынских ученых так и считает, хотя доказательств этому нет). Не исключено, однако, что князь-воин просто «присвоил» себе в покровители главу небесного воинства, самонадеянно претендуя на такое же первенство среди воинств земных.

Но женитьба и рождение сына были позже, а пока, лишившись союзников-молдаван, Влад остался почти в полном одиночестве. Он мог доверять только нескольким приближенным; одним из них был Драгомир Цакал, сын старого соратника отца, суровый и решительный воин, другим — Раду, называвший себя персидским словом Фарма, «грамотей», везде бывавший, все знающий, способный на любую хитрость и уловку. Но этого было мало, чтобы Дракула мог чувствовать себя уверенно. Дворец в Тырговиште казался ему ловушкой, где его в любой момент могли ждать удар кинжалом из-за угла или яд в кубке с вином. Бояре держались чванливо, всем видом показывая, что настоящие хозяева Валахии — именно они. И если одни из них хотя бы внешне проявляли почтение к господарю, то другие вели себя с откровенной враждебностью. Шпионы, которые уже завелись у Дракулы, передавали их слова, сказанные без особой оглядки: «Если змееныш по-кусится на наши нрава, с ним будет то же, что с его драконьей породой — отцом и братом». Слыша это, воевода до крови кусал губы: сразу после прихода к власти он велел вскрыть могилу Мирчи в Тыргшоре и убедился, что тот, во-первых, был ослеплен — кости пустых глазниц еще хранили следы огня, а во-вторых, перевернулся в гробу, что доказывало ужасный факт погребения заживо.

Влад умел хитрить и выжидать: внешне смиряясь, он готовил удар — и нанес его. Пасха в 1457 году пришлась на 19 апреля, и похоже, что именно в этот день случилось первое из легендарных кровопролитий Дракулы. По давней традиции, господарь пригласил на праздничный пир во дворец знатнейших бояр со всей страны вместе с их семьями. Р. Флореску и Р. Макнелли так описывают это впечатляющее зрелище: «Некоторые бояре

нарядились по обычаю венгерской или центральноевропейской знати, другие предпочитали более пышный византийский стиль. Купцы и ремесленники были одеты проще, некоторые из них носили крестьянское платье, почти не изменившееся до наших дней. Многие мужчины были в дакийских костюмах: вышитая рубашка, штаны с широким кожаным поясом, расшитый узорами жилете шерстяной подкладкой и мягкие кожаные туфли. Боярские жены собрались в небольшие кружки в соответствии с их рангом или придворными должностями, усевшись на принесенных с собой персидских коврах. Цыгане-скрипачи играли вовсю, развлекая собравшихся».

Бояре и все прочие увлеченно пировали за длинными столами, ломящимися от снеди, осушая кубок за кубком; часа через два те, кто постарше, уже клевали носом, а молодежь закружилась в танце. Никто не обращал особого внимания на молодого князя, который почти не появлялся за столом — все больше мелькал по краям двора, на котором были накрыты столы, отдавая какие-то приказы своим людям. Потом внезапно он вышел в центр и попросил слова. Все ждали, что он произнесет еще один веселый тост — их в тот день прозвучало немало, — но он вдруг стал спрашивать бояр, скольких господарей они помнят на своем веку. Оказалось, что даже самые молодые пережили не меньше семи, а старики — целых два десятка. В самом деле, за полвека в Валахии сменилось 22 правителя, — учитывая, что многие правили по нескольку раз. Дракула вкрадчиво спросил, почему же их было так много. Бояре разошлись во мнениях: одни уклончиво говорили «так уж сложилось», другие замечали, что многочисленные отпрыски рода Басарабов никак не могут поделить власть. Слушая это, Влад хмурился все больше и наконец в гневе воскликнул: «Нет, это вы виноваты! Вы лишаете власти любого, кто мешает вам грабить страну. Вы изгнали из Валахии закон и порядок, из-за вас ее считают гнездом разбойников. И вы ответите за этот позор!»

О том, что было дальше, легенды говорят по-разному. Бехайм уверял, что всех бояр, а именно пять сотен человек, тут же посадили на кол. Румынские предания же утверждают, что казнили только старших, а тех, кто помоложе и покрепче, прямо от праздничного стола отправили на бессрочные принудительные работы — строить крепость Поенари. Историк XVIII века Константин Кантакузин писал: «Князь Влад сурово наказал жителей Тырговиште, совершивших великое преступление против одного из его братьев. Его люди схватили их прямо на пасхальном празднике, когда старшие из них пировали, а молодые плясали. Знатнейших и старших из них посадили на кол

на глазах у всего города, а более молодых вместе с женами и невестами отправили в Поенари прямо в пасхальных одеждах, и они работали там, пока одежда на них не истлела, а от них самих не остались кожа до кости. С этих пор его прозвали Цепелуш».

Кантакузин перепутал Цепеша и Цепелуша; второе прозвище, означающее «маленький колосажатель», носил Басараб IV, представитель рода Данешти, недолго правивший Валахией после гибели Влада. Но другое сообщение историка может быть правдой — Дракула наказал бояр не за слишком хорошую память, а за причастность к смерти его любимого старшего брата. Это обвинение господарь и бросил захваченным врасплох боярам перед тем, как его воины окружили их и, тыча в спину древками копий, погнали за *68* километров, к подножию Карпат.

Там, согласно легенде, воевода обратился к толпе измученных пленников, — их было пятьсот, как и пишет Бехайм. — с речью: «Бояре, боярыни и дети боярские! Дела ваши заслуживают казни, но я помилую вас, если за год до следующей Пасхи вон на той скале, где сейчас нет ничего, кроме орлиных гнезд, появится крепость с крепкими стенами и башнями. Запомните это и принимайтесь за работу!» Делать нечего — пришлось боярам, сгибаясь под тяжкой ношен, таскать в гору кирпичи и камни, складывать стены, прорубать бойницы. Жили они в землянках у подножия горы, кормили их впроголодь и охраняли так зорко, что за весь год ни один человек не смог убежать. Многие сорвались с горных круч, став поживой для волков и стервятников, многие умерли от непосильного труда. Но через год на назначенном месте возвышалась грозная крепость. Всех бояр, доживших до завершения работы, господарь отпустил восвояси — он был человеком слова.

Крепость Поенари — точнее, ее развалины — до сих пор возвышается на крутом утесе над рекой Арджеш. На самом деле ее выстроили еще в XIV веке при господаре Раду Негру, но Дракула заново отстроил ее и считал своим оплотом. Следы его работы хорошо видны — если основа крепости выстроена из камня, то остальная часть сложена из красного кирпича, остатки печей для обжига которого еще сохранились у подножия горы. Крепость почти неприступна — сегодня к ней можно подняться по 1480 деревянным ступенькам, но остается загадкой, как наверх поднимали материалы для строительства. В окрестностях до сих нор живут легенды о сооружении Поенари — в том числе популярная баллада о мастере Маноле, которому дьявол пообещал помочь в постройке крепости, если мастер принесет ему в жертву — замурует в стену — первого человека, который подойдет к лагерю строителей. Конечно же, это оказалась жена

Маноле, которая несла мужу завтрак. Правда, этот случай относят также к строительству старинной Епископской церкви в Куртя-де-Арджеш и других известных сооружений. И вообще мастер, продавший душу дьяволу ради создания шедевра и жестоко поплатившийся за это, слишком известный фольклорный сюжет, чтобы привязать его к Поенари.

Все остальное в истории «кровавой Пасхи» 1457 года тоже вызывает сомнения, начиная с ее даты — часть историков переносит это событие на год 1459-й. Для этого есть причины: только что придя к власти, еще не завоевав сторонников, Дракула вряд ли мог решиться на массовые репрессии. С другой стороны, он всегда показывал себя приверженцем нестандартных решений, которые нередко оказывались самыми эффективными. Перед его глазами стояли два примера; первым был его добрый молдавский дядя Богдан, который оставил при дворе бояр, близких к его сопернику, и поплатился за это жизнью. Второй — турецкие султаны, которые при восшествии на престол убивали всех своих братьев, а провинившихся придворных без суда и следствия отправляли на плаху или, ослепив, бросали до конца жизни в каменный мешок. Второй пример, хоть и далекий от христианского милосердия, нравился Владу гораздо больше. Поэтому он вполне мог одним ударом обезглавить боярскую оппозицию — да так жестоко, чтобы надолго отбить у нее охоту устраивать заговоры. И, конечно же сажание на кол было самым впечатляющим способом казни, способным устрашить всех потенциальных врагов.

Эта страшная кара давно вышла из употребления, но суть ее хорошо известна. Казнимого связывали и валили на землю, вставляя ему в задний проход длинный заостренный кол толщиной 5–7 сантиметров, смазанный маслом для лучшей проходимости. Потом кол поднимали и устанавливали вертикально, человек под тяжестью собственного веса насаживался на него все глубже и умирал мучительной смертью от разрыва внутренних органов. Вся операция была длительной и сложной — чтобы посадить на кол одного человека, требовалось 7–8 других людей и не менее получаса времени. К тому же было очень мало «специалистов», способных ввести кол так, чтобы человек не умер сразу — это лишило бы смысла все усилия, поскольку главной целью колосажания всегда было устрашение. Впервые эта казнь зафиксирована еще в Древнем Египте и на протяжении веков практиковалась во многих странах Старого и Нового Света. Но в Валахии ее прежде не знали, поэтому произведенный ею эффект был особенно сильным.

У колосажания было несколько особенностей, которые

делали его особенно страшным для жертв. Многие средневековые казни были чрезвычайно мучительными, но сажание на кол и среди них выделялось своей длительностью — с ним могло сравниться только распятие, которое в Европе не применялось из-за своей связи с культом Христа. Страдания казнимого могли продолжаться несколько дней, примем они были не только физическими. Колосажание (как и распятие в Древнем мире) считалось позорным, рабским видом казни, и человек знатный страдал вдвойне, когда оно применялось к нему. Страдал от унижения, от насмешек толпы, от публичного обнажения, которое тогда было совершенно недопустимым. Мучения продолжались и после смерти — известно, что Дракула запрещал убирать трупы казненных в течение многих месяцев. Похоже, их и потом не хоронили — не только из страха, но и потому, что оставшееся на колах мало годилось для христианского погребения. По тогдашним поверьям, душа, не нашедшая покоя, была обречена вечно скитаться по земле. Такое дополнение прижизненных мук посмертными заставляло даже самых мужественных людей дрожать при мысли о том, что их могут посадить на кол.

Венгры сажают на кол пленных турок. Картина XVII века

Не исключено, правда, что в начале своего правления Влад еще не применял этот вид казни. Об этом говорит весьма интересный документ — письмо валашского ворника (министра двора) Нягу городскому совету Брашова, написанное летом 1459

года: «Помните ли вы, кто начал первым сажать на кол? Наши изгнанники и вы, принявшие сторону Дана. Только после этого воевода Влад разгневался и принес вам много зла, сажая на кол людей и сжигая дома». Быть может, это правда — как уже говорилось, в Трансильвании сажание на кол было обычным делом, и его могли перенять валашские беженцы во главе с Даном III, а потом и их враг Дракула. Вполне возможно, что в «кровавую Пасху» 1457 года старших бояр не сажали на кол, а прикончили более простым способом — что обеспечило нужную господарю быстроту и внезапность. Только потом, прочно утвердившись на троне, он смог осуществлять масштабные, тщательно разработанные церемонии казни, наподобие тех, о которых с ужасом писали западные дипломаты при дворе Ивана IV.

По многим свидетельствам, Дракула проявлял в колосажании удивительную изобретательность. Он использовал колы разной высоты, цвета и формы в зависимости от статуса жертвы. Расставлял их в виде геометрических фигур, на которые любовался сверху, с вершины холма или башни. Велел втыкать кол в разные точки тела — в живот, грудь, промежность. Женщинам «из милости» кол вводили во влагалище, и они уже через несколько часов умирали от кровопотери в страшных мучениях. В обычае были коллективные казни, когда подлинных или мнимых врагов господаря сажали на кол целыми семьями от мала до велика, и они испытывали дополнительные страдания, видя муки своих ближних. При этом чаще использовались не острые колы, а тупые, которые надолго продлевали агонию. Иногда на колу устанавливалась горизонтальная перекладина, которая не давала телу сползать слишком низко, чтобы кол не дошел до сердца и других жизненно важных органов. В этом случае смерть наступала не от увечий, а от жажды, голода, жары и укусов мух, которые целыми тучами вились над местом казни. Разными были и способы введения кола — иногда его забивали в задний проход деревянной кувалдой (как описано в романе Иво Андрича «Мост на Дрине»), а иногда люди или лошади тянули лежащего человека за ноги, медленно насаживая его на кол.

Из страшных историй о Дракуле можно заключить, что он хватал и сажал на кол всех подряд. На самом деле его жертвами становились в основном три категории людей: 1) политические противники, 2) иностранцы и иноверцы, 3) все, кто, по его мнению, нарушал закон и нормы поведения. В вину валашскому господарю можно поставить прежде всего то, что нарушение закона он понимал чересчур широко и карал за него чересчур свирепо, проявляя при этом чернейший юмор — русская повесть недаром называет его «зломудрым», то есть изобретательным во

зле (тот же эпитет нередко применялся к дьяволу). Вот отрывок из немецкого памфлета: «Увидев работника в короткой рубашке, он спросил его: „Есть ли у тебя жена?“ Тот ответил: „Да“. И Дракула сказал: „Приведи ее сюда ко мне“. Потом он спросил ее: „Что ты делаешь дома?“ Она сказала: „Я стираю, готовлю, пряду шерсть и прочее“. Он же велел посадить ее на кол за то, что она не сделала мужу рубаху подлиннее, чтобы не был виден его срам. Дракула тотчас дал работнику другую жену, приказав ей сшить ему длинную рубаху, иначе она тоже будет посажена на кол». В другом варианте истории рубаха была просто грязной, что делает вину нерадивой хозяйки более наглядной.

У многих авторов повторяется и другая история: «Однажды ко двору Дракулы пришли двое странствующих монахов из ордена святого Бернарда и начали просить подаяние. Спросив их, хотят ли они быстрее попасть из сей юдоли на небо, он получил утвердительный ответ и тут же распорядился посадить обоих на кол. С монахами был осел, везший их поклажу, который вдруг начал реветь, и тогда Дракула приказал и его посадить на кол рядом с его хозяевами». На сей раз жестокость воеводы представляется особенно дикой: ни монахи, ни тем более их осел не нарушили никаких законов и моральных норм. Их вина (если, конечно, история не выдумана — всегдашняя оговорка, когда дело касается Дракулы) могла заключаться только в том, что они — монахи, а не осел, — были немцами, которых господарь особенно не любил и вполне мог казнить просто так, без всякой причины.

В памфлетах есть и эпизоды, выдуманные без всяких «если». Например, об астрологе, которому Дракула объявил, что лучше предсказывает будущее, чем он, — и «предсказал», что тем же вечером звездочета повесят. Этот расхожий анекдот тоже связывали с именами многих правителей. Похож на выдумку и рассказ о человеке, приведенном на суд к Дракуле и горячо уверявшем, что он не совершал преступления, в котором его обвиняют. «Значит, ты виноват в чем-то другом!» — не растерялся воевода. «Что вы, господин! Вся округа знает меня как честнейшего человека, не способного ни на какое зло». «Что ж, сказал Дракула, — тогда я велю отрубить тебе голову и выставить в церкви, чтобы ей поклонялись как святыне». Опять налицо черный юмор, как и в истории о том, как воевода откармливал трупами своих жертв раков в дворцовом пруду, а потом кормил этими раками друзей казненных:

Надумал Дракул-хлебосол
Тех самых раков им на стол

Подать, спросив лукаво,
Каков на вкус для друга друг…
Забава так забава!

Гравюра с изображением зверств Дракулы

Тут снова возникает параллель с Иваном Грозным — в источниках (естественно, тоже западных) говорится, что он со своими опричниками питался рыбой, выловленной в дворцовом пруду, куда бросали тела казненных. Велик соблазн предположить, что русский царь и в этом подражал своему валашскому коллеге, но, скорее всего, это просто совпадение. То же касается и сажания на кол, которое при Иване IV применялось весьма широко — как и Дракула, он сажал на кол бояр и простолюдинов, татар и немцев, не только живых, ной мертвых (так были казнены посмертно ливонцы из Вендена, упорно защищавшие свой город от русских войск). Царь научился этому

способу расправы с врагами не у валахов, а у татар, которые занимались колосажанием еще во времена Батыя. Но сходство между двумя государями глубже, чем совпадение излюбленных методов казни. Историк Руслан Скрынников считал, что Иван Грозный первым в русской истории сделал террор сердцевиной государственного управления. То же самое Дракула совершил в Валахии, и все его благие и разумные начинания были скромпрометированы в глазах потомков (да и современников) тем, что их проводили в жизнь при помощи жесточайшего террора.

Еще одна история, тоже фольклорная, повествует, как Дракула, — опять-таки подобно другим вошедшим в легенды правителям, — одевался простолюдином и обходил в таком виде улицы и рынки. Во время одной из таких прогулок к нему в толпе подобрался вор, который срезал с его кафтана несколько пуговиц, сделанных из драгоценных камней. Воевода, никогда не терявший бдительности, повернулся и мгновенно отсек жулику нос. «Что ты делаешь?!» — завопил тот. «Ты же отрезал у меня пуговицы», — хладнокровно напомнил Дракула. «Вот, забери твои пуговицы обратно!» — сказал вор. «Что ж, тогда и ты возьми назад свой нос», — ответил воевода.

Особый сюжет — «сокровища Дракулы», которые он якобы велел прятать в тайных местах, а тех, кто это делал, убивал. Такое поведение приписывалось множеству злодеев, от Аттилы до капитана Флинта (а в России — Степану Разину и тому же Ивану Грозному). Дьяк Федор Курицын пишет: «Изготовили мастера для Дракулы железные бочки, а он наполнил их золотом и погрузил в реку. А мастеров тех велел казнить, чтобы никто не узнал о его коварстве, кроме тезки его — дьявола». Румынские легенды уточняют, что воевода прятал государственную казну во время нашествия турок — то ли в лесу близ крепости Поенари, то ли на дне озера Снагов. Правда, и в этом случае говорилось, что рабочих, закапывавших клад, казнили, чтобы они не выдали тайну захватчикам. Немецкие памфлеты усугубляют вину воеводы, указывая, что он заставлял прятать сокровища невинных детей и закалывал их прямо над кладом для сотворения с помощью их крови особых охранных чар. Такое поведение уже прямо указывает на связь с дьяволом и вполне приличествует вампиру.

Вот еще одно проявление черного юмора воеводы в изложении русского автора: «Как-то обедал Дракула среди трупов, посаженных на кол, много их было вокруг стола его. Он же ел среди них и в том находил удовольствие. Но слуга ею, подававший ему яства, не мог терпеть трупного смрада и заткнул

нос и отвернулся. „Что ты делаешь?“ — спросил его Дракула. Тот отвечал: „Государь, не могу вынести этого смрада“. Дракула тотчас же велел посадить его на кол, говоря: „Там ты будешь сидеть высоко, и смраду до тебя будет далеко!“» И снова разночтения — в румынском варианте говорится, что чересчур брезгливым оказался не слуга, а боярин, что придает истории нравоучительный оттенок: будь этот чистоплюй ближе к народу, небось не стал бы воротить нос от неприятного запаха.

Слух о том, что Дракула пировал среди казненных, отражен не только во многих историях о нем, но и на гравюрах, включенных в немецкие памфлеты. Неискушенным читателям, видевшим эти гравюры, могло показаться, что Дракула пьет не вино, а кровь — в этом одна из причин его последующего превращения в вампира. Впрочем, еще Бехайм в своей поэме утверждал, что князь во время своих пиров запивал кушанья кровью из кубка и вообще вел себя как маньяк, одержимый дьяволом:

Когда во власти палача
Бедняги корчились, крича,
Смотрел на их мученья,
Жестокой тешился игрой
И приговаривал порой:
«Нет лучше развлеченья!»

И снова русская повесть: «Пришел однажды к Дракуле посол от венгерского короля Матьяша, знатный боярин, родом поляк. И сел Дракула с ним обедать среди трупов. И лежал перед Дракулой толстый и длинный позолоченный кол, и спросил Дракула посла: „Скажи мне: для чего я приготовил такой кол?“ Испугался посол тот немало и сказал: „Думается мне, государь, что провинился перед тобой кто-либо из знатных людей и хочешь предать его смерти более почетной, чем других“. Дракула же отвечал: „Верно говоришь. Вот ты — великого государя посол, посол королевский, для тебя и приготовил этот кол“. Отвечал тот: „Государь, если совершил я что-либо, достойное смерти, — делай как хочешь. Ты судья справедливый — не ты будешь в смерти моей повинен, но я сам“. Рассмеялся Дракула и сказал: „Если бы ты не так ответил, быть бы тебе на этом коле“». Этот случай и правда произошел с венгерским послом Бенедиктом Бойтором; он показывает, что воевода готов был изводить жестокими парадоксами не только своих подданных, но и иностранных дипломатов.

Курицын подтверждает это, говоря далее: «Был такой обычай у Дракулы: когда приходил к нему неопытный посол от царя или

от короля и не мог ответить на коварные вопросы Дракулы, то сажал он посла на кол, говоря: „Не я виноват в твоей смерти, а либо государь твой, либо ты сам. Если государь твой, зная, что неумен ты и неопытен, послал тебя ко мне, многомудрому государю, то твой же государь и убил себя. Если же ты сам решился идти, неученый, то сам же себя и убил“. И так готовил для посла высокий позолоченный кол и сажал его на кол, а государю его посылал грамоту с кем-либо, чтобы впредь не отправлял послом к многомудрому государю глупого и неученого мужа».

Уже упомянутый сюжет о сожжении нищих в изложении русского дипломата звучит так: «Однажды объявил Дракула во всей земле своей: пусть придут к нему все, кто стар, или немощен, или болен чем, или беден. И собралось к нему бесчисленное множество нищих и бродяг, ожидая от него щедрой милостыни. Он же велел собрать их всех в построенном для того хороме и велел принести им вдоволь еды и вина. Они же пировали и веселились. Дракула же сам к ним пришел и спросил: „Чего еще хотите?“ Они же все отвечали: „Это ведомо Богу, государь, и тебе: что тебе Бог внушит“. Он же спросил их: „Хотите ли, чтобы сделал я вас счастливыми на этом свете, и ни в чем не будете нуждаться?“ Они же, ожидая от него великих благодеяний, закричали разом: „Хотим, государь!“ А Дракула приказал запереть хором и зажечь его, и сгорели все те люди. И сказал Дракула боярам своим: „Знайте, почему я сделал так: во-первых, пусть не докучают людям, и не будет нищих в моей земле, а будут все богаты; во-вторых, я и их самих освободил: пусть не страдают они на этом свете от нищеты или болезней“».

Эта история известна и в румынском фольклоре, который, как обычно, оправдывает господаря: нищих, особенно цыган, развелось слишком много, и честным людям не было от них проходу. Многие просто не хотели работать, рассуждая: «Бедняки трудятся всю жизнь и все равно остаются бедняками, так зачем тогда трудиться?» Видя это, воевода пришел к выводу: эти люди живут за счет других, они ничем не лучше воров, и от них необходимо избавиться. Той же логике следует и снятый в Румынии при Чаушеску фильм «Влад Цепеш» — там показано, как мнимые нищие на пиру отбрасывают кто повязку с глаз, кто деревянную ногу и оказываются здоровыми, наглыми обманщиками. И не просто обманщиками, а вожаками преступного мира, настоящими «ворами в законе» своего времени. Понятно, что Влад (изображенный в фильме сугубо положительно) просто обязан избавить страну от этих нелюдей — заботливо выведя перед этим из дома настоящих калек,

затесавшихся среди жулья. Конечно, это перебор: настоящий Дракула вряд ли стал бы щадить несчастных — по своей извращенной логике, он охотно «освободил» бы их от нищеты, а заодно и от жизни.

В истории с нищими можно увидеть как еще один образец черного юмора воеводы, так и проявление его всегдашнего, хотя и весьма своеобразного стремления к справедливости, о котором говорят почти все авторы. Тот же Курицын не без одобрения пишет: «И так ненавидел Дракула зло в своей земле, что если кто совершит какое-либо преступление, украдет, пли ограбит, или обманет — не избегнуть тому смерти. Пусть будет он знатный вельможа, пли священник, или монах, или простой человек, пусть он владеет несметными богатствами, все равно не откупится он от смерти». Русский автор подтверждает сказанное широко известной легендой о золотой чаше: «Был в земле его источник и колодец, и сходились к тому колодцу и источнику со всех сторон дороги, и множество людей приходило пить из того колодца родниковую воду, ибо была она холодна и приятна на вкус. Дракула же возле того колодца, хотя был он в безлюдном месте, поставил большую золотую чару дивной красоты, чтобы всякий, кто захочет пить, пил из той чары и ставил ее на место. И сколько времени прошло — никто не посмел украсть ту чару». Эту историю рассказывали о многих любимых народом правителях, и знаменательно, что предание включило Дракулу в их число.

А вот еще один анекдот о свирепой справедливости Колосажателя: «Однажды прибыл из Венгерской земли купец в город Дракулы. И, как принято было у Дракулы, оставил воз свой на городской улице перед домом, а товар свой — на возу, а сам лёг спать в доме. И кто-то украл с воза 160 золотых дукатов. Купец, придя к Дракуле, поведал ему о пропаже золота. Дракула же отвечал: „Иди, этой же ночью найдешь свое золото“. И приказал по всему городу искать вора, пригрозив: „Если не найдете преступника, весь город погублю“. И велел той же ночью положить на воз свое золото и добавить один лишний дукат. Купец же наутро, встав, обнаружил золото и пересчитал его и раз, и другой, все выходило, что один дукат лишний. И, придя к Дракуле, сказал: „Государь, нашел золото, но вот один дукат не мой — лишний“. В это время привели и вора с похищенным золотом. И сказал Дракула купцу: „Иди с миром! Если бы не сказал мне о лишнем дукате, то посадил бы и тебя на кол вместе с этим вором“».

Эта история, как и похожие на нее, вряд ли выдумана для очернения воеводы, поскольку вызывает невольное уважение к нему. Похоже, что он искренне стремился не просто навести в

своей стране элементарный порядок, но превратить ее в некое идеальное государство, где не было бы ни бедности, ни воровства, ни даже таких невинных человеческих слабостей, как обман и тщеславие. Все это очень похоже на коммунистическую мечту, которая, напомним, жила и в ту эпоху в виде фантазий о сказочных счастливых странах наподобие Утопии Томаса Мора. Действия Дракулы, в свою очередь, напоминают о ленинской фразе: «Пусть девяносто процентов русского народа погибнет, лишь бы десять процентов дожили до мировой революции». Достойными учениками валашского князя выглядят и «красные» диктаторы XX века — например, Пол Пот, истребивший ради строительства идеального общества треть населения многострадальной Камбоджи, 2,5 миллиона человек. Печальный опыт современности заставляет воспринимать поступки Дракулы без всякого удивления и верить самым чудовищным обвинениям, возводимым на него.

Но дело в том, что Дракула не был коммунистом — он вовсе не собирался радикально менять общество или изводить под корень «лишние» классы. Не был он и религиозным фанатиком, которым в ту эпоху принадлежало большинство рекордов в области массовых убийств. Он был традиционалистом, твердо верившим в средневековые идеалы (хоть и с налетом Ренессанса) и искренне считавшим, что служит Богу и своей стране, истребляя преступников, еретиков-немцев и нехристей-турок. В этом он мало отличался от государей своего времени, хотя… Все-таки повышенное внимание к его деяниям нельзя объяснить одной «черной легендой». Было что-то, что потрясло иностранных купцов и дипломатов даже на тогдашнем, довольно негуманном фоне. Что это? Небывалый размах репрессий, их предельная жестокость или принципиальное несоответствие преступления и наказания, подчеркивающее «зломудрость» воеводы?

Почти все, кто писал о Дракуле, подчеркивали, что он не ограничивался сажанием на кол, применяя широчайший «ассортимент» казней. Он велел сжигать своих жертв, четвертовать, вешать, отрубать им руки, носы и уши, скальпировать, закапывать живьем в землю и расстреливать из луков. А еще варить в котлах, сбрасывать с крыш, травить собаками, разрывать на части лошадьми, сдирать кожу и даже забивать людей в жерло пушек и стрелять ими — притом что пушек в тогдашней Валахии, скорее всего, просто не было. Это сведения Бехайма, который постарался приписать воеводе все казни, которые только могло измыслить его поэтическое воображение. Авторы немецких памфлетов, как обычно, вторят поэту, приукрашивая его описания в меру собственной фантазии:

«Был у него большой медный котел с двумя ручками и крышкой, сделанной так, что в ее отверстия проходили человеческие головы. Он сажал в этот котел людей и разводил под ним огонь, так что вода закипала, и несчастные люди, мужчины и женщины, посаженные туда, жалобно кричали, пока не сваривались заживо. Он также имел обычай размалывать людей мельничными жерновами…»

Курицын о таком разнообразии ничего не пишет, зато привлекает особое внимание к жестоким карам, которым господарь подвергал прелюбодеек: «Если какая-либо женщина изменит своему мужу, то приказывал Дракула вырезать ей срамное место, и кожу содрать, и привязать ее нагую, а кожу ту повесить на столбе, на базарной площади посреди города. Так же поступали и с девицами, не сохранившими девственности, и с вдовами, а иным груди отрезали, а другим сдирали кожу со срамных мест, или, раскалив железный прут, вонзали его в срамное место, так что выходил он через рот. И в таком виде, нагая, стояла женщина, привязанная к столбу, пока не истлеет плоть и не распадутся кости или не расклюют ее птицы».

Подобные жуткие картины веками вдохновляли больное воображение людей, подобных маркизу де Саду — в его произведениях сажание на кол упоминается постоянно, еще и потому, что оно было извращенным подобием сексуального акта. Р. Флореску и Р. Макнелли в своей первой книге предположили, что болезненное пристрастие Дракулы к сажанию на кол объяснялось его импотенцией. В последующих трудах авторы отказались от подобных фантазий — и правильно сделали. Известно, что воевода стал отцом как минимум трех сыновей; многие легенды говорят о его любвеобильности и привлекательности для женщин. Если он и был к чему-то болезненно пристрастен, то прежде всего к соблюдению порядка в своей стране — и был готов бороться за это до последнего человека.

Царство страха

Жестокие казни Дракулы производили особенно ошеломляющее впечатление из-за того, что прежде в румынских землях существовала довольно мягкая система наказаний. Действовавшее там церковное право предусматривало, к примеру, за убийство пять лет поста и 150 молитв «Отче наш» в день, за воровство из храма — 50 ударов розгами и три года поста. В городах не было ни тюрем, ни постоянных палачей. Самое тяжкое преступление, заговор против князя, наказывалось отсечением головы с конфискацией имущества — но без всяких репрессий в отношении родных.

Такое положение в условиях постоянных войн и мятежей неизбежно вело к разгулу преступности, с которой Дракуле, желающему навести порядок в стране, пришлось бороться самыми суровыми способами. Инструменты для этой цели он мог позаимствовать в Трансильвании, где в 1453 году было введено магдебургское право, предусматривающее смертную казнь — причем весьма изощренную и болезненную. — за 53 вида преступлений. Турки, творившие массовые расправы над «неверными», также внесли свой вклад в ужесточение нравов: именно их приход открыл в Румынии эпоху кровавых казней и пыток, которыми отличились многие местные правители. То же сажание на кол, прежде неизвестное, стало привычным настолько, что еще в 1785 году «цивилизованные» австрийцы казнили этим способом вождей крестьянского восстания в Трансильвании. Но это был явный пережиток — пик суровости наказаний Европа преодолела как раз в XV–XVI веках, на переходе от Средневековья к Новому времени.

Написанные на исходе этой эпохи слова Шекспира «распалась связь времен» с гениальной простотой выражают суть случившегося. В условиях распада привычных ростенных, идеологических, вассальных связей одни европейцы кинулись в водоворот религиозных и гражданских войн, другие, обездоленные бурными экономическими сдвигами, занялись разбоем, воровством и нищенством, — все это серьезно угрожало покою и безопасности не только простых обывателей, но и самого государства. Поэтому многие правители, вовсе не бывшие патологическими садистами, вынуждены были массово обезглавливать, вешать, топить всех нарушителей закона. Особенно свирепым было преследование нищих и бездомных, которые в отдельных регионах составляли до 10 % населения. Печально знаменитые «законы против нищих» Генриха VIII

Английского унесли не меньше 100 тысяч жизней. Особой свирепостью отличалось законодательство в Центральной Европе, в том числе в Венгрии и Трансильвании. Там широко применялись такие виды казни, как сдирание кожи, сваривание в кипящем масле, ослепление, четвертование, колесование, заливание в рот и уши расплавленного свинца, а также, как уже говорилось, сажание на кол. Дракула выделялся разве что тем, что его казни совершались демонстративно, даже театрализованно — явно не для удовлетворения кровожадной натуры воеводы, а для примера его незаконопослушным подданным.

Стоит отметить и то, что поступки воеводы вполне соответствовали политической философии Ренессанса, когда правители, прежде хотя бы теоретически соотносившие свои действия с христианскими нормами, стали руководствоваться только собственной волей и страстями. «Государь» Макиавелли еще не был написан (он появится только в 1517 году), но основные его нормы уже воплощались в жизнь европейскими монархами. Вспомним, что еще при жизни Дракулы французский король Людовик XI держал своих врагов в железных клетках, медленно убивая их голодом, а вскоре после смерти господаря Ричард III Английский прикончил юных сыновей своего предшественника, чтобы захватить трон. В России в те годы великий князь Василий II и его противники «вынимали» друг другу глаза в борьбе за трон. Итальянские государи, щедрые покровители художников и ученых, зверствовали еще пуще — неаполитанский король Ферранте, к примеру, мумифицировал казненных врагов в причудливых позах и показывал их трупы гостям. Тиран Римини Сиджисмоидо Малатеста, прозванный «двуногим зверем», грабил церкви, убил двух своих жен (одну заколол кинжалом, другую отравил), насиловал собственных дочерей и даже зятьев. Чуть позже на всю Европу прославились кровавые дела семейства Борджиа, особенно поразительные из-за того, что глава этой семьи был папой римским, непогрешимым наместником Христа. На этом мрачном фоне деяния валашского князя выглядели не исключением, а скорее правилом.

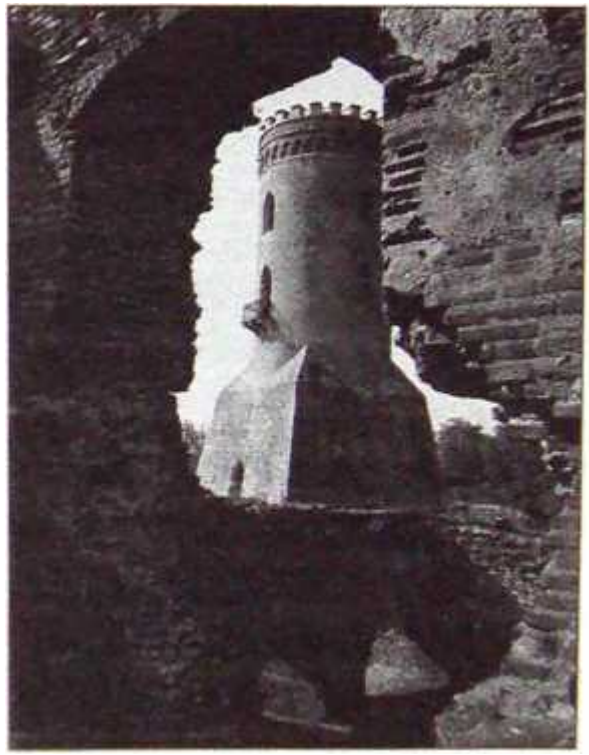
Как ни странно, он был не одинок и в ославленном на века обычае обедать и пить вино среди казненных — что и было главным поводом для его обвинения в вампиризме. То же самое делал «белый рыцарь» Янош Хуньяди, однажды приказавший накрыть себе стол на поле битвы среди умирающих турок. Тем же занимались венгры после победы над турками у Брука в 1479 году, причем их командир Пал Кинижи потом еще и плясал на вражеских трупах, держа при этом в зубах отрубленную голову

турка. По легендам, такие же пиры среди мертвецов устраивал Иван Грозный со своими опричниками, но это ничем не подтверждается, — как, впрочем, и пирушки Влада. Стоит отметить, что подобные же пиры гонителей христиан на фоне казненных (в том числе посаженных на кол) мучеников нередко изображались на иконах, что могло стать примером как для самого валашского воеводы, так и для сочинителей баек о нем.

Авторы, пишущие о Дракуле, — как в его времена, так и сейчас, — часто рисуют фантастическую картину царства смерти, в которое превратились его владения. Красноречивее всех оказался безымянный турецкий летописец: «Тараклу был безжалостен к своим подданным, как злейший тиран. Если в какой-нибудь деревне кто-либо совершал преступление, этот изверг карал всех жителей вместе с их женами и малолетними детьми, сажая их на колья. В своей столице Агач-Хиссар (Тырговиште), где он жил в деревянной крепости, он посадил большой сад, протянувшийся на шесть лиг и окруженный стеной с ворогами по обеим сторонам. Перед этими воротами он велел сажать на кол венгров и мятежных валахов с молдаванами. Внутри же стены на кол сажали воров и разбойников. Кроме того, он многих казнил мечом или распинал на крестах, и из-за крови, напитавшей землю, в этом саду росли прекрасные тюльпаны. Но и за пределами сада, везде, где росли большие деревья, на их ветвях висело не менее чем по одному повешенному. И он запрещал снимать их и хоронить, угрожая посадить на кол всех, кто попытается это сделать. Поэтому плоть казненных становилась пищей ворон и стервятников».

Конечно, этот сад из «Тысячи и одной ночи» выдуман — на самом деле казни обычно совершались рядом с господарским дворцом в Тырговиште. Этот дворец на краю города не раз разрушался и восстанавливался, и до наших дней дожили только его развалины, раскопанные и частично отреставрированные в течение XX века. Дворец начал строить Мирча Старый, но при Дракуле он был обновлен и окружен стеной; воевода построил также 27-метровую башню Киндия (Рассветная), с верхушки которой, как говорят, любил наблюдать за казнями. В наши дни она заботливо отреставрирована, и на трех ее этажах работает музей Дракулы. С башни хорошо виден фундамент дворца, где в подвалах находились тюрьма и камера пыток. На несохранившемся первом этаже дворца располагался тронный зал, где проходили важные церемонии, а на втором этаже — жилые покои и домовая церковь. Дворец был невелик, и большие приемы устраивались во дворе — его контуры тоже сохранились. Судя по ним, там могло уместиться максимум 50–60 колов с

посаженными на них людьми, но никак не сотни и тем более не тысячи.



Башня Киндия (Рассветная) в Тырговиште, с вершины которой Дракула наблюдал за казнями

Не менее важно временное несоответствие. Сажание на кол одного человека даже при большой сноровке палачей занимало не меньше получаса, а казнь сотен жертв растянулась бы на несколько суток. Такое если и происходило, то не больше трех-четырех раз за все правление Дракулы — ведь ему, помимо казней, нужно было заниматься укреплением обороны, строительством, приемом послов, решением судебных дел и прочими обязанностями правителя, о которых говорит его обширная переписка. При этом даже фантазер-турок признает, что на кол отправляли прежде всего мятежников, воров и разбойников, а их в небольшой стране не могло быть слишком уж много — даже если их действительно казнили с женами и детьми. Народный фольклор так и говорят: честным людям при Дракуле бояться было нечего, он казнил только преступников и изменников-бояр. При всей сомнительности таких утверждений их передавали из поколения в поколение сами румыны, в то время как «черную легенду» о воеводе конструировали в

основном иностранцы, знакомые с положением в Валахии большей частью понаслышке.

Нет, не зря Дракула подозрительно относился к чужеземцам, поголовно видя в них шпионов! Все авторы пишут, что среди его жертв было много немцев, венгров, турок. Часто его гнев обрушивался на цыган, которые не только были чужаками, по и пользовались репутацией воров и чародеев. Не только памфлеты, но и румынские предания повествуют, как господарь по подозрению в краже сварил цыгана живьем и заставил весь табор есть его мясо. Впрочем, в других преданиях цыгане, напротив, верно служат Владу. В XIX веке поэт Ион Будай-Деляну написал поэму «Цыганиада», где армия цыган во главе с Дракулой освобождает Румынию от турок. Как ни странно, в романе Брама Стокера цыгане тоже выступают союзниками Дракулы. Об их союзничестве, правда невольном, пишет и Бехайм — при нападении турок воевода будто бы нарядил цыган вместе с их лошадьми и коровьи шкуры и пустил их на врагов. Турецкие лошади испугались этой «чудовищной натуры», пустились бежать и вместе со своими всадниками утонули в Дунае. Отношение своего героя к иностранцам поэт обобщает в таких словах:

Он жителей различных стран,
Язычников и христиан,
Русинов и валахов,
Цыган, евреев, истреблял,
Во многих ужас он вселял…

Особенно неприязненные отношения у Дракулы сложились с трансильванскими саксами. Тому было немало причин. Во-первых, немецкие купцы стеной стояли между Валахией и Европой, дорого сбывая свои товары и задешево скупая валашские, чтобы с выгодой перепродать их в соседних странах. К тому же они торговали на валашских рынках беспошлинно, а с приезжающих к ним румынских торговцев драли три шкуры на таможне в том самом замке Бран, что сегодня фигурирует в путеводителях как «замок Дракулы». Во-вторых, валахи, ехавшие в Трансильванию и обратно через карпатские перевалы, нередко подвергались ограблению, причем до воеводы доходили слухи, что грабежи совершаются с ведома, а то и при участии местных чиновников. В-третьих, саксы по своей привычке продолжали привечать и подкармливать претендентов на валашский трон, что заставляло правящего князя постоянно ожидать удара в спину. Так было заведено уже давно, и никто не ждал, что новый господарь решится радикально изменить положение. Но он

решился.

В марте 1457 года на очередное письмо Дракулы с требованием выгнать из Брашова Дана Данешти, а из Сибиу Влада Монаха патриции обоих городов вновь ответили глухим молчанием. В следующем месяце, сразу после расправы над боярами, господарь с конным войском вторгся в Трансильванию. Вторжение было согласовано с новым союзником, венгерским магнатом Михаем Силади, который объявил войну саксонским городам. Дело в том, что Силади хотел посадить на трон Венгрии племянника, Матьяша Корвина, а немцы поддерживали своих соплеменников Габсбургов. Узнав о нападении Дракулы, Брашов и Сибиу в панике затворили ворота, и валахи несколько дней беспрепятственно грабили окрестные деревни. Господарь приказал преподать саксам урок, и его подчиненные старались как могли. Сочинители кровавых анекдотов о Дракуле упорно игнорируют хронологию, но похоже, что именно той весной были уничтожены немецкие деревни Клостерхольц, Нойдорф, Хольцмайна и другие. На колы там никого не сажали — просто сожгли селения вместе с жителями, которых заперли в их домах. Об этом пишет Бехайм, которому можно и не верить, но подобные экзекуции Дракула не раз совершал и позже.

По сообщению того же Бехайма, многие саксы были угнаны в Валахию и там все-таки посажены на кол, но последнюю деталь поэт, похоже, присочинил. Скорее всего, пленные были заложниками, ради возвращения которых городской совет Брашова летом 1457 года пошел на мировую с Владом. Саксы обязались выгнать из города Дана и впредь не поддерживать врагов воеводы, а взамен получили пленников и все торговые привилегии, которыми пользовались прежде. Дракулу такое положение не устраивало и он собирался изменить его, но позже — пока что его внимание было приковано к Венгрии.

В ноябре в Праге умер злополучный Ласло V, оставив венгерский трон вакантным. Его советники продолжали держать в тюрьме главного претендента, 14-летнего Матьяша Корвина, но знать все громче требовала его освобождения. В январе его дядя Михай Силади то уговорами, то угрозами заставил венгерских дворян признать Матьяша королем на съезде в Ракошмезе. Через месяц новый король был освобожден и привезен в Буду.

Замок Бран, прозванный «замком Дракулы» для привлечения туристов

Совсем еще мальчик, Матьяш был блестяще образован и наделен острым умом. Довольно скоро он избавился от опеки магнатов и правил единовластно, виртуозно сталкивая между собой феодальные группировки. Венгрия при нем из дикой европейской окраины превратилась в оплот Ренессанса; в Буду, прозванную «дунайской жемчужиной», потянулись художники, скульпторы, архитекторы из Италии и Германии. Королевская библиотека Корвиниана славилась на всю Европу. Стараясь скрыть свое «низкое» румынское происхождение, Матьяш отрекся от фамилии Хуньяди, приказав придворным историкам вывести его от римского рода Корвинов, — на самом деле, это прозвище, означающее «ворон», произошло от родового герба, на котором был изображен ворон с кольцом в клюве. Была и другая версия, выводившая род короля от древних гуннов, а самого Матьяша объявлявшая «новым Аттилой», которому суждены великие завоевания. Честолюбивый юноша действительно был намерен сделаться императором и покорить Восточную Европу, а потом и Азию. Великим замыслам мешали слабое здоровье и полное отсутствие полководческих талантов, которое отчасти компенсировалось умом и коварством. Осуществление своих планов Матьяш начал с создания первой с римских времен

постоянной армии — «черного войска» чешских и немецких наемников, хорошо оснащенного пушками и аркебузами. Этому воинству, которое возглавил беглый гетман чешских гуситов Ян Искра, через несколько лет суждено будет сыграть роковую роль в судьбе Дракулы.

Но вначале приход Матьяша к власти обрадовал валашского господаря. Его союзник Михай Силади не скрывал ненависти к туркам и вдохновлял молодого короля на новый крестовый поход, чтобы сокрушить османскую мощь и снова водрузить крест на берегах Босфора.‘Эти планы поддерживал новый папа римский Пий II, Эней Сильвий Пикколомини, — поэт-гуманист и поклонник античности, мечтавший лично повести флот европейцев на Константинополь, как Нестор на Трою. Вдохновленный Дракула был готов встать в ряды крестоносцев — хотя он не носил, как его отец, регалии ордена Дракона, кто мешает ему вступить в другой рыцарский орден или даже основать свой собственный? Теперь, когда в союзниках у него были венгры и молдаване, он чувствовал себя невероятно сильным, готовым на любые подвиги. В конце концов, ему не было еще и тридцати…

Соглядатаи доносили султану Мехмеду II, что его вассал Влад собирает армию и возводит укрепления. Построив крепость Поенари, он также обновил укрепления Тырговиште, выстроив новые стены и уже упомянутую сторожевую башню Киндия. Господарь также основал к югу от столицы новый город Бухарест (Букурешть) — впервые он упоминается в дарственной от 20 сентября 1459 года. Он должен был стать форпостом против турок, центром оборонительной системы, в которую входили также монастыри Снагов и Комана. Обе обители, расположенные на островах в болотистой местности вокруг Бухареста, были прекрасными природными бастионами, обе получили от господаря щедрые пожертвования и обе позже стали причастны к тайне его могилы и посмертной участи.

Бюст Дракулы в основанном им Бухаресте

Вообще страна, которая, казалось бы, должна обезлюдеть от массовых казней, при Дракуле процветала. Точных данных у нас нет, но складывается впечатление, что" его правление население росло, строились новые деревни, а города расширяли свои границы. Тех, кто основывал поселения на новом месте, господарь освобождал от налогов на 20 лет — сохранились грамоты на этот счет, выданные деревням Албутеле и Владая. Помимо городов и крепостей были построены новые церкви в Тыргшоре, Балтени, Константинешти. По некоторым данным, именно в правление Дракулы началась разработка соляных и серебряных шахт в предгорьях Карпат. Все это не только укрепляло страну, но и давало работу тысячам бедняков — похоже, Влад боролся с бедностью не только путем массового сжигания нищих… Много позже румыны, задавленные гнетом турок и их прислужи и ков-бояр, с тоской вспоминали "золотые дни воевод Мирчи и Влада".

Мы уже сравнивали Дракулу с Иваном Грозным — хотя эти люди, как и их страны, были очень разными, но действовали они в похожих условиях. Потому и методы у них были похожи, хотя о Дракуле мы знаем несравнимо меньше — можно лишь строить

догадки. Известно, что отличившихся воинов он переводил в категорию "храбрецов" (viteazi), выдавая им щедрое жалованье и позволяя сражаться не в пешем, а в конном строю. Они занимали важные места не только в армии, но и в администрации, потеснив представителей старых боярских фамилий. Сохранился список валашского Государственного совета, созванного в апреле 1457 года, — только двое из 12 его членов остались в совете к февралю 1461-го. Конечно, это не значит, что все десять советников были посажены на кол; их могли просто лишить должности и отправить на пенсию, то есть в родовые поместья. Но очевидно, что при Дракуле совет радикально обновил свой состав за счет новых людей — то же было с Боярской думой при царе Иване.

Как и у других господарей Валахии и Молдовы, у Влада была администрация, которую возглавляли логофет (канцлер), ворник (министр двора), вистерник (казначей) и спафарий или спэтар (главнокомандующий). Судя по документам, эти люди часто менялись; если в 1457 году логофетом был боярин Опря, то через год эту должность уже занимал Казан, а еще через год логофетом стал Раду Фарма, бессменный секретарь воеводы, который участвовал в решении всех важных политических вопросов. Спэтаром Дракулы вначале был некий Молдовян, потом эту должность занял уже упоминавшийся Драгомир Цакал, но и он не задержался надолго. О судьбе отставленных можно судить на примере логофета Опри и ворника Кодри — оба были в разное время обезглавлены (но не посажены на кол). Но так было не всегда — к примеру, храбрый и беззаветно преданный воеводе Драгомир просто оказался плохим стратегом и был сменен более способным кандидатом, не утратив при этом доверия Дракулы. Однако дело было не только в практической пользе — похоже, Влад постоянно устраивал перетряски среди высших сановников, формируя новую элиту, преданную лично ему. Успех такой политики был довольно сомнительным: в час испытаний часть приближенных осталась верна господарю до конца, но другая часть охотно перешла на сторону его врагов.

Единственное известное нам описание окружения Дракулы принадлежит Михаэлю Бехайму, — естественно, резко негативное. Двор воеводы в поэме бойкого мейстерзингера предстает как "образец кощунства и разврата", где в чести только тот, кто может выдумать для забавы воеводы какое-нибудь еще неслыханное злодеяние. При этом там все завидуют друг другу, норовя отправить недруга в опалу, а еще лучше на казнь:

> Там был со зверем каждый схож.
> Царили там интриги, ложь

И низкое притворство.
Был каждый каждому врагом
И видел ненависть в другом,
В предательстве проворство…

Главной опорой Дракулы была его личная гвардия, составленная в основном из наемников, — что-то вроде русского опричного войска. Можно догадаться по аналогии, что эти головорезы, набранные со всей Восточной Европы ("татарин, турок и мадьяр", по словам того же Бехайма), отличались не столько на войне, сколько в казнях врагов господаря. Кстати, между ними делилась часть имущества казненных, в то время как другая часть поступала в государственную казну. Это неизбежно порождало злоупотребления, доносы и гибель невинных. Впрочем, еще раз скажем, что на сей счет можно только гадать — в отличие от Ивана Грозного Дракула не вел списков казненных им людей. Мы знаем по именам лишь немногих его жертв и совсем не знаем палачей — никому не ведомо, кто был валашским Малютой Скуратовым или Басмановым и какая участь их постигла. Их-то, в отличие от самого Дракулы, народ никогда не идеализировал и доброй памяти о них не сохранил.

Число "опричников" Влада достигало 4000 человек, а в его дружине, состоящей большей частью из "храбрецов", служило примерно столько же. Вместе они образовывали "малое войско" (oastea mica), которое в случае войны превращалось в "большое" (oastea шаге) путем прибавления боярских дружин и народного ополчения. Даже в случае полной мобилизации валашская армия вряд ли превышала 30 тысяч человек — большей частью необученных и плохо вооруженных. Это означало неминуемое поражение в схватке с агрессивными соседями, прежде всего с турками, которые в одной только Румелии (европейской части Османской империи) могли легко собрать 50-тысячное войско. Выходом могло стать еще более широкое привлечение наемников, к которому в ту эпоху начали прибегать государи всей Европы. Но для этого требовались деньги. Конфискация собственности опальных бояр, если она и состоялась, не решила проблему. Повышать налоги до бесконечности было невозможно, а торговля, которая могла приносить в казну неплохой доход, находилась в руках немецких купцов, освобожденных от пошлин.

В конце 1458 года Влад еще раз попытался решить дело миром, попросив патрициев Братова и Сибиу разрешить валахам беспошлинно торговать в их городах. Ответа ему, по старой привычке, не дали. Тогда он издал указ, запретивший купцам-

саксам торговать на всей территории Валахии, кроме трех главных городов — Тырговиште, Кымиулунга и Тыргшора. Дело в том, что там княжеские чиновники зорко следили за соблюдением правил торговли, и купцы не могли, как в других местах, обманывать неграмотных крестьян и скупать товары за бесценок. Дракула надеялся, что эта мера вынудит саксов пойти на уступки, но случилось иначе. Разъяренные жители Брашова, лишившиеся немалой доли доходов, выбрали объектом своей мести ни в чем по повинных валашских купцов, оказавшихся в городе. Их схватили, притащили на рыночную площадь и там посадили на кол — уже говорилось, что эта казнь применялась в Трансильвании задолго до Дракулы. Узнав об этом, господарь в гневе забыл обо всех хитроумных политических планах. Его ответ был скорым и жестоким: все саксы, которые на свою беду оказались в Тырговиште, были тоже посажены на кол. Возможно, тогда же были казнены — сожжены, по утверждению Бехайма, — молодые немцы, которые то ли учились в Валахии румынскому языку, то ли просто помогали торговать своим старшим соплеменникам.

Все это случилось весной 1459 года, как сказано в апрельском письме претендента Дана III Данешти: "Наш враг Дракула, внешне преданный королю, а на деле продавшийся туркам, творит жестокости, внушенные ему самим дьяволом. Все купцы из Кронштадта и Бурценланда, мирно торгующие в Валахии, были схвачены, их товары отобраны, а сами они числом 41 человек посажены на колы. Но этого ему было мало: распалясь еще больше, он собрал в Тырговиште и других валашских городах 300 юношей из Кронштадта и Бурценланда и одних посадил на колы, других же бросил в огонь. И жители Кронштадта взяли валашских купцов и их товары и спросили меня, как с ними поступить. И я сказал, что следует отобрать товары в возмещение жителям этого города, а жизнями заплатить за жизнь". Похоже, письмо, в котором Дан явно преувеличивает свое влияние, призвано приободрить его сторонников в Валахии накануне решающей схватки за власть.

Но Дракула опять переиграл своих врагов. Это стало ясно 23 апреля, когда народу объявили о раскрытии заговора бояр, намеренных выступить на стороне Данешти. Виновных схватили и вместе с семьями посадили на кол возле дворца. Среди них был и старый боярин Албу, прозванный Великим не только за влиятельность, но и за необъятную толщину. Дракула давно точил на него зуб: пользуясь безвластием, Албу захватывал казенные земли и совершал набеги на соседей. На Большом совете он вел себя откровенно нагло, с господарем говорил

свысока, цедя слова сквозь зубы и всем видом показывая, что считает Влада всего лишь очередным выскочкой-временщиком. Авторы романов о Дракуле дружно считают, что Албу погиб еще при первом избиении бояр, но тогда ему удалось уцелеть — возможно, он отсиделся в своих владениях, или господарь просто не решился его трогать. В итоге "большой боярин", окончательно обнаглев, разорил и сжег монастырь Говора, отказавшийся платить ему дань. Это был семейный монастырь рода Дракулешти; именно там жил в юности Влад Монах, а сам Дракула только недавно пожертвовал обители большую сумму денег. Нападение на него было сознательным оскорблением воеводы, а оскорблять себя он не позволял никому. Боярин понял это слишком поздно — теперь он беспомощно ворочался на колу рядом со своими сыновьями. Не исключено, что ни он, ни другие казненные не готовили заговор: Дракула просто воспользовался случаем избавиться от внутренних врагов, прежде чем разобраться с внешними.

За казнями последовали новые обвинения в адрес саксов, поддерживавших Данешти. В мае "храбрецы" Дракулы в очередной раз ворвались долиной Арджеша в Трансильванию и разграбили пригороды Сибиу, где, как и прежде, сжигали дома вместе с жителями. Все это не могло вызвать восторга у короля Матьяша, которому подчинялись трансильванские города. Стороны обменялись вежливо-холодными письмами, но решительного ухудшения отношений не произошло. В это время Венгрия по настоянию Михая Силади готовилась к новой войне с турками, которые были заняты конфликтом с враждебными эмиратами Малой Азии. Позже, в марте 1460 года, папа Пий II издал буллу о новом крестовом походе, призвав все европейские державы присоединиться к Венгрии в ее борьбе против "неверных". Повсеместно начался сбор денег на войну, целью которой провозглашалось освобождение Константинополя и Балканского полуострова "от Великого зверя, предтечи Антихриста, злейшего тирана Магомета".

В этих условиях Матьяш никак не мог ссориться с одним из главных своих союзников, да и Дракула не искал ссоры с королем. Он понимал, что для него будущий поход — шанс не только избавиться от унизительной турецкой дани, но и утвердиться в роли одного из главных игроков на шахматной доске балканской политики.

Но пока что воевода не собирался идти ва-банк. В феврале 1460 года он лично отвез в Эдирне валашскую дань и подписал с турками новый договор, взамен того, что был заключен Мирней Старым. По этому договору Влад признавал себя вассалом

султана и обязался платить ему ежегодно харадж (дань) размером 10 тысяч золотых дукатов. Избрание господарей должно было утверждаться в Стамбуле, как и любые договоренности Валахии с другими государствами. При этом в договоре говорилось: "Высокая Порта отказывается от вмешательства во внутреннее управление княжества, и ни один турок не может без важных причин иметь оседлость в Валахии… Валахи будут управляться своими законами, а воеводы иметь полное право над жизнью и смертью своих подданных, равно как и право объявлять войну и заключать мир, не подчиняясь ни в каком случае ответственности Высокой Порты". Все это значило, что Валахия играет важную роль в политических планах султана Мехмеда II, и он готов сохранять ее самостоятельность при условии полного послушания.

Но именно это условие выводило Дракулу из себя. Он спал и видел, как рвет бумагу с ненавистной арабской вязью, а потом вместе с крестоносцами — нет, во главе их, — мчится на Восток, где сияют вожделенные купола Святой Софии. Вместо этого ему приходилось вновь и вновь сталкиваться с угрозой с Запада. В марте засевший в Братове Дан III выпустил оче-редное воззвание, в котором обвинял "проклятого изменника и тирана" Влада в "убийстве, мучительстве и многих прочих притеснениях тех, кто верно служит нашему королю". Снова, в который уже раз, претендент намекал, что Дракула, как и его отец, втайне служит туркам и непременно перейдет на их сторону в случае войны. Дан всеми силами старался натравить на соперника короля Матьяша и трансильванских саксов и, кажется, это ему удавалось. Обозленные на Дракулу немцы щедро снабжали Данешти оружием, одновременно прекратив поставлять его в Валахию. Надо сказать, что в румынских землях выпускалось только кустарное оружие — качественные мечи, кинжалы, секиры, не говоря уже о пушках и аркебузах, завозились из Трансильвании или через Трансильваиию.

Прекращение оружейного импорта было серьезной проблемой для Влада, но еще серьезнее было то, что на сторону претендента склонялся Матьяш Корвин. Влияние Михан Силади при венгерском дворе неуклонно падало — королю все больше досаждали его настойчивые призывы к крестовому походу. В результате хорошо спланированной придворной интриги дядя Матьяша лишился своих постов и на свой страх и риск отправился в Болгарию, чтобы возглавить якобы назревавшее здесь восстание против турок. Поход кончился провалом, Силади захватили в плен и запытали до смерти в султанской темнице. Влад лишился своего единственного союзника при венгерском

дворе. Еще до этого трансильванский губернатор Себастьян Розгони признал Дана законным князем и велел оказывать ему всяческую поддержку. Претендент со своими сторонниками разместился в Фэгэраше, который давно уже перестал подчиняться Валахии. Теперь сюда стекались уцелевшие бояре-заговорщики, образовавшие целый мини-двор. Любой противник Влада находил за Карпатами радушный прием, и скоро у Дана набралось целое войско — до пяти тысяч бойцов, отменно вооруженных брашовянами. В этих условиях Дракула не мог заниматься ничем, кроме напряженного ожидания нападения. Хорошо еще, что Влад Монах продолжал сидеть в Сибиу, отказавшись примкнуть к Дану, — то ли из-за мирного характера, то ли по врожденному неумению валашских принцев ладить друг с другом.

Потеряв терпение, Влад решил выманить претендента из-за гор и дать ему решающий бой на подступах к столице. Это было рискованно: господарь мог рассчитывать только на своих "храбрецов", силы были практически равными, а жители Тырговиште, среди которых было немало родственников казненных, в любой момент могли ударить господарю в спину. Но Дракула никогда не боялся риска. В апреле 1460 года он отправился в Брэилу инспектировать укрепления, позаботившись, чтобы об этом узнали в Фэгэраше. Уже через несколько дней армия Дана перешла горы и, легко разметав пограничные гарнизоны, приблизилась к столице. Беглые бояре и дюжие саксонские наемники шли вперед бодро, уже предвкушая хлеб-соль от благодарных горожан. Но вместо этого на подступах ко дворцу их встретил строй "храбрецов" — едва увидев долгожданного гонца, Дракула повернул назад и возглавил армию.

Как он и надеялся, битва не продлилась долго. Ни боярские слуги, ни наемники не собирались умирать за чужое им дело Данешти. Уже через час они дрогнули — малыми отрядами и поодиночке отступили в лес и побежали к перевалу, спасая свои жизни. Дан с кучкой отчаянно бившихся сторонников был окружен и сбит с коня. По приказу Дракулы претендента поставили на колени перед вырытой могилой, и приведенные из города священники заживо отпели его. В бледном лице Дана не было ни кровинки. Он знал, что жалости от соперника ждать бессмысленно, и умолял провидение только об одном чтобы его не зарыли заживо, как некогда его приверженцы зарыли юного Мирчу. Бог услышал ого молитву Дракула, мрачно наблюдавший за церемонней, взмахнул рукой, и голова принца скатилась в могилу, куда минуту спустя рухнуло и его тело.

Один из немецких памфлетов так описывал гибель Дана и последующие события: "Юный рыцарь был схвачен в бою живым. Ему вырыли могилу, поставили его на край ее и велели священнику отпеть его, как положено у христиан. Когда с этим было покончено, голова узника скатилась в отрытую могилу. После того как он претерпел столь ужасные и неописуемые муки, его сторонники были посажены на кол вместе с их малолетними детьми, иных из которых прибивали к груди матерей, пока те не умирали. Иногда же он вырезал детей из материнской утробы… или вскрывал матерям грудь и вкладывал туда головы их детей вместо сердца. И язычники, и христиане терпели от него столь великие мучения, каких не измыслили даже тираны Ирод, Нерон, Диоклетиан и все остальные вместе взятые. И, посадив на кол две сотни сторонников Дана, он пировал среди мертвых и умирающих". Если верить этим обвинениям, то речь шла не о взятых в плен воинах Дана — откуда среди них женщины и дети? — а о новых жертвах среди бояр и их родственников, истинно или ложно обвиненных в поддержке претендента.

Теперь, развязав себе руки, Дракула мог основательно отомстить саксам. В апреле его армия вошла в Трансильванию — не обходным путем, как прежде, а прямо через долину Праховы, где путь преграждал мощный замок Бран. Валашский господарь сумел каким-то образом обойти его или подкупить охрану, и его вторжение стало совершенно неожиданным. Вся область Бурценланд (Бырса) вокруг Брашова подверглась опустошению, но сам город, как и прежде, затворил ворота и остался невредим. Правда, Михаэль Бехайм пишет, что Брашов был сожжен, но на самом деле сгорели только предместья за городской стеной вместе с церковью Святого Иакова. Жители окрестных деревень и не успевшие укрыться горожане были захвачены в плен, но на этот раз Дракула не увел их с собой как заложников. У него были другие планы.

На склоне холма Гершпренберг (Тымпа) перед городской стеной, на которой сгрудились не верившие своим глазам брашовяне, с раннего утра готовилась декорация для страшного спектакля. Гвардейцы Дракулы, деловитые, как муравьи, — сходство усугублялось их черными куртками, — тащили из леса связки свежесрубленных колов и обтачивали их, споря об оптимальной толщине. Их товарищи уже гнали со всех сторон толпы связанных, измученных мужчин, женщин и детей. Некоторые пленники плакали, догадываясь об ожидающей их участи, другие угрюмо молчали. Когда все было готово, раздалась дробь полковых барабанов-бучумов, и всадник на вороном коне с белым пером на шапке, смотревший на зрелище с вершины

холма, поднял и опустил руку. Сейчас же гвардейцы схватили первый десяток пленных, опрокинули их на землю, завозились, сдирая одежду и делая еще что-то, отчего на траву брызнула кровь и над местом казни разнеслись леденящие душу крики. Это был секрет, который воевода узнал у татар, известных мастеров пыток — если казнимому перерезать седалищный нерв, задний проход расслабляется, и кол входит туда почти без усилий…

Вот уже первые колы с насаженными на них людьми вознеслись в воздух. Пока одни палачи укрепляли их, забрасывая основание землей, другие сноровисто повалили наземь новый десяток. Третьи сортировали заготовленные колы, отбирая те, что потоньше — очевидно, для детей. Пока гвардейцы творили кровавое дело, одни горожане плакали, умоляя воеводу пощадить их родных и земляков, другие в гневе пускали в палачей стрелы и дротики, хотя расстояние было слишком большим, чтобы они могли причинить вред. Расправа продолжалась, и человек в шапке с пером по-прежнему смотрел на нее пристально, не улыбаясь. Временами лицо его странно дергалось, особенно когда маленького ребенка вырывали из рук обезумевшей матери, чтобы посадить их на разные колы. Может быть, он вспоминал о своем двухлетнем сыне, так похожем на этих малышей. А может, ни о чем таком не думал — просто прикидывал, поможет ли этот жестокий урок снизить торговые пошлины и возобновить так необходимые ему поставки оружия.

Казнь продолжалась до самого вечера. Только когда начало темнеть, командир наемников с явным облегчением приказал возвращаться в лагерь, предварительно зарубив оставшихся пленников — те могли считать, что им повезло, и встретили смерть слезами облегчения. По всему холму со гни посаженных на кол слабо шевелились, бормоча невнятные угасающие слова молитв или проклятий. Кровь ручейками стекала на землю, и в воздухе уже кружились первые вороны, резкими криками созывая товарищей на добычу. Всадник на черном коне смотрел на эту картину с вершины холма еще долго; только когда стало темно, он дернул поводья и поехал прочь, не оглядываясь, сопровождаемый телохранителями.

Это страшное деяние совершилось в День святого Варфоломея, который католики отмечают 24 августа (именно тогда произошла печально известная резня в Париже). Но "варфоломеевский день" Дракулы никак не мог случиться тогда — вряд ли воевода блуждал со своим войском вокруг Брашова целых три месяца. Скорее всего, имеется в виду православный праздник этого святого, отмечаемый 11 июня. Правда, в некоторых источниках говорится не о дате, а о церкви Варфоломея, которую

господарь якобы сжег, но такая церковь появилась в Брашове уже позже — не в память ли о кровавой расправе? По словам Бехайма, воевода и в этот раз не упустил случая отобедать среди посаженных на кол, что могло случиться только на следующий день после затянувшейся казни — валахи простояли у стен Брашова еще трое суток. Поэт передает и другую историю: когда валашский отряд не сумел сжечь немецкое село Зейдлинг из-за сопротивления жителей, Дракула приказал посадить на кол его командира Калина за недостаток храбрости.

Во всех селениях, не проявивших такой стойкости, как Зейдлинг, происходило то же, что у стен Братова. Вот как описал карательный поход воеводы румынский писатель Михай Садовяну: "Возглавив конные отряды, он приказал нм сперва растоптать засеянные ноля Бырсы, а затем спалить их; стада не гнали в Валахию через перевалы, а посекли на месте; словно собрались тут волки со всего света и, зарезав овец, оставили их гнить без надобности. Горящие села на холмах освещали ночные кутежи в долинах. Простершиеся ниц рабы были вознесены гораздо выше, чем сидят обычно люди, на то в обозе были заготовлены колья с паленым острием. Рравда, для детей имелись колья покороче".

На обратном пути господарь совершил набег на Фэгэраш, где окопались сторонники Данешти, — месть им была особенно жестокой. Здесь снова были сожженные вместе с жителями села, груды изрубленных и длинные ряды колов, на которых корчились люди, замученные уже не за какую-то, пусть даже мнимую вину, а заодно с другими, для примера. Предав огню несколько сел в окрестностях Сибиу, "храбрецы" вернулись в родные края, пройдя долиной Арджеша. Историки вслед за Бехаймом, по обыкновению, завышали количество жертв этого похода; говорится о 30 и даже 50 тысячах погибших. Конечно, это преувеличение: все население местностей, разоренных Дракулой, было меньше, и, конечно, далеко не все из них погибли — большинство успело укрыться за крепкими стенами городов. Однако можно не сомневаться, что "наказание" трансильванцев и впрямь было кровавым, унеся больше жизней, чем все предыдущие казни Влада.

К тому времени в психике князя, похоже, стали происходить непоправимые сдвиги. Если вначале он совершал жестокости вынужденно, то со временем начал находить в них удовольствие и даже некий высший смысл. Это хорошо иллюстрирует изложенная несколькими авторами история о его беседе с двумя монахами-францисканцами. Вот как передает ее автор русской "Повести о Дракуле": "Пришли как-то к Дракуле два католических

монаха из Венгерской земли собирать подаяние. Он же велел развести их порознь, позвал к себе одного из них и, указав на двор, где виднелось множество людей, посаженных на кол или колесованных, спросил: "Хорошо ли я поступил, и кто эти люди, посаженные на колья?" Монах же ответил: "Нет, государь, зло ты творишь, казня без милосердия; должен государь быть милостивым. А те на кольях — мученики!" Призвал Дракула другого и спросил его о том же. Отвечал тот: "Ты, государь, богом поставлен казнить злодеев и награждать добродетельных. А люди эти творили зло, по делам своим и наказаны". Дракула же, призвав первого монаха, сказал ему: "Зачем же ты вышел из монастыря и из кельи своей и ходишь по великим государям, раз ничего не смыслишь? Сам же сказал, что люди эти — мученики, вот я и хочу тебя тоже мучеником сделать, будешь и ты с ними в мучениках". И приказал посадить его на кол, а другому велел дать пятьдесят золотых дукатов, говоря: "Ты мудрый человек"".

Румынское предание, как водится, излагает этот случай совершенно иначе: Влад Цепеш призвал к себе двух православных монахов, румына и грека, и спросил у них, что творят о нем в народе. Льстивый грек начал говорить, что все в один голос прославляют справедливость и милосердие господаря. Влад рассердился и велел посадить его на кол за ложь. Видя это, бедный, но честный румынский монах бесстрашно сказал: "Люди говорят разное, но многие недовольны, что продукты при тебе стоят дороже, чем при твоем предшественнике, и что ты творишь чрезмерные жестокости". К удивлению придворных, воевода не рассердился, а приветливо сказал: "Спасибо тебе за честность, святой отец! Я подумаю над твоими словами, а ты отныне будешь моим исповедником". Этот вариант истории явно выдуман в пику грекам, которые во времена Дракулы в Валахии почти не появлялись, но позже, в эпоху фанариотского господства, заняли ведущие посты в румынской церкви и высокомерно третировали местное духовенство.

Похоже, впервые история двух монахов появилась у Бехайма, который сам беседовал в монастыре Ламбах с уже знакомым нам ее участником — братом Якобом. Правда, рассказывая об этом мейстерзингеру, тот покривил душой, отведя роль льстеца не себе, а третьему, неведомо куда девшемуся монаху — брату Михелю. Попутно Якоб сообщил еще одну шокирующую подробность: его несчастный товарищ, брат Ганс, оказывается, был посажен на кол вверх ногами, причем кол вбили ему в голову, чтобы покарать за "неверные" мысли. Этот факт, если он не выдуман, демонстрирует то, о чем говорили и другие авторы: извращенный цинизм Дракулы и его повышенный интерес к теме

преступления и наказания ("тварь я дрожащая или право имею?"). Стараясь доказать себе и другим, что он "имеет право", воевода не терпел никаких поучений и попреков. Об этом напоминает еще одна история, весьма похожая на правду: один священник заявил Дракуле, что его дела противоречат Святому Писанию. Тот ответил: "Похоже, ты не читал книгу Царств", — и тут же приказал посадить правдолюбца на кол. Эта книга Библии и правда могла стать примером для князя — ее героям, древним царям Израиля, прощались любые преступления, если они хранили верность Божьим заветам.

Но был ли сам Дракула верен им? Обвиняя его в жестокости и "зломудрии", источники ни разу не упоминают о его пьянстве, обжорстве, мотовстве или тяге к роскоши. Похоже, воевода, как многие тираны, вел довольно скромный образ жизни, позволяя себе только одно отклонение от библейских норм — внебрачные связи. Похоже, его отношения с женой довольно быстро разладились; различные авторы предполагают, что она безуспешно пыталась заступаться за жертв Дракулы и в итоге возненавидела его. Есть даже версия, что господарь казнил несчастную Снежану (если ее звали именно так), хотя, как мы увидим, на самом деле она погибла позже и совершенно иначе. Ее просто путают с героиней одной из страшных легенд — любовницей Дракулы, которая однажды заявила ему, что беременна от него. Чтобы проверить это, он разрезал ей живот и долго рассматривал плод, пытаясь углядеть сходство с собой. Похоже, его, как и тогдашних итальянских гуманистов, живо интересовало устройство человеческого тела. Тут можно вспомнить упомянутого уже царя Петра I, который после казни изменившей ему любовницы Марии Гамильтон поднял ее голову и стал показывать придворным устройство кровеносных сосудов.

Румынский фольклор опять-таки передает эту историю иначе, перенося акцент на ненависть господаря к обману В соответствующем предании говорится: "Влад часто посещал одну женщину, жившую на окраине Тырговиште, — так часто, что соседские собаки привыкли к нему и не лаяли. Когда он был у нее, он забывал обо всем на свете, потому что она была красива и искусна в любви и ублажала его всеми известными ей способами. Только в гостях у нее он чувствовал себя счастливым и улыбался". Однажды, когда воевода явился к возлюбленной в особенно мрачном настроении, она решила порадовать его и сказала, что беременна. Но она плохо изучила характер Дракулы — заподозрив, что она лжет ему в корыстных целях, он выхватил меч и "рассек ей чрево до самых грудей", обнаружив, что никакого ребенка нет. "Тогда он в гневе ушел, а она от великой боли

испустила дух", — заключает легенда.

Как все было на самом деле, уже не узнать, но вполне вероятно, что история с любовницей просто выдумана В то время по Европе ходил похожий анекдот про Мехмеда II, который был увлечен садоводством и выращивал в своем дворце всевозможные цветы и фрукты. Однажды, обнаружив, что кто-то съел выросший у него на грядке огурец редкого сорта он велел распороть животы десяти (по другой версии — восемнадцати) бостанджи, то есть садовников, и в желудке у одного все-таки нашел семечки огурца. Что характерно, это жестокое деяние иногда тоже приписывают валашскому господарю.

При всем этом Дракула, которого и современники, и потомки обвиняли в служении дьяволу, был не чужд благочестия.

В сентябре 1460 года он пожертвовал румынскому монастырю Филотеу на Афоне 4000 аспр ежегодно за упокой души… нет, не его многочисленных жертв, а отца и какой-то загадочной монахини Евпраксии, — быть может, это была одна из его любовниц, ушедшая в монастырь, чтобы замаливать грехи возлюбленного. До этого он выделял большие суммы другим обителям, включая еще один афонский монастырь — Свято-Пантелеймоновский, где жили русские монахи. Как-то странно представлять Колосажателя, ославленного в веках вампиром, в роли покровителя церкви или вообще правителя, занятого мирными делами вроде установления торговых пошлин или разрешения спора о краже стада коров. Казалось бы, он, как истинный герой "черной легенды", должен дьявольски расхохотаться да и посадить на кол обоих спорщиков — но нет, обыденно присудил стадо одному из них. Вообще не оставляет ощущение, что Влад, при всей его "зломудрости", мог с годами успокоиться, став нормальным — или даже выдающимся — монархом своей эпохи. Если бы жизнь дала ему такую возможность… но этого не случилось. Часы истории неумолимо тикали, приближая воеводу к главной, хоть и не последней войне его жизни.

Матьяш по-прежнему не хотел отправляться в поход на восток, предпочитая реализовывать свои завоевательные планы на западе. Это придавало османам смелости. Вскоре они захватили Смедерево, последний независимый город Сербии, а потом и уцелевший осколок Византии Морен" или Пелопоннес, правитель которого, Фома Палеолог, бежал в Рим вместе с дочерью Софьей, будущей русской государыней. Не без груда расправившись с мятежными эмиратами Анатолии, Мехмед II заодно прихлопнул как муху христианскую Трапезундскую империю, открыв себе тем самым дорогу на Кавказ. Дракула тоже

не остался без внимания: чиновники Порты настойчиво требовали от него заплатить обещанную дань в 10 тысяч дукатов. Воевода не стал платить ни в этом году, ни в следующем, хотя это не был решительный отказ — неуплату объясняли то неурожаем, то плохими дорогами, из-за которых дань никак не удастся привезти в Стамбул.

Весной 1461 года султан прислал и Тырговиште фирман, требуя от своего "преданного слуги" лично доставить в османскую столицу дань за два года 20 тысяч золотых дукатов, тысячу валашских юношей, сотню коней и три десятка ловчих соколов. Отказ неизбежно означал войну. Что ж, Влад был готов к атому. Летом он побывал в Буде, где подписал с Матьяшем Корвином договор о совместных действиях против турок. Король обязался в случае войны прислать ему на помощь венгерское войско, а в качестве первого шага настоял на примирении между воеводой и трансильванскими саксами. В сентябре посланцы господаря подписали договор с городским советом Брашона. Саксам были снова возвращены торговые привилегии, а они обязались в случае конфликта с Турцией предоставить соседям 4000 полностью вооруженных солдат и 10 пушек. Однако ни одни воин из-за Карпат так и не пришел на помощь Валахии, когда на ее земле запылал пожар войны. А случилось это очень скоро.

Неравная битва

В январе 1462 года на Дунае появилось множество пышно разодетых всадников в сопровождении большого количества солдат. Это было турецкое посольство, отправленное султаном к правителю "мумтаз эялета", то есть самоуправляющейся провинции империи, какой считалась Валахия. Турок возглавлял Юнус-бей, он же обращенный в ислам грек Фома Катаволинос человек ученый, знающий несколько языков и искушенный в дипломатии. Ему надлежало донести до Влада Дракулы простую мысль: дальнейшее неподчинение воле Мехмеда II грозит ему и всем его подданным многими бедами. Для внушительности посла сопровождала целая армия — 4000 воинов во главе с беем Никополя Хамза-пашой, по совместительству главным сокольничьим султана. Им приказали действовать по обстоятельствам: если воевода проявит непокорство, воины могут тут же на месте показать ему, как следует обращаться с посланцами великого падишаха. Историк Михаил Дука пишет, что Дракулу было приказано привести под власть Порты "любым путем: по доброй воле, хитростью или силой". История повторялась — за два десятилетия до этого турки заманили в ловушку отца воеводы, а теперь пытались сделать то же с ним самим. Но Влад хорошо изучил нравы османов и коварством не уступал им.

Зима в том году выдалась суровой, Дунай замерз, и турки, кутаясь кто в соболью шубу, кто в овчину, перебрались через него по льду. Воины Хамза-паши расположились в Джурджу, а Юнус-бей отправился прямиком в Тырговиште на встречу с давним знакомым когда-то именно он охранял юного Влада в крепости Эгригёз. Передав Дракуле приказ падишаха немедленно выплатить дань за два года, он добавил несколько слов от себя. Султан разгневан непослушанием, и валашскому князю лучше не сердить его, а привезти поскорее дань в Джорджу. Господарь ответил, что зимние дороги в Валахии плохи, и он может собрать и доставить дань, а тем более юношей, которых нужно еще забрать у родителей, в лучшем случаечерез месяц.

— Это очень долго, — покачав головой грек. — Падишах накажет тебя, да и меня не помилует. Лучше сразу поезжай на встречу с Хамза-пашой и попроси его об отстрочке. И мой совет — приготовь подарки побогаче. Полезно одарить человека, который может замолвить за тебя словечко перед падишахом, да продлит Аллах его дни. Кстати, это относится и к твоему покорному слуге…

Поняв намек, Дракула щедро одарил Юнуса, и тот вернулся в Джурджу, пообещав уговорить пашу подождать. Вскоре, как было условлено, воевода отправился на юг. Его встреча с послами состоялась на нейтральной территории, между двух пологих холмов недалеко от Джурджу. С Дракулой были всего несколько человек и никаких повозок с данью, никаких подарков, никаких коней и соколов.

— Когда же ты намерен уплатить положенную дань падишаху, Ифлак-бей? — осведомился грек.

— Пожалуй, никогда, почтенный Юнус, — ответил, усмехаясь в усы, всадник в подбитом мехом плаще, на шапке которого трепетало от холодного зимнего ветра перо белой цапли. — Я подумал и решил, что и деньги, и сильные юноши, и быстроногие валашские кони мне нужны больше, чем султану, который и так несметно богат.

Ученый-грек не слишком удивился — он помнил, каким неуступчивым был Дракула еще в детстве. Юнус-бей ждал чего-то подобного, потому и привел с собой столько воинов.

— Похоже, ты издеваешься над послами падишаха, а значит, и над ним самим. Такая дерзость должна быть наказана. Боюсь, тебе придется дожидаться подвоза дани у нас в гостях.

Как по команде, широкоплечий Хамза-паша, закованный в латы, поднял руку в тяжелой перчатке и рявкнул:

— Взять его!

— Нет, взять *их!* — крикнул в ответ Дракула, и тут же на склонах холмов будто из-под земли появилось множество вооруженных людей, пеших и конных. Их было больше, чем турок, гораздо больше. Юнус-бей посмотрел на своего бывшего пленника — тот довольно улыбался. Кажется, на этот раз их роли поменялись…

Час спустя дозорные на стенах Джурджу увидели бегущую к ним через поле толпу воинов в турецкой одежде, за которой стлалось облако пыли.

— Откройте! — завопил бежавший впереди усатый командир. — Гяуры напали на нас, их слишком много! Готовьте крепость к бою!

Турки спешно отворили ворота, впустив беглецов, но те повели себя странно — выхватили из ножен мечи и начали рубить гарнизонных солдат. Слишком поздно те увидели, что их гости были переодетыми в турецкую одежду валахами, а их командир — самим Дракулой, которому пригодилось наконец знание турецкого языка. Бой на бастионах крепости был ожесточенным, но недолгим. Отчаянно сопротивлявшихся янычар перебили, остальные сдались и были загнаны в подвал, из которого

предварительно освободили пленников-румын — комендант Джурджу приторговывал рабами, захваченными в соседних селах. После боя в крепость доставили напуганных турецких послов, и господарь, с клинка которого еще стекала кровь, постарался их успокоить: к их высокому статусу отнесутся со всем уважением, но им придется какое-то время побыть гостями валахов.

Скоро Юнус-бея, Хамза-пашу и их приближенных отправили в крепость, которую янычар Константин из Островины называет Куриста, добавляя, что она стоит "среди воды". Рядом с монастырем Снагов есть местечко Курсу, затерянное в болотах Яломицы — возможно, османских "гостей" держали именно там. Но солдат, взятых в плен в Джурджу, никуда не увозили — их мелкими партиями вывели за крепостные стены и перебили всех до одного, побросав трупы в проруби на Дунае Сама крепость была сожжена дотла, чтобы турки не могли снова сделать ее своим форпостом.

Скорее всего, именно тогда случалась еще одна страшная история, связанная с именем Дракулы. Рассказывали, что турецкие послы на встрече с ним не сняли тюрбанов, объясняя это своим обычаем, и тогда он повелел прибить им тюрбаны к голове гвоздями. Русская повесть повествует об этом событии так: "Однажды пришли к нему посты от турецкого царя и, войдя, поклонились по своему обычаю, а колпаков своих с голов не сняли. Он же спросил их: "Почему так поступили: пришли к великому государю и такое бесчестие мне нанесли?" Они же отвечали: "Таков обычай, государь, в земле нашей". А он сказал им: "И я хочу закон ваш подтвердить, чтобы следовали ему неуклонно". И приказал прибить колпаки к их головам железными гвоздиками, и отпустил их со словами: "Идите и скажите государю вашему: он привык терпеть от вас такое бесчестие, а мы не привыкли, и пусть не посылает свой обычай блюсти у других государей, которым обычай такой чужд, а в своей стране его соблюдает"".

"Отпустил" — странное выражение для людей, которым вбили в голову гвозди. Одни историки считают, что эти гвозди были маленькими и только проткнули кожу; Дракула, по их мнению, хотел не убить послов, а только оскорбить их. Другие предлагают более правдоподобную версию: господарь казнил только главных послов, а их спутников отпустил, поручив им доставить трупы начальников к султану. Но когда случилась эта история? Если до пленения посольства Юнус-бея, то султан просто не стал бы его посылать, если после — то зачем было дублировать оскорбление, уже нанесенное туркам взятием Джурджу? Остается предположить, что жертвами гнева воеводы стали посланцы

грека-ренегата, прибывшие в Тырговиште, — ведь все источники утверждают, что история с послами случилась в том самом тронном зале дворца, развалины которого сохранились до наших дней. В этом случае убитых турок не пришлось никуда отправлять: Дракула не собирался раньше времени оповещать противника о своих планах.

Бехайм в своей поэме поведал ту же историю, но заменил турок на итальянцев, к головам которых якобы прибили их модные береты. Это лишний раз доказывает, что немецкий поэт целенаправленно очернял воеводу: такое обращение с христианами наверняка возмутило читателей, а против убийства турок они ничего не имели. Правда, ложь вышла довольно неуклюжей — уж конечно, итальянцы, искушенные в придворном этикете, сняли бы головные уборы перед князем. К тому же итальянские посольства в Валахию известны наперечет и ни одно из них не пострадало подобным образом. Итальянцев, нуждаясь в их деньгах, Дракула принимал весьма любезно, венгров с поляками мог попугать, но в общем-то тоже не обижал. А вот с турками, помня о пережитом в плену, обошелся весьма недипломатично. Дракула ненавидел Юнус-бея не только как своего тюремщика, но и как отступника от христианства, предателя в битве с "неверными". Поэтому он и сохранил жизнь ученому-греку и другим высокопоставленным пленникам — как мы увидим, в их отношении у него были свои планы.

Покинув выгоревший Джурджу, валахи перешли по льду Дунай и двинулись вдоль него на восток по земле Болгарии, захватывая одно турецкое укрепление за другим. Погруженные в сонный зимний покой, не ждущие никаких неприятностей гарнизоны сдавались почти без боя. Все они были вырезаны до последнего человека — Дракуле не нужны были ни голодные рты, ни лишние противники в будущей войне. Пали Рущук, Туртукай, Силистра; вся Добруджа, кроме форта Енисала, была очищена от турецких войск. Янычар Константин пишет: "Он отпустил своих людей, чтобы они брали в плен и убивали турок, как и христиан, по селам, по городкам, и этим он причинил большой вред султану. И всем, как мертвым, так и живым, он велел отрезать носы. И он послал их в Венгрию, похваляясь, что он столько турок перебил, сколько было этих носов". Другой турецкий автор подтверждает сказанное: "Вместо того, чтобы изъявить покорность султану… он напал на города и села и разграбил их. Взяв множество пленников, он иных обезглавил, иных посадил на кол, а иных сжег. Многим он вставил в нос железные кольца и таскал за них взад и вперед, пока нос не отрывался".

Итоги болгарской кампании Влад подвел письмом,

отправленным 2 февраля 1462 года Матьяшу Корвину. В этом послании говорилось: "Я истребил мужчин и женщин, старых и молодых, живших в Облучице и Новоселе, где Дунай впадает в море, и в Рахове возле Килии, и от низовий Дуная до таких мест, как Самовит и Гиген. Мы убили 23 884 турка и болгарина, не считая тех, кого сожгли в их домах или у кого наши солдаты не отрезали голов. Итак, пусть Ваше величество знает, что я нарушил мир с ними (турками), и пусть нанесенные им потери ободрят христиан и укрепят их решимость. Знайте также, что я сделал это не только для нашей пользы, но и для славы Вашего величества и спасения всего христианского мира. Как только турки узнали, что я сделал, они покончили со всеми войнами, что ведут во владениях Вашего величества и в других местах, и обратили весь свой гнев на нас и нашу страну. С наступлением весны, когда улучшится погода, они строят враждебные планы всеми силами напасть на нас".

Дракула просил короля как можно скорее собрать войско и прийти на помощь Валахии: "Если биться с ними входит в намерения Вашего величества, наберите со всей страны войско, как из кавалеристов, так и пехотинцев, приведите их через горы в нашу страну и соизвольте здесь биться с турками. Если же Ваше величество не желает явиться самолично, то пришлите войско в Ваши трансильванские владения еще до Дня святого Григория. Если в планы Вашего величества не входит присылать все войско, пришлите столько воинов, сколько пожелаете, хотя бы из Трансильвании и секейского края… Если Господь Всемогущий выслушает молитвы и просьбы всех христиан и соизволит обратить свой слух к молитвам страждущих во имя Его и подарит нам таким образом победу над язычниками и врагами христианства, это будет самой высокой честью, пользой и душевной помощью Вашему величеству и всем истинным христианам, поскольку не хотим бежать от их варварства, но, напротив, любым способом сражаться с ними. А если мы придём — упаси Господи! — к плохому концу, и наша маленькая страна исчезнет, Ваше величество также не получит от этого никакой пользы и облегчения, ибо это причинит ущерб всему христианскому миру".

В приложении к письму содержались педантичные подсчеты убитых: в Джурджу 6414 человек, в Енисале 1350, в Дурсторе (Силистре) 6840, в Рахове 1650, в Туртукае 630 и т. д. Далее следовало заключение: "Во всех этих местах всё сожжено и убиты все люди обоего пола, молодые и старые, вплоть до младенцев, и вся эта местность совершенно разорена". Похоже, эти сведения должны были убедить кораля в том, что туркам причинен

большой урон, как и другое доказательство — мешки с засоленными ушами и носами убитых турок, которые Дракула послал в Буду со своим секретарем Раду Фармой. Однако эти неприглядные трофеи не побудили короля выступить против султана. Доверившись обещаниям папы Пия II, Матьяш ждал прибытия на подмогу европейских крестоносцев, и все просьбы Дракулы о помощи остались без ответа. Правда, позже какие-то венгры все же воевали на стороне валахов, но, скорее всего, это были немногочисленные секейские всадники, которых по своей инициативе послал на помощь соседям губернатор Трансильвании Миклош Уйлаки.

О походе Дракулы на Болгарию пишут также Бехайм и пересказывающие его немецкие памфлетисты: "Во время похода его люди захватили множество красивых женщин и девиц и просили Дракулу отдать им этих женщин в жены. Дракула же не захотел этого и велел всех этих женщин, вместе с просителями, изрубить в капусту, потому что был разгневан тем, что турецкий султан требовал от него дань". Дальше продолжается уже привычный реестр жестокостей воеводы: "Большое число пленников он угнал в Валахию, где с одних содрал кожу, других поджарил на огне, третьих сварил в кипящем масле, а оставшихся посадил на колы или обезглавил… И он разместил свой лагерь среди множества колов с посаженными на них турками в том месте, где творились эти жестокости, и пировал со своими друзьями, наслаждаясь приятной беседой. Еще он таскал людей по земле за веревку, продетую через ноздри, или срезал у них кожу с пяток, посыпал их солью и давал козам слизывать эту соль, так что боль становилась нестерпимой. И ему принесли 23 809 голов убитых, он же при этом сожалел, что не может добавить к этому числу тех, кто сгорел вместе с их домами".

Хотя Дракула в своем кровожадном письме упомянул среди жертв не только турок, но и болгар, скорее всего, имелись в виду местные жители, принявшие ислам или переселенные турками на Дунай албанцы, тоже мусульмане. Христиан Влад щадил или, по крайней мере, приказывал делать это. Болгарские крестьяне встречали его как освободителя, а когда ему пришлось отступить, целые деревни ушли с ним за Дунай, чтобы избежать мести турок. Отступление было неизбежным — узнав о дерзком походе Дракулы, султан Мехмед в гневе требовал как можно скорее покарать изменника. Великий везир Махмуд-паша спешно собрал войско численностью 18 тысяч человек и выступил с ним к Дунаю. В марте он форсировал реку у Брэилы и углубился на территорию Валахии, разоряя все на своем пути. Дракула с войском находился поблизости и не дал врагам продвинуться

далеко. Ночью валахи внезапно подошли к турецкому лагерю и, едва рассвело, бросились в бой. Захваченные врасплох, турки не успели понять, что их вдвое больше, чем нападавших. Сражение кончилось, не успев толком начаться. Махмуд-паша едва успел бежать с остатками армии, бросая награбленное добро. До четырех тысяч турок было взято в плен. Новая победа Дракулы вызвала ликование в Европе. От Кракова до Генуи звонили колокола, приветствуя нового паладина христианской веры. Иностранные государи слали ему письма с поздравлениями: молчал только король Матьяш. Из Стамбула дипломаты доносили, что в городе тревожно; многие турки переправляют свои семьи и богатства за Босфор, боясь появления грозного Казыклу-бея.

Султан Мехмед рвал и метал, желая как можно скорее наказать дерзкого воеводу. Не завершив начатую осаду Коринфа, он отправился в Эдирне собирать армию, которой на сей раз решил командовать лично. Сборы продолжались до весны. В поход отправилась практически вся постоянная турецкая армия, состоявшая из трех частей: конного феодального ополчения спахиев, иррегулярной конницы (акынджи) и янычарского корпуса. Акынджи, набиравшиеся в основном из крымских и буджакских татар, получали за службу не поместья, как спахии, а только долю военной добычи и потому прославились как свирепые грабители. Янычары, число которых в XV веке доходило до 50 тысяч, комплектовались из христианского населения — сербов, болгар, валахов. Их отбирали у родителей вначале при набегах, потом — путем принудительного набора, носившего название "девширме" — "налог кровью". Мальчиков 12–15 лет содержали в закрытых лагерях, помимо воинских навыков прививая им фанатичную преданность султану и исламу. Слово "янычары" происходит от турецкого "йени чери" (новое войско), и оно действительно было новым, свободным от родственных и вассальных связей. Именно благодаря янычарам, — нерассуждающим, хорошо отлаженным орудиям войны, — турки одержали большинство своих побед.

Но всех этих сил Мехмеду показалось мало — для похода на непокорную Валахию он мобилизовал отряды подвласт-ных ему турецких феодалов и анатолийских крестьян, которые были необучены и плохо вооружены, но могли задавить противника массой. Чтобы закрепить превосходство над лишенным артиллерии врагом, турки везли с собой около сотни больших и малых пушек. Были у них и осадные орудия, хотя соглядатаи донесли, что валашские города плохо укреплены, не в пример Константинополю или Белграду. Зачем же тогда армия взяла с

собой громоздкие катапульты и стенобитные машины? Создатели румынского фильма "Влад Цепеш" вполне правдиво реконструируют завоевательные планы султана: "Валахия — только начало. Оттуда я пойду в Молдову, потом в Трансильванию. Там перезимую, весной ударю на Буду, покорю всю Венгрию, а дальше меня ждут Вена и Рим. Я заставлю всю Европу славить имя Аллаха, и на краю ее воздвигну в знак победы великую мечеть, минареты которой достанут до луны".

Несоразмерность масштабов военных приготовлений с силами и возможностями противника показывает, что замысел похода и правда был куда масштабнее, чем наказание мятежного вассала. Валахия должна была стать для Мехмеда трамплином в осуществлении плана покорения Европы — или преградой на пути этого плана, но это казалось султану почти невероятным. Он надеялся пройти через владения Дракулы легко, как нож сквозь масло, и ударить в трансильванское "подбрюшье" Венгрии, где почти не было королевских войск, стоявших в основном на турецкой границе. Дальше все зависело от военной удачи, но ничего невероятного в планах захвата Буды и Вены не было — падение Константинополя, сильнейшей крепости христианского мира, казалось современникам не меньшим чудом.

Для осуществления своих планов Мехмед собрал в Эдирне громадную армию. Историки единогласно утверждают, что никогда еще под бунчуком султана не собиралось столько воинов, но в оценках их численности расходятся. Михаил Дука говорит о 150 тысячах воинов, Лаоник Халкокондил — даже о 250 тысячах. Скорее всего, это преувеличение, и ближе к истине хорошо информированный генуэзский дипломат Пьетро ди Томассис, сообщавший своему правительству, что турецкая армия достигает 80 тысяч человек, не считая все время подходящих новых отрядов. Но сколько бы у Мехмеда ни было людей, силы Дракулы все равно были несравнимо меньше. Тот же Томассис оценивает их в 24 тысячи человек, а другой итальянец, Доменико Бальди, — в 30 тысяч. Притом большей частью это были необученные крестьяне-ополченцы, а им противостояла элита османской армии — на тот момент сильнейшей в мире.

Турецкий хронист Турхан-оглу пишет: "Весной победоносный император, подобный Искандеру, выступил из Эдирне в город Филиппополь (Пловдив) на Дунае, чтобы лично покарать неверного пса Казыклу и отомстить Валахии за ее преступления, водрузив над ней победное знамя ислама. Пока собиралась великая армия из многих областей, султан послал по Черному морю галеры к Дунаю, в город Видии, и весной они подошли к устью Дуная. Всего флот насчитывал 25 боевых трирем и 150

других судов". Эти приготовления вызвали беспокойство в Европе; между столицами, загоняя лошадей, метались курьеры. Всех интересовало, куда двинется грозный султан, уже прозванный Завоевателем, — в Венгрию, на Белград, на Рим? Это стало ясно только в конце мая, когда турецкое войско вышло из Эдирне и двинулось в сторону Дуная.

Колонны турок растянулись на несколько лиг (лига примерно равнялась 4,5 км), поднимая тучи пыли. Шли грозные янычары в высоких матерчатых колпаках и широких шароварах. Ехали конные спахии в богатом платье, с саблями, на которых золотом были выписаны строки Корана. Носились на своих мохнатых лошадках акынджи, пугая дикими криками анатолийских крестьян. В огромном обозе везли пушки, осадные лестницы и даже запас веревок, чтобы вязать пленных. Там же ехали историографы, призванные описывать победы султана. В первых рядах шел отряд, возглавляемый братом Дракулы Раду Красивым, — много лет он находился в почетном плену у турок, участвовал в их походах и, по упорным слухам, принял ислам. Теперь Мехмед возложил на него особую миссию — стать господарем Валахии и привести наконец этот непокорный край под руку Порты. Многие относились к Раду свысока, помня его прошлое султанского миньона. Только самые близкие к принцу люди знали, что он умен, смел и опытен в ратных делах. Ему поручили первым подойти к Дунаю в районе Никополя и разведать обстановку. Оказалось, что на другом берегу реки, у крепости Турну, уже собралось валашское войско — Дракула пытался помешать туркам переправиться через реку.

Среди янычар был и Константин из Островицы, который вспоминал: "Когда мы были в Никополе, на берегу Дуная, с другой стороны стоял воевода Дракула с войском и оборонял перевоз. Султан так сказал янычарам: "Мои милые овечки, что мое, то ваше, и прежде всего — мои сокровища; дайте мне совет, ведь от вас зависит, переправлюсь ли я на ту сторону и выступлю ли против моего неприятеля". И они ему отвечали: "Счастливый повелитель, вели приготовить лодки, а мы ночью сложим свои головы, но переправимся на ту сторону". Тогда султан велел дать им восемнадцать больших снаряженных лодок и других приспособлений: пушек, ружей, больших и малых пищалей. А когда наступила ночь, мы сели в лодки и быстро поплыли по воде вниз так, что звуков от весел и людей не было слышно. И мы приехали на ту сторону на один гон ниже того места, где расположилось их войско, и тут мы окопались, поставив орудия и прикрыв их вокруг большими щитами; около себя мы поставили дреколья для того, чтобы с нами ничего не могли сделать

всадники"[3].

Эти события произошли 4 июня 1462 года. Увидев высадившихся турок, Дракула немедленно атаковал их; прежде чем те успели приготовиться к бою, было перебито 250 янычар. Казалось, что вот-вот их сомнут и сбросят в Дунай. Валахи дрались как одержимые, и Константин пишет, что на султана, наблюдавшего за битвой с другой стороны реки, "напал великий страх". Но тут янычары установили пушки на лафеты и открыли огонь по валашской кавалерии. Ядра врезались в строй атакующих, испуганное ржание коней смешалось с предсмертными стонами. Воины Дракулы отступили, бессильно глядя, как Дунай покрывает черная сыпь лодок с турецкими солдатами. Поняв, что бой проигран, воевода приказал отступать.

Единственным его оружием против турок оставалась теперь "тактика выжженной земли". На пути к Тыргониште османы всюду встречали сгоревшие дотла, опустевшие деревни ни людей, ни скота. Животных, которых не удалось увести с собой, жители забили и бросили в колодцы, отравив их. Лаоник Халкокондил писал: "Дракула увел все население и горы и леса, оставив поля опустошенными. Он угнал в горы и весь скот, так что, преодолев Дунай и продвигаясь по стране в течение семи дней, султан не нашел ни человека, ни зверя, никакой еды или питья". Греческому историку вторил турецкий участник похода, чье свидетельство сохранил Турхан-бей: "Даже на расстоянии шести лиг от дороги нельзя было отыскать ни капли воды. Жар от палящего солнца был так велик, что казалось, будто наше оружие плавится, как воск… Африканцы и азиаты, выросшие в пустыне, жарили на своих щитах мясо". Откуда бралось мясо? Скорее всего, турки забивали обозных лошадей и верблюдов — кормить их все равно было нечем. Воду для армии привозили в бурдюках с Дуная, но проблема с едой никак не решалась. В итоге даже гордым спахиям пришлось питаться своими павшими от голода лошадьми, а янычары хмуро поглядывали на свои громадные, начищенные до блеска казаны — день ото дня похлебка становилась все более жидкой.

Турецкий летописец оставил правдивое описание злосчастного валашского похода: "Этот беззаконный гордец, воевода Валахии, не мог открыто противиться султану и потому скрылся без следа и увел свою армию в неприступные горы, ущелья и густые леса своей страны, оставив равнину пустой и разоренной. При приближении турецкой армии валахи уводили своих жен и детей в безопасные места или отправляли их за горы, в окрестности Брашова. Другую часть людей отправили в маленький город Бухарест, полностью окруженный болотами, где

они были в безопасности. Многие нашли убежище в лесах, куда те, кто не был уроженцем этой страны, не могли пробраться, поскольку леса эти были очень густыми и заросли колючим кустарником. Все стада они увели в глубь страны, к венгерской границе. Все, что могло гореть, было сожжено. Сам воевода Влад со своими людьми также укрылся в лесах, дожидаясь помощи от венгров".

Лига за лигой войско султана двигалось по Валахии, все больше страдая от голода и жажды. Валахи все время были где-то рядом — отряды турецких фуражиров, пытавшиеся отыскать провизию в стороне от тракта, исчезали бесследно. Каждую ночь турки ограждали лагерь рвом, опасаясь набега вражеской кавалерии. "Хотя валашский воевода имел небольшое войско, на нас напал страх, и мы очень его остерегались", признавался Константин. Среди солдат ходили слухи, что страшный Казыклу-бей по ночам оборачивается волком и рыщет вокруг лагеря, выбирая себе жертв. Насильно мобилизованные уроженцы Анатолии начали роптать, требуя возвращении домой. Но мало-помалу армии продвигалась впе-ред — миновав окруженный болотами Бухарест, она вышла на дорогу, ведущую к Тырговиште. До столицы оставалось меньше десяти лиг, когда Дракула решил пойти ва-банк.

В ночь с 17 на 18 июня турок, стоявших лагерем недалеко от деревни Чокэнешти, разбудили отчаянные крики дозорных и лязг оружия. Валашские воины, подобравшись в темноте к лагерю противника, незаметно пробрались внутрь и устроили резню, забросав ров трупами врагов и сорванными шатрами и открыв таким образом дорогу коннице. Во главе отряда "храбрецов" скакал сам Дракула, направо и налево рубя разбегавшихся турок. "Они перерезали людей, коней, верблюдов, грабили шатры, — повествует Константин, который был очевидцем событий. — Они перебили несколько тысяч турок и принесли султану большой вред, а другие турки убегали от них к янычарам, но янычары их от себя отгоняли и убивали, чтобы не быть перебитыми ими". Похоже, неопытные анатолийские солдаты в полной панике рубили своих товарищей, принимая их за гяуров. Дракула заранее велел обмотать стрелы просмоленной паклей, и теперь его воины зажигали их и пускали в шатры, устраивая пожары по всему лагерю и увеличивая общую неразбериху.

Позже сам воевода или кто-то из его приближенных написал сообщение об этой битве, попавшее в Рим с отчетом нунция Никколо Модруссы. Автор документа писал: "Султан вынудил его (Дракулу) укрыться в горах, где валахи, защищенные естественными природными условиями, находились в количестве

24 тысяч человек, с готовностью следовавших за своим господином. Когда он понял, что должен или умереть от голода, или погибнуть от рук жестокого врага, и, рассматривая оба этих варианта, пришел к выводу, что оба они не достойны храбрых мужчин, он отважился совершить знаменитое деяние, памятное всем. Созвав своих людей и объяснив им суть дела, он легко убедил их проникнуть внутрь вражеского лагеря. Он разделил людей так, что они должны были либо умереть в сражении со славой и честью, либо, если судьба будет благосклонна к ним, отомстить врагу". Дьяк Курицын передает слова Дракулы, сказанные при этом его воинам: "Кто о смерти думает, пусть не идет со мной, а здесь остается". В итоге в вылазке приняли участие от 7 до 10 тысяч человек. Автор документа пишет: "Используя нескольких турецких пленных, которые были захвачены в сумерках, когда они опрометчиво бродили вокруг лагеря, он проник глубокой ночью с частью своих войск в турецкий лагерь, преодолев укрепления, и в течение целой ночи молниеносно носился во всех направлениях, вызвав великую резню".

Целью Дракулы был сам султан Мехмед — его гибель неминуемо вызвала бы панику в рядах турок, и они потерпели бы невиданное еще в истории поражение. Однако валашский воевода не знал устройства османского лагеря; увидев впереди богато украшенный шатер, он устремился туда, прорубаясь через толпу бегущих турок, но оказалось, что шатер этот принадлежит великому везиру Махмуду-паше, который еле успел сбежать. Когда валахи поняли, где на самом деле находится Мехмед, вокруг него уже выстроились плотные ряды янычар. Турки постепенно оправились от неожиданности и начали теснить нападавших. Перед битвой Дракула отправил часть своих войск во главе с капитаном Галесом в обход турецкою лагеря, чтобы напасть на него с другой стороны. Это отвлекло бы внимание турок и позволило ему добраться до султана. Но Галеса все не было. Теперь уже со всех сторон Влад видел лица врагов и слышал их крики "Аллах акбар!" Его валахи один за другим падали под вражескими ятаганами. Он сразил очередного противника, пытавшегося проткнуть пикой брюхо его коня, но в это время другой турок полоснул саблей по ноге господаря. Склонившись к конской шее, Дракула из последних сил прокричал: "Отходим!" Уцелевшие валахи окружили своего предводителя и помогли ему выбраться из лагеря, а йогом все вместе устремились в сторону гор. Турки осмелились погнаться за ними только после рассвета, когда воины были уже далеко.

В полдень налесной поляне отдохнувший и перевязанный

Влад хмуро выслушивал объяснения вернувшегося к утру Галеса. Он не знает этих мест, сбился с пути и попал в болото? Может, и так, но почему бойцы его отряда утверждают, что капитан пытался сбежать и они еле заставили его вернуться? Дракуле все было ясно: иуда подкуплен боярами, которые уже приготовились встречать хлебом-солью его проклятого братца. Скоро Галес уже корчился на колу вместе с двумя своими помощниками. Похоже, он был не единственным; дьяк Курицын пишет, что воевода лично осматривал всех, кто вернулся с ним с поля битвы: "Кто был ранен в грудь, тому воздавал почести и в витязи того производил, а кто в спину — того велел сажать на кол, говоря: "Не мужчина ты, а баба!""

Хотя ночная атака не достигла своей главной цели, господарь был не очень расстроен. Его потери были гораздо меньше вражеских; позже он уверял даже, что убитых в его войске почти не было, но это явное преувеличение. Итальянские дипломаты в своих донесениях сообщали, что из числа валахов, участвовавших в вылазке, погибло до тысячи воинов. Еще несколько сотен, по сведениям янычара Константина, были схвачены турками во время погони и тут же обезглавлены; скорее всего, речь шла о мирных жителях, на которых султан вымещал злобу. Османское войско, по мнению тех же всезнающих итальянцев, потеряло убитыми 10 или даже 15 тысяч человек.

Автор отчета о битве из папского архива утверждал, что после ночной атаки султан "той же ночью тайно оставил лагерь и позорно бежал, и продолжил бы этот путь, если бы его друзья не устыдили его и не привели обратно против его воли". На самом деле это бегство случилось, как мы увидим, чуть позже, а пока Мехмед со своей армией, похоронив убитых, продолжал медленно двигаться в сторону Тырговиште. Валахи как сквозь землю провалились, и османские командиры решили, что их силы истощились, и война, слава Аллаху, подошла к концу. В полдень 22 июня турки подошли к валашской столице. Уже издалека они увидели дым многочисленных пожаров и еще какое-то темное облако, кружащее над городом. Подойдя поближе, они поняли, что это: несметные стаи воронья, будто слетевшиеся со всей Валахии, кружились над странным лесом из голых стволов, вдруг выросшим на прилегающем к городу обширном поле. Турки еще не верили своим глазам, а над войском уже поднялся многоголосый ропот удивления и ужаса, не заглушаемый даже карканьем птиц.

Над полем возвышались тысячи колов, на которых слабо шевелились или неподвижно висели люди частью голые, частью облаченные в лохмотья, в которых можно было узнать одежду

турецких солдат. Это были пленные воины Махмуд-паши, которых Дракула приберег для этого страшного спектакля. Колы высились правильными рядами; на тех, что повыше, висели командиры, а два самых высоких увенчивали два трупа в богатом платье — Юнус-бей и Хамза-паша. Тут были не только турки — по одежде угадывались немцы, цыгане и сами валахи, причем среди последних были женщины и даже дети. Уже потом выяснилось, что часть колов пуста, к другим привязаны тряпичные куклы, но в первый момент вся армия была скована ужасом. Принц Раду застыл на месте, его красивое лицо будто окаменело. Стоящий рядом султан, побледнев как смерть, воскликнул: "Это злой дух! Человек не может сотворить такое!"

Лаоник Халкокондил, возможно, со слов очевидцев, описал страшную картину: "Долина была в 17 стадий длиной и в семь шириной (около 3 км^2). И на ней повсюду стояли большие кресты и колы, на которые были посажены мужчины, женщины и дети — всего, как говорят, до 20 тысяч безжалостно замученных. Какое страшное зрелище! Там были и младенцы, прибитые кольями к трупам матерей, животы которых были распороты, так что птицы свили там свои гнезда. Одни были убиты давно, другие совсем недавно, а некоторые уже превратились в скелеты". Мы знаем, что Дракула велел для устрашения не снимать посаженных на кол долгое время, вплоть до года, поэтому многие трупы, без сомнения, остались с довоенных времен, став частью устроенного воеводой "театра ужаса".

Некоторые считают, что Юнус-бей и Хамза-паша тоже были казнены сразу после пленения и провисели на колах почти полгода. Но в этом случае новость наверняка дошла бы до Мехмеда, и эффект неожиданности, который Дракула так любил, был бы смазан. Скорее всего, господарь велел казнить приближенного султана сразу после "ночной атаки", когда стало ясно, что столицу придется оставить. Тогда же были казнены пленные турецкие солдаты, причем в спешке, так что колов на всех не хватило — многие были повешены на деревьях в ближнем лесу или зарублены и свалены в кучу. По приказу султана солдаты, обмотав лица тряпками из-за невыносимого смрада, сняли трупы и похоронили их в наскоро выкопанных длинных рвах.

Конечно, 20 тысяч посаженных на кол — явное преувеличение, и не зря мудрый греческий историк добавил к этой цифре осторожную приписку "как говорят". У Дракулы не было ни времени, ни людей, чтобы осуществить такую масштабную казнь; к тому же в руках у него было не больше четырех тысяч пленных турок, солдат Махмуд-паши. Правда, к

ним были присоединены те жители столицы, которые отказались покинуть ее и укрыться в некомфортных горах и болотах. Влад не терпел неподчинения его приказам; к тому же он был уверен, что османы все равно перебьют горожан, когда увидят, что он сделал с их соплеменниками. Им двигала не слепая месть, а трезвый расчет — остановить нашествие можно было, только парализовав врагов страхом. И это почти удалось: султан Мехмед наотрез отказался войти в сожженный, обезлюдевший, насквозь пропахший смертью Тырговиште и на следующий день объявил, что оставляет войско на попечение Юсуф-бея, а сам срочно возвращается в Стамбул — государственные дела стоят, пока он теряет время в этих диких краях. Бывалые воины в недоумении переглядывались: никогда еще они не замечали за своим войнолюбивым падишахом такого стремления поскорее оставить армию. Те, кто знал правду, молчали, чтобы не потерять голову: впервые за много лет Завоеватель встретил противника, равного себе по холодной жестокости и упорству. Он испугался — и решил уйти.

Перед тем как покинуть армию, султан собрал командиров и велел им обыскать всю Валахию, если надо — сровнять с землей горы и вырубить леса, по поймать проклятого Казыклу и доставить к нему. Мехмед никому не сказал того, что думал: он не сможет спать спокойно, пока жив этот *человек*. Паши и беи ревностно взялись за выполнение порученной задачи, но Дракулы уже не было в окрестностях столицы — с большей частью войска он ушел на восток, чтобы очистить Валахию от грабящих ее османских отрядов. Уже через три дня он настиг у Буззу армию Эвреносоглу Али-бея численностью 15 тысяч солдат и с ходу ринулся в бой. Турки, уже наслышанные о страшном Казыклу, быстро разбежались, и "храбрецы" еще два дня вылавливали и рубили их по окрестным лесам. Радость воеводы была омрачена известиями из Тырговиште: 23 июня оставленные им близ столицы 6000 воинов во главе с Драгомиром попытались повторить ночную атаку на османский лагерь. Им удалось обратить в бегство солдат Юсуф-бея, но находящиеся по соседству спахии Омер-бея ожидали нападения и встретили валахов во всеоружии. С большим трудом тем удалось пробиться к лесу, потеряв половину своих.

Тревожными были и вести из дельты Дуная. Турецкие галеры начали обстреливать крепости Килию и Белгород (Четатя-Албэ), где засели валахи и венгерские воины, присланные Матьяшем еще до войны. Узнав об этом, молдавский воевода Стефан решил прибрать крепости к рукам, чтобы они не достались туркам. Однако Дракула не собирался их отдавать и велел гарнизонам

сопротивляться до последнего. 22 июня, в день страшного спектакля у ворот Тырговиште, молдаване пошли на приступ мощных стен Килии, защитники которой отстреливались из аркебуз. Одна из пуль попала в ногу Стефану, после чего штурм был прекращен, — по легенде, эта рана так и не зажила, став много лет спустя причиной смерти воеводы. В итоге крепости остались у Дракулы, а от былой дружбы между ним и молдавским князем не осталось и следа.

Было и кое-что похуже — Раду остался в Валахии и объявил себя господарем, хотя пока что не решался высунуть нос из-за стены турецких караулов. Из своей штаб-квартиры в Бара-гане он обратился к валахам с воззванием, которое цитирует Халкокондил: "Могучие силы султана рано или поздно уничтожат то, что осталось от нашей страны. Если мы продолжим сопротивляться ему, мы лишимся всего, что у нас осталось. Только примирение с султаном Мехмедом поможет нам сохранить нашу страну и наши дома. Помните, что вы терпите неисчислимые страдания из-за моего брата, из-за того, что вы были верны этому человеку, пролившему больше крови, чем любой другой правитель". Одновременно новый господарь старался задобрить турок — в июле он подписал соглашение с Портой, по которому валашская дань была увеличена до 20 тысяч дукатов в год.

По контрасту с братом Раду старался прослыть милостивым и гуманным. Первым же своим указом он простил всех сторонников прежнего князя и пригласил их себе на службу. Сам Дракула никогда бы не сделал такого: как можно доверять предателям? Но почему-то тактика Раду сработала — люди стали выходить из леса и возвращаться к пепелищам своих домов, к прежней жизни. Впереди всех, как можно было догадаться, явились недобитые бояре, уверявшие, что под властью тирана всегда мечтали о возвращении его милостивого младшего брата. Слыша об этом, Влад только стискивал зубы: ничего, на всех хватит колов в валашских лесах!

Пока ему приходилось отступать: но пятам шли турки во главе с самим султаном, который возвращался домой левым берегом Дуная, истребляя на пути все, что не успели или не решились уничтожить сами жители. 29 июня он достиг Брэилы, выжег ее и переправился через Дунай. С ним была большая часть армии — потрепанная, голодная и долго еще повторявшая рассказы об ужасном Казыклу, чтобы передать их детям и внукам.

В июле султан прибыл в Эдирне, и придворные историки тут же засели за работу, изо всех сил стараясь превратить поражение в победу. Они описывали события примерно так: "Падишах изгнал

проклятого заговорщика Казыклу из его страны Валахии и вернул ее под свою руку, и воины ислама возрадовались этому. А у этого воеводы был младший брат, много лет проживший при гостеприимном дворе великодушного султана и служивший ему верно и преданно. Во время военной кампании этот красивый юноша находился подле султана, и вот султан призвал его к себе. Двое приближенных из свиты султана, Махмуд-паша и Исхак-паша, взяли юношу под руки и подвели его к султану и тот встал, взял его за руку и усадил на место справа от себя и чуть пониже. И велел принести ему платье из золотой парчи и красное знамя с золотой каймой, и назначил Раду Дракулу правителем Валахии, и дал ему с собой воинов и слуг. И он отбыл в свою страну со знаменем и барабаном, с четырьмя тысячами слуг, с шатрами и одеяниями, подобающими правителю. И когда народ той страны узнал, что его сделали воеводой, он признал его и слушался его приказов".

В Валахии осталось около 20 тысяч турок — не так много, но Раду уже создавал свое войско, в которое вступил даже кое-кто из "храбрецов". Основная их часть, правда, сохранила верность Владу, но его дружина таяла из-за постоянных битв. В июле Дракуле удалось еще раз разбить турецкое войско у Тыргшора — он перебил четыре тысячи врагов, но потерял и много своих. А потом в один из дней наемники-немцы явились к нему и потребовали денег. Денег не было; немцы попробовали было угрожать господарю, но, увидев его недобрую усмешку, отступили и молча скрылись в лесу. За ними последовали и многие валахи — бежали по одному и целыми отрядами во главе с командирами. Крестьянам нужно было собирать урожай, чтобы зимой их семьи не умерли с голода.

Боярам — спасать свои поместья, пока их не захватили соседи, перешедшие на сторону Раду. Нескольких пойманных беглецов господарь казнил, но потом махнул рукой: не они виноваты, а он, не сумевший сберечь страну от турок…

К концу лета Дракула из полновластного хозяина Валахии превратился в загнанного волка. С отрядом из 30–40 человек он рыскал по сельской местности, избегая городов — везде сидели пыркэлабы (старосты) Раду и турецкие солдаты. Брат назначил за его голову большую награду, и не раз его ночевка в какой-нибудь убогой деревне прерывалась известием о подходе сил неприятеля. Теперь уже не турки, а он сам испытывал голод и нехватку самого необходимого. Ярость бессилия дополнялась тревогой о семье. Жена и Михия скрывались в Поенари — эта крепость одна из немногих не покорилась еще новому правителю. Как-то в конце августа Влад тайно явился навестить их, но турки узнали об этом

и прислали из Куртя-де-Арджеш большой отряд с пушками.

Втащив орудия на крутой утес на другом берегу Арджеша, враги начали обстреливать замок, но ядра были небольшими и не могли принести особою вреда крепко сложенным стенам. Посовещавшись, турки решили наутро штурмовать Поенари с двух сторон, тайно окружив ее отрядами янычар. По легенде, один из них, валах по происхождению, решил предупредить воеводу и метким выстрелом послал в его комнату на верхнем этаже замка стрелу с запиской, советующей как можно скорее бежать. В это время в комнате находилась жена Дракулы, которая и прочла записку; не желая попасть в турецкий плен, она подбежала к окну и бросилась оттуда в стремнину Арджеша.

В наши дни место, куда она упала, зовется Рэул Домнеи, "речка госпожи"; камни там красны, будто на них пролилась кровь несчастной Снежаны.

Скорбь воеводы, узнавшего о гибели жены, не помешала ему действовать быстро и решительно. Он знал, что Поенари долго не выстоит, и решил уйти, оставив гарнизон крепости прикрывать свой отход — фактически бросив его на верную гибель. Должно быть, он рассуждал так же, как герой Брэма Стокера: "С кровавого поля боя, где гибли его полки, он приходил домой один… Его обвиняли в непомерной гордыне (в оригинале стоит: "They said that he thought only of himself'). Чушь! Что могут крестьяне без предводителя?" Дракула был уверен, что его спасение, даже ценой многих жизней, в конце концов позволит Валахии обрести свободу. Жители деревни Арефу, расположенной у подножия горы, показали ему тайную тропинку через лес, ведущую от замка в безопасное место. Еще до рассвета сам господарь и еще десять человек, одним из которых был маленький Михня, покинули замок и спустились по узкой деревянной лестнице в пещеру на берегу реки, куда из Арефу привели самых быстрых лошадей — крестьяне набили им подковы задом наперед, чтобы турки не нашли беглецов по следам.

Вскочив на коней, Дракула, его спутники и пятеро проводников поспешили прочь от Поенари. Как раз в это время турецкие пушки начали обстреливать замок. Испуганные лошади пустились вскачь, и Михня, сидевший за спиной одного из всадников, не удержавшись, свалился на землю. Возвращаться за ним — значило попасть в руки турок, и Дракула ускакал прочь, много лет думая, что его сын мертв. Однако мальчика, — опять-таки по легенде, — утром нашел пастух, живший у подножия замка и воспитал его как своего сына. Лет через десять, узнав, что Влад жив и находится в Буле, пастух открыл юноше, кто его отец, и отправил его в Сибиу, откуда тот добрался до Венгрии.

Говорили, что, вернувшись к власти, господарь щедро одарил спасителя своего сына землей и деньгами.

Приведя Дракулу и его людей на лесную поляну у отрогов Фэгэрашских гор, пятеро крестьян из Арефу осадили коней, и старший из них, седой Исайя, сказал:

— Все, государь, дальше лежат земли венгерского короля, туда турки не сунутся. Поезжай вперед, а мы вернемся к себе домой. У нас люди надежные, будут молчать как рыбы.

На прощание Дракула решил наградить крестьян. Бумаги у него не было, и он написал дарственную на пяти заячьих шкурках, подарив мужикам все окрестные горы, которые можно окинуть взглядом, вместе с лесом, зверями и рыбой. Особо было отмечено, что никакая власть, светская или церковная, не может отнять это дарение. После ухода воеводы крестьяне бережно передавали заветные шкурки из поколения в поколение, и сегодня одна из них хранится в Национальном музее Бухареста. Дарственная, которую, как ни странно, свято соблюдали все последующие господари Валахии, передала жителям Арефу ни много ни мало 5000 гектаров земли. Понятно, что в этой деревне Влад Цепеш до сих пор остается любимым героем, — еще и потому, что обеспечивает постоянный приток туристов.

Даже если в 1462 году у Дракулы были такие же преданные почитатели, к осени его положение стало безнадежным. Он мог скитаться по горам до зимы, но холод все равно выгнал бы его на равнину — прямо в руки турок и "любящего" брата. Мог бежать в соседнюю Трансильванию, но саксы вряд ли простили бы ему набеги и зверства. Другой путь отступления, в Молдову, тоже был закрыт. Из-за событий в Килии былая дружба со Стефаном превратилась во вражду, и в Сучаве Влада вряд ли ждала теплая встреча. Оставалась только одна дорога — в Венгрию. Пускай король Матьяш его не любит (у Дракулы уже не было сомнений на этот счет), но он должен понимать, что в будущей войне с турками Валахия — его главный союзник.

Влад знал, что король с сильным войском направляется в Брашов, чтобы защитить Трансильванию от возможного турецкого вторжения. Он отправил к Матьяшу послов — нет, не с просьбой о помощи, этого он не стал бы делать, а с предложением вместе напасть на турецкие гарнизоны в Валахии и сделать эту страну плацдармом будущего крестового похода. Если даже его небольшое войско едва не выгнало турок из Болгарии, то целая армия с рыцарской конницей, с пушками и пищалями вполне сможет это сделать. А дальше — Константинополь, и он во главе крестоносцев въезжает в святой город на своем вороном коне… Кто знает, может быть, именно ему суждено возродить

православную империю на берегах Босфора? Ведь ему еще только тридцать, он полон сил и жажды действия. Король не должен, не может ему отказать!

Матьяш и правда не отказал по сообщению его придворного хрониста Антонио Бонфини, он пообещал "проследовать в Валахию для ее освобождения от турок… и отдать валашскому князю в жены свою родственницу". Для переговоров о сотрудничестве Дракула со своими людьми в сентябре прибыл в Брашов, разместившись в румынском предместье Шейи. Целых два месяца прошли в бесплодном ожидании — король долго не мог добраться до города, потом приехал, но под разными предлогами откладывал встречу с господарем. Наконец, тот вспылил и заявил венгерским придворным, через которых общался с Матьяшем, что возвращается на родину, чтобы самостоятельно освободить ее от турок, а свой союз с королем считает расторгнутым. Это помогло — уже на другой день Корвин, проглотив обиду, приказал отряду словацких наемников во главе с командиром "черного войска" Яном Искрой направиться с Владом в Валахию, — по его словам, это был лишь авангард большой венгерской армии, которая вскоре будет отправлена на помощь соседям. Словаков было около тысячи — мало, но лучше, чем ничего. К тому же это были опытные воины, и с ними Дракула надеялся серьезно потрепать турок, непривычных к зимней войне.

Медленно продвигаясь на юг, отряд 26 ноября добрался до пограничного замка Кёнигштейн (ныне Оратя), стоящего на высокой скале у моста через Дымбовицу. Там наметили ночевку, и словацкие командиры вместе с Владом начали карабкаться вверх по крутой тропе. На полдороге шедшие впереди и сзади господаря словаки внезапно набросились на него, сбили с ног и связали. В это время внизу, в долине, их подчиненные так же оперативно набросились на "храбрецов" Влада, не ожидавших нападения. Тех, кто пытался сопротивляться, зарубили, остальных отпустили, отобрав оружие. Дракула еще не опомнился от крушения своих великих надежд, как его грубо забросили на спину коня и галопом повезли на север, в Венгрию. Он еще не знал, что там ему суждено провести почти все оставшиеся ему годы жизни.

Узнав о пленении воеводы, его враги вздохнули с облегчением. Раду Красивый понемногу продолжал налаживать жизнь в разоренной Валахии. Может, он и стал бы неплохим правителем, если бы не нараставший с каждым годом турецкий гнет. Проклятия голодных, разоренных податями матерей, чьих сыновей забрали в янычары, сыпались на голову нового князя.

Даже бояре, вначале встретившие его как избавителя, начали роптать и интриговать в пользу Данешти. Мехмед II на время оставил задунайские земли в покое, торопясь вычеркнуть из памяти образ проклятого Казыклу. Вскоре после возвращения из похода он сказал придворным: "Пока венгры владеют Белградом, а валахи Килией, Дунай не будет нашим". Свою жажду завоеваний он обратил на других — уже в 1463 году была завоевана Босния, с короля которой, Степана Томашевича, турки живьем содрали кожу. После захвата итальянских колоний в Греции султан вступил в затяжную войну с Венецией на море. На далеких восточных рубежах его армия теснила войска персидского шаха у хребтов Кавказа.

Угроза турецкого нашествия на Европу не исчезла совсем, но отодвинулась. Мало кто сознавал, что это случилось из-за провала "блицкрига" султана в маленькой Валахии. Правда, на первый взгляд цель Мехмеда была достигнута — в Тырговиште сел на трон его ставленник, из врага турок страна стала их союзником. Но это было достигнуто такими жертвами и напряжением сил, что впервые султан отступился от своей цели: страна, на которую он нацелил свой удар, не была завоевана и отуречена, и этого не случилось до самого конца Османской империи.

Грозный Завоеватель ненадолго пережил своего врага Дракулу — он умер в 1481 году, не дожив и до пятидесяти. По сообщениям летописцев, во сне он порой стонал и метался. Вряд ли ему снились бесчисленные жертвы его походов — зарезанные, обезглавленные, сожженные заживо мужчины, женщины и дети. Они ведь были всего лишь гяурами, посмевшими сопротивляться великой цели — утверждению истинной веры на всем пространстве земного диска. Нет, султану чудилось совсем другое — искаженные, почерневшие лица его воинов, бесконечными рядами висевших на колах у ворот трижды проклятого Тырговиште. И собственный смертный страх, когда ночью он проснулся от треска огня и криков: "Казыклу! Казыклу идет!" Этот страх не давал султану приблизиться к Дунаю, за который он прежде так рвался. И спасенные от турецкого ятагана жители европейских городов должны были благодарить за это человека, которого вскоре по иронии судьбы объявили величайшим злодеем на свете.

От тюрьмы до могилы

Двенадцать лет венгерского плена Дракулы — самый темный период его биографии, хотя вся она освещена не слишком ярко. Об этих годах ничего не говорят ни румынский фольклор, ни турецкие историки, ни авторы немецких памфлетов. Исчезнув с политической арены, валашский господарь стал им всем неведом и неинтересен. Интерес вызывало только одно — причина загадочного пленения господаря, который все-таки был союзником короля Матьяша и долгое время отважно сражался с турками, главными врагами Венгрии. Михаэль Бехайм, первым представивший свою версию событий, сконструировал целую историю о том, как султан, разъярившись на Дракулу из-за казни послов, пошел на него войной, и тот, чтобы спасти жизнь и власть, предложил в письме выдать туркам короля Матьяша и все венгерское войско.

Это письмо до сих пор служит одним из главных обвинений против Влада. Подлинник его не сохранился, и о содержании мы можем судить только по копии, включенной в текст "Записок" папы Пия II. Из нее следует, что письмо написано 7 ноября 1462 года в неизвестном месте под названием Ротель; кроме него, будто бы были еще два письма, адресованных великому везиру Махмуд-паше и Стефану Молдавскохму, но об их содержании ничего не известно. Вот текст этого документа: "К императору императоров, царю царей земных, сыну великого Амурата, великому султану Магомету, да будет он счастлив, обращаюсь я, Иоанн Влад, воевода Валахии и покорный слуга Вашего величества. Припадаю к вашим стонам, о император, и смиренно прошу позволить мне снова править моей страной и дать мне искупить мои великие прегрешения и ошибки. Я осознал, сколько зла в своем безумии я принес Вам и Вашей стране, но прошу Вас не оставить меня своей милостью и позволить мне заслужить прошение. Я хорошо знаком с Трансильванией и Венгрией и знаю там все дороги и пути. Если Вы удостоите меня своей милостью, я искуплю свое зло тем, что предам в Ваши руки всю Трансильванию, откуда Вам будет легко достичь Венгрии, а мои командиры проведут Вас через все препятствия. Остаюсь навеки Вашим покорным рабом, о великий император, да продлит Всевышний ваши дни!"

Этот цветистый, угодливый стиль ничем не напоминает другие письма Дракулы, написанные четко, деловито, без всякого самоунижения. К тому же письмо написано на латыни, а не по-славянски, как большинство документов воеводы, там нет ни его

титула, ни подписи. Папа Пий упоминает, что первоначально язык документа был "болгарским", то есть славянским, но этого неведомого подлинника никто не видел. Король Матьяш славянского языка не знал, и, очевидно, в его руки сразу попало латинское письмо. Не проще ли предположить, что оно изначально было сфабриковано человеком, не знавшим ни языка воеводы, ни стиля его переписки, но очень желавшим опорочить его? Можно вспомнить, что такое же письмо в свое время будто бы отправил султану отец Влада, что и стало основанием для его убийства Возможно, этот пример подал идею тому, кто решил сфабриковать письмо Дракулы. Подлинным оно просто не могло быть: господарь прекрасно понимал, что после всего, что он совершил, султан никогда не доверится ему. Даже если он действительно выдал бы османам Матьяша, его ждал бы в лучшем случае почетный плен в какой-нибудь крепости, а в худшем — золоченый кол. Ходили слухи, что Мехмед II уже приготовил такой для своего злейшего врага Казыклу. Да и зачем ему Влад на валашском троне, если у него уже есть покорная марионетка в лице Раду?

Но если письмо подделали, то кто был его автором? Историки обычно грешат на мстительных саксов — а конкретно на священника брашовской Черной церкви Иоганна Рейделя, который примерно в то же время сочинил и послал королю Венгрии меморандум о "неописуемых преступлениях валашского воеводы Влада". В этом случае Матьяш Корвин предстает наивным простаком, поверившим навету. Но простаком король ни в коем случае не был; очернение противников, в том числе посредством клеветы, было для него обычным делом. Да и все его поведение во время трансильванского похода показывало, что он стремится не договориться с Дракулой, а избавиться от него. Не предположить ли, что именно он пустил в ход фальшивое письмо, сфабрикованное его секретарями или вовремя подброшенное услужливым священником? При этом король даже не потрудился объяснить, как этот документ попал в его руки. Бехайм пишет лишь, что Матьяш, уже выступив в поход на турок, в пути каким-то образом разгадал замысел Дракулы и велел Искре схватить его. Звучит неубедительно: мы знаем, что ни в какой поход король не выступал, а операция по захвату воеводы была тщательно подготовлена.

Немецкие памфлеты считают иначе: война с турками там вообще не упоминается, чтобы не вызывать лишней симпатии к Дракуле, а говорится, что король велел арестовать его за неслыханные зверства. Дьяк Курицын излагает еще одну версию: "Однажды пошел на него войной венгерский король Матьяш.

Выступил Дракула ему навстречу, сошлись, и сразились, и выдали Дракулу изменники живым в руки противника. Привели Дракулу к королю, и приказал тот бросить его в темницу". Это, как и многие свидетельства русского дипломата, близко к истине, хотя упомянутое "сражение" свелось к короткой стычке у подножия Кёнигштейна, в которой не ждавший предательства господарь был обречен на поражение.

Ян Искра отвез своего пленника обратно в Братов и там передал, как было условлено, гвардейцам короля Матьяша. Те доставили господаря в Алба-Юлию (Карлсбург), где его заключили в крепость и формально предъявили обвинение в измене, продемонстрировав злополучное письмо. Дракула всё отрицал, справедливо указав вдобавок, что он не является подданным венгерского короля и, значит, никак не может изменить ему. На дознавателей, равнодушно выполнявших чужую волю, это никак не повлияло. Через несколько дней санный возок с господарем двинулся дальше и через Турду и Клуж добрался до венгерской границы. В канун Рождества 1462 года он достиг Буды. Оттуда Дракулу то ли сразу, то ли несколько месяцев спустя отвезли в крепость Вышеград в нескольких милях от столицы, где заключили в высокую Соломонову башню.

Матьяш со своим войском тут же вернулся в Венгрию, подтвердив подозрения, что подлинной целью его похода была не война с турками, а поимка валашского воеводы, которого в Европе считали главным паладином будущего крестового похода. В недоумении были не только иностранцы, но и венгерские сановники. Даже хорошо информированный Антонио Бонфини писал: "Король перешел Альпы, будто бы для того, чтобы освободить из рук турок Дракулу… Придя туда, он, не знаю по какой причине, ибо никто вполне этого не понял, захватил Дракулу в Трансильвании, другого же Дракулу (имеется в виду Раду Красивый. — *В.Э.)* назначенного в эту провинцию турками, вопреки всеобщему ожиданию, утвердил: этого же привел в Буду пленником".

Мнение своих подданных король еще мог игнорировать, но перед союзниками ему пришлось оправдываться. Копии подложных писем Дракулы через дипломатов были отправлены в Рим и Париж, Геную и Венецию. Недавно прибывшему в Буду папскому легату Никколо из Модруссы позволили даже встретиться с узником в Вышеграде, — правда, ненадолго и под строгим контролем венгерских вельмож. Вот как итальянец описал увиденное: "Он был не слишком высоким, но весьма мускулистым и сильным, с надменным и пугающим видом; имел большой прямой нос, выдающиеся ноздри и удлиненное красное

лицо, на котором длинные ресницы обрамляли большие, широко открытые зеленые глаза; густые черные брови делали его выражение угрожающим. Его щеки и подбородок были выбриты, за исключением усов на верхней губе. Вздутые виски увеличивали объем его головы. Бычья шея соединяла его голову с широкими плечами, на которые спадали волнистые черные кудри. Король рассказал мне, а его секретари подтвердили, что по приказам этого человека за короткий срок было истреблено самым жестоким образом 40 тысяч людей обоего пола и всех возрастов, принадлежавших к враждебным ему партиям. Некоторых из них переехали колесами повозок, другим выпустили внутренности, третьим вбили колы в голову, в пупок, в грудь или, стыдно сказать, в причинное место, так что конец кола выходил у них, еще живых, изо рта. Доходя до предела жестокости, он убивал младенцев вместе с их матерями, протыкая их одним колом, а иных приканчивал другими варварскими способами, мучая их орудиями, которых не могли измыслить даже самые свирепые тираны".

Похоже, епископ не сомневался, что этот "надменный и пугающий" человек способен на любое преступление, — по слухам, его уверенность подкрепили щедрые дары Матьяша. Король позаботился и о другом: уже летом 1463 года Михаиль Бехайм продемонстрировал публике свою поэму о злодея них Дракулы. Вероятно, ее заказали поэту сразу после пленения господаря, и сделать это могли только доверенные лица Матьяша. Они же уже через двадцать лет поведали русскому дипломату Курицыну истории о страшном воеводе, в том числе такую: "Рассказывали о нем, что и сидя в темнице не оставил он своих жестоких привычек: ловил мышей или птиц покупал на базаре и мучал их — одних на кол сажал, другим отрезал голову, а птиц отпускал, выщипав перья". О том же писали, как мы увидим, другие современники, но источник слухов был один — двор короля Венгрии.

Вскоре дружные усилия немецкого мейстерзингера и его приятеля-монаха породили целый вал обличающих Дракулу памфлетов, обошедших всю Европу от Лондона до Вильно. Читатели, с ужасом и восторгом внимавшие рассказам о преступлениях валашского воеводы, не задавались вопросом, который закономерно возникает у историков: почему обо всем этом стало известно только после пленения Влада? На дворе стояло не раннее Средневековье" когда новости распространялись годами, а вступила в права эпоха Возрождения — уже появились первые газеты, дипломаты и купцы быстро разносили важные или просто курьезные новости с одного конца континента на другой.

Тем не менее целых шесть лет информация о чудовищных по размаху и жестокости деяниях князя не выходила за пределы его маленькой страны. Не возник у читателей и другой вопрос: как в трансильванских городках, все население которых не превышало 3–5 тысяч, Дракула мог посадить на кол двадцать, а то и тридцать тысяч человек?

Поневоле рождается вывод, что "черная легенда" о воеводе создавалась целенаправленно и активно. И не только придворными Матьяша Корвина или мстительными трансильванцами — сочинителей антидракуловских пафлетов в каком-нибудь Страсбурге мало волновали их интересы. Просто Дракула был православным, то есть "еретиком", что позволяло одним приписывать ему самые отвратительные преступления, а другим — верить в это. Вспомним, что потом то же самое произошло с Иваном Грозным: большинство негативной информации о нем до сих пор берется из сочинений западных авторов. Вряд ли стоит по примеру иных румынских (и российских) историков объявлять все обвинения в адрес воеводы Влада (и царя Ивана) чистым вымыслом, пропагандой врагов-католиков против святых защитников православной веры. Эти оправдатели оказывают медвежью услугу не только православию, но и самим своим героям, которые отнюдь не стыдились своих жестокостей — они были уверены, что творят их в интересах государства. И кто скажет, что они были полностью неправы?

Стоит отметить, что в обличительной литературе не было единства относительно мотивов действий воеводы. Одни, как дьяк Курицын, считали, что он искренне боролся за порядок и справедливость, но перегнул палку — то ли из-за дурного характера, то ли по наущению Сатаны (слово "зломудрый" допускает оба этих толкования). Другие, как Никколо из Модруссы, списывали все на злобный, "бестиальный", по терминологии гуманистов Возрождения, нрав князя. Третьи, кивая на "дьявольское" прозвище, однозначно объявляли его одержимым бесом или безумцем, что в то время значило практически одно и то же. В результате именно последнее мнение обрело наибольший вес и, хотя к началу XVI века пафлеты о Дракуле вышли из моды, а со временем его известность и вовсе сошла на нет, смутная память о "дьяволе на троне" пережила века и привела в конечном счете к появлению Дракулы-вампира.

Был ли Дракула безумен? На этот вопрос можно смело ответить отрицательно. Мы уже видели, что его зверства, — во всяком случае, те из них, что зафиксированы не поэтами, а историками, — совершались не импульсивно, в приступе душевной болезни, а вполне обдуманно. Трезвый, холодный

расчет был присущ всем решениям воеводы — военным, политическим и личным. До последних дней жизни он поступал разумно и рассуждал здраво, проявляя недюжинный, пускай и "зломудрый" ум. Другое дело, что пребывание у власти, в обстановке постоянных опасностей и интриг, выработало у него "профессиональную болезнь" правителей — манию преследования, которая в сочетании с привычкой к насилию оказалась роковой для многих подданных господаря. Его жестокость часто называют "патологической", но, как уже говорилось, точно так же вели себя многие тогдашние государи. Болезненность можно увидеть разве что в сочетании несочитаемого — крайней жестокости и неуклонной методичности ее применения. Такое сочетание встречалось у древневосточных деспотов (вспомним хотя бы знаменитого Цинь Шихуана), но европейцам было неведомо, и Дракула, предтеча "идейных" тиранов XX века, не мог по вызывать удивление и ужас.

"Черная легенда" о воеводе сочинялась не только в литературе, но и в живописи. Вскоре в Трансильвании была написана картина "Распятие святого Андрея", где в роли одного из мучителей святого выступал человек с узнаваемыми чертами Дракулы и в характерном головном уборе (сегодня эта картина находится в венском дворце Бельведер). Нужно отметить, что Андрей Первозванный считался святым покровителем Трансильвании, жители которой сполна испытали на себе жестокость Влада. Чуть позже где-то в Германии появилось еще одно живописное полотно, где Дракула выступал уже в роли Поития Пилата — мучителя самого Христа; эта картина сейчас находится в Национальной галерее Словении в Любляне.

"Разоблачение" валашского господаря позволило Матьяшу объяснить европейским державам срыв крестового похода, на который уже были выделены деньги. Король получил крупные суммы от папы Пия и венецианских купцов. Эти деньги он потратил на выкуп у Фридриха III Габсбурга за 80 тысяч золотых форинтов короны свитого Стефана — исторической реликвии, без которой он не мог считать себя законным монархом. На самом деле воевать с турками Матьяш не собирался: больше того, он тайно заключил с ними мирный договор, признав Валахию их владением, а Раду Красивого законным государем. Правда, на всякий случай он обзавелся и своим претендентом на валашский трон — это был сын убитого Дракулой Дана III Лайота Басараб из рода Давешти. Для вида венгерские войска все же вторглись в Сербию и, покружив по ней пару месяцев, убрались восвояси. На эту экспедицию и были списаны полученные Матьяшем деньги, что вызвало глубокое недовольство в Европе. Идея крестового

похода была окончательно дискредитирована. В августе 1464 года Пий II целый день ждал в Анконе флот крестоносцев, чтобы повести его на Босфор, — и, не дождавшись, умер от огорчения.

Памятник Дракуле у его *родного дома в Сигишоаре*

Влад Дракула все это время сидел взаперти в маленькой камере на вершине башни Соломона, стоявшей на берегу Дуная у подножия холма, на котором возвышался Вышеградский дворец. В тюрьме было сыро и холодно, несколько каминов в коридоре зимой немилосердно чадили, но не могли отогреть каменные стены. Кормили знатного узника с дворцовой кухни, но спать ему приходилось на влажной от речных испарений соломе — уже через год нестарый еще Дракула согнулся от ревматизма и потерял половину зубов. Лицо его стало бледным от постоянного мрака, глаза ввалились — теперь он действительно напоминал вампира. Не применяя к нему пыток, король Матьяш пытал его бездеятельностью, что для энергичного, стремительного воеводы было страшнее всего. К нему почти не пускали посетителей, не сообщали новости, не давали книг. По сообщению Федора Курицына, он от безделья не только сажал на кол мышей, но и шил одежду "и тем кормился". Похоже, это еще один вымысел,

призванный запятнать честь господаря простонародным занятием. Строго охраняемому узнику вряд ли могли доверить иглу и портновские ножницы, да и деньги ему не требовались — свободу на них все равно было не купить.

Год проходил за годом, а за стенами тюрьмы между тем происходили важные события. Помирившись с турками, король Матьяш обратил свое внимание на Центральную Европу, которую всеми силами стремился подчинить. Женившись на дочери Иржи Подебрада, предводителя чешских гуситов, Матьяш на правах родственника предъявил претензии на трон Чехии, который Иржи вовсе не собирался отдавать. Назревала воина, в преддверии которой королю пришлось подавлять восстание трансильванцев, недовольных высокими налогами, а тут еще Стефан Молдавский объявил, что отказывается считать себя вассалом Венгрии и переходит под покровительство Польши. Матьяш решил примерно наказать господаря в случае успеха венгры могли обосноваться в устье Дуная и взять великую реку под свой контроль.

Осенью король отправился в поход, захватив с собой 40 тысяч солдат и 500 пушек; он вез с собой также бежавшего когда-то из Сучавы Петра Арона, чтобы посадить его на молдавский трон. "Черное войско" пленившего Дракулу Яна Искры отличилось и в этом походе, безжалостно грабя и сжигая деревни. Стефан действовал так же стремительно, как его бывший друг Влад, — окружив врагов в захваченном ими городе Бая, он внезапно напал на них ночью 15 декабря. В панике венгры не сумели использовать свое численное преимущество и были разбиты; раненного тремя стрелами Матьяша едва успел и увезти с поля битвы, на котором остались 10 тысяч его солдат. Немало воинов Искры сложили здесь свои головы, а сам старый гуситский гетман умер от ран год спустя. Потеряв обоз и все пушки, венгерская армия отступила через Ойтузский перевал в Трансильванию. Преследуя ее, Стефан захватил отставшего Петра Арона и обезглавил его, выставив голову предателя на пике у ворот Сучавы.

После битвы при Бае венгерский король изменил свое отношение к Валахии, — оказалось, что эта придунайская страна очень важна для его целей. Раду Красивый правил там твердой рукой при поддержке бояр, которым были розданы новые земли и должности. Укрепившись у власти, он потребовал вернуть ему трансильванские графства Амлаш и Фэгэраш, которые Матьяш под шумок прибрал к рукам. Раду осмелился даже угрожать королю войной — благо, за спиной его стояла Османская империя, гарнизоны которой снова обосновались в Джурджу и

Турну. Для борьбы с ним ничтожный Лайота Басараб не годился — нужен был сильный, решительный, яростный воин. Нужен был Дракула.

В конце 1467 году дверь темницы воеводы отворилась, и туда вошли трое людей в тюрбанах, с окладистыми бородами. Это были турецкие послы, которым король решил продемонстрировать страшного Казыклу — "секретное оружие", которое Венгрия может пустить в ход, если Порта не будет уступчивой. Послы не были слабонервными, но при виде мрачного, исхудалого узника их бросило в дрожь. Конечно же, они помнили, что этот человек когда-то приказал пробить гвоздями черепа другим турецким послам. Матьяш был доволен произведенным эффектом. Скоро Влада перевезли из Вышеграда в Буду, где поселили в отдельном доме недалеко от королевского дворца. Его строго охраняли, но позволили принимать гостей, вести переписку, иметь оружие. Воевода часами размахивал мечом в маленьком дворике, укрепляя одрябшие за время заключения мышцы.

Именно тогда произошла история, описанная Федором Курицыным: "Случилось, что некий разбойник забежал во двор к Дракуле и спрятался там. Преследователи же стали искать здесь преступника и нашли его. Тогда Дракула вскочил, схватил свой меч, выбежал из палат, отсек голову приставу, державшему разбойника, а того отпустил. Остальные обратились в бегство и, придя к судье, рассказали ему о случившемся. Судья же с посадниками отправился к королю с жалобою на Дракулу. Послал король к Дракуле, спрашивая; "Зачем же ты совершил такое злодеяние?" Он же отвечал так: "Никакого зла я не совершал, а пристав сам же себя убил: так должен погибнуть всякий, кто, словно разбойник, врывается в дом великого государя. Если бы он пришел ко мне и объявил о произошедшем, то я бы нашел злодея в своем доме и либо выдал его, либо просил бы его помиловать". Рассказали об этом королю. Король же посмеялся и удивился его нраву". История похожа на правду, поскольку в ней проявились характерные черты Дракулы — смелость, решительность и чувство собственного достоинства, которое он готов был отстаивать любыми способами.

Тогда, по свидетельству Курицына, Влад не был еще принят королем, но вскоре Матьяш дал ему аудиенцию. Кораль был на 12 лет моложе воеводы, но выглядел едва ли не старше: кроме ран от молдавских стрел, его мучили желудочные колики и подагра. Раскинувшись в удобном кресле, он не позволит посетителю присесть — пусть знает, что он не ровня великому Корвину, потомку римлян. Спокойно, ровным голосом он изложил свои

условия: Дракула получает все обещанное ему прежде, то есть руку венгерской принцессы и армию для освобождения Валахии от турок. Но за это он должен не только принести королю вассальную клятву, но и отказаться от "греческой ереси" и стать правоверным католиком. К тому времени Матьяш, не преуспев в амплуа крестоносца, стремился прослыть в Европе борцом за веру. Обращение валашского правителя могло стать первым шагом к окатоличению всех его подданных. За такую услугу Рим наверняка простит королю растраченные не по назначению папские деньги.

Скорее всего, сразу Дракула не согласился, но уже понимал, что другого выхода у него нет. Конечно, уютный домик в Буде приятнее сырой камеры в вышеградской башне, но ему хотелось снова увидеть родную землю и, главное, — расплатиться с врагами, думавшими, что он уже никогда не вернется. Ради этого он готов был сговориться не только с католиками, но и с самим дьяволом. Скорее всего, обращение Влада совершилось в 1471 или 1472 году, после возвращения Матьяша из военного похода в Чехию. Дьяк Курицын с осуждением пишет, что он "не смог перенести временных тягот заключения, и отдал себя на вечные муки, и оставил нашу православную веру, и принял ложное учение католическое". Совсем по-другому это событие трактовали на Западе, где обращение знаменитого грешника в "истинную веру" восприняли как триумф католичества. Одна из немецких хроник, соединяя разновременные события, утверждает: "И он был крещен в Буде и понес великое покаяние, и король снова сделал его князем и воеводой. И говорят, что после этого он совершил много славных деяний". Иные даже считали, что прежде Дракула был не православным, а "язычником", то есть мусульманином, и поэтому радовались еще больше.

Скоро господарь второй (или даже первый) раз в жизни отправился под венец. Курицын называет его избранницу "сестрой короля", но на самом деле это была его кузина Илона Силади — дочь давнего союзника Влада Михая Силади. К тому времени ей было лет двадцать пять, и она успела побывать замужем за знатным рыцарем, сложившим голову в стычке с турками. Об отношениях Дракулы и Илоны (некоторые источники называют ее Юстиной) известно только то, что за пять лет у них родились два сына — скорее всего, их звали Влад и Мирча.

Теперь Влад Дракула снова стал союзником венгерского короля и официальным претендентом на валашский престол. Прежних соратников рядом с ним не было, но он утешал себя мыслью, что сразу после его прибытия на родину к нему устремятся все его "храбрецы". Пока же его "войско" состояло из

нескольких венгерских воинов, приставленных к нему в качестве охранников, а заодно и соглядатаев. Он жадно слушал новости с родины, где снова было неспокойно. Стефан Молдавский, помирившись с венгерским королем, открыто выступил против турок. Для начала он в конце 1473 года вторгся в Валахию и наголову разбил войско Раду Красивого, а потом и пришедший к нему на помощь турецкий отряд, перебив по своему обычаю всех пленных. В замке Дымбовица Стефан захватил в плен жену и дочь Раду: первую он отдал своему союзнику Лайоте Басарабу, а вторую. Войкицу взял в наложницы сам — позже она стала его женой и родила воеводе наследника Богдана. Лайота был посажен на трон в Тырговиште, но уже через месяц османская армия Исхак-паши пересекла Дунай и восстановила Раду у власти, дотла разорив при этом окрестности валашской столицы. Это оттолкнуло от брата Дракулы многих сторонников, и весной 1474 года, как только турки ушли восвояси, Стефан и Лайота снова вторглись в Валахию. Брошенный всеми Раду бежал в Турцию, где и умер в следующем году.

На этот раз османы решили не совершать очередную бесплодную экспедицию в Валахию, а устранить корень всех проблем — Стефана Великого. В самом начале 1475 года стотысячное войско бейлербея Румелии Сулейман-паши перешло по льду Дунай и двинулось в глубь Молдовы. С турками шел и Лайота Басараб, мгновенно изменивший прежнему союзнику. В свою очередь, венгры и поляки послали помощь Стефану, армия которого достигала 40 тысяч человек. 10 января у городка Васлуй, где в юности Стефан и Влад бились с польской армией, состоялось решающее сражение. По османам, сгрудившимся в узкой долине, с трех сторон ударили молдавские пушки, а потом в бой пошла кавалерия. Турки, зажатые между быстрыми речками Бырлад и Ракова, были разбиты и в панике бежали к Дунаю, потеряв убитыми и утонувшими до 40 тысяч человек. Несколько тысяч пленных, по словам польского хрониста Яна Длугоша, были все до одного посажены на кол, а трупы их сожжены. После этой победы Стефан Великий стал популярен в Европе еще больше, чем прежде Дракула. Папа Сикст IV поздравил его (православного!) специальным письмом, даровав ему звание "борца за веру Христову". Сам Стефан, однако, не радовался — он строго постился сорок дней и запретил называть себя победителем, потому что победу молдаванам даровал один лишь Бог.

В решающий момент битвы при Васлуе, когда чаша весов начала клониться на сторону молдаван, хитрый Лайота догадался ударить туркам в тыл, внеся спою лепту в их разгром. Тем самым

господарь сохранил свою власть, но доверие союзников к нему было подорвано. Это немедленно сыграло на руку Дракуле — король Матьяш вручил ему полк, набранный из трансильванских румын, и отправил на помощь восставшему против турок сербскому деспоту Вуку Бранковичу. Владу намекнули, что если он проявит себя хорошо, его с тем же полком пошлют в Валахию отвоевывать трон.

Дракула старался на совесть; он взял боснийский город Сребреницу, использовав любимый прием — переоделся со своими воинами в турецкую одежду и обманом проник внутрь, продержавшись до прихода основных сил. Правда, панский нунций Габриэль Рангони, епископ Эгера, *доносил* в Рим, что воевода творит в Боснии нечеловеческие жестокости: "Он разрезал пленных турок на части и эти части, еще трепещущие, насаживал на колы, говоря: "Когда турки придут и увидят это, они испугаются и убегут без боя". Это тот самый Дракула, который, будучи воеводой Валахии, создавал целые леса из колов с посаженными на них людьми. Король уверяет, что он сажанием на кол и другими мучительными способами убил приблизительно 100 тысяч человек, за что тот же король несколько лет продержал его в темнице. Не забывая своих привычек, он ловил там мышей и насаживал их на маленькие колышки, как привык поступать с людьми. Но потом король освободил его и отправил воевать с турками, на которых он наводил великий страх".

Сражения в Боснии продолжались несколько месяцев, после чего Влад вернулся в Буду овеянный воинской славой. Летом 1475 года три государя — король Матьяш, Влад Дракула и Стефан Великий — встретились в венгерской столице, чтобы выработать план нового крестового похода, благословленного папой Сикстом IV. Первой частью плана было завоевание Владом власти в Валахии и совместный со Стефаном захват устья Дуная. Далее следовали освобождение Болгарии и давняя мечта Дракулы — поход на Константинополь. Для начала господарь с семьей перебрался в Сибиу. Здесь многие еще смотрели на него косо, но его защищало звание "королевского друга"; к тому же теперь он держался с горожанами приветливо и щедро платил за покупки золотыми дукатами, в изобилии выданными ему королем. В августе он в письме бургомистру попросил разрешения построить в городе дом для себя и своего семейства. А в феврале 1476 года обиженный Лайота написал жителям Сибиу, что не хочет больше дружить с ними из-за того, что они поддерживают "изменника Дракулу". По этой причине переменчивый воевода снова изменил венграм и перешел на сторону турок.

После этого Матьяш окончательно решил вернуть Влада к

власти и отправил ему на помощь военный отряд во главе с Иштваном Батори — дедом будущего польского короля Стефана Батория. Вместе с валахами и наемниками из трансильванских саксов отряд превратился в целую армию численностью 3000 человек. 25 июля Влад и Иштван провели военный совет в Турде и двинулись в сторону Брашова. Господарь отправил патрициям города письмо, в котором предлагал забыть старые обиды и заключить союз, на условиях предоставления им невиданных торговых привилегий в Валахии. Воодушевленные немцы согласились, и когда Дракула явился в город, бургомистр устроил ему радушный прием в городской ратуше. Во всех церквах молились за успех "христолюбивого воеводы Ладислауса", а сожженной им в свое время церкви Святого Иакова господарь пожаловал крупную сумму на обустройство. Но особой теплоты горожане не проявляли; они отказались вступать в войско Влада и облегченно вздохнули, когда их страшный союзник убрался прочь.

Между тем в июне Лайота Басараб принял участие в новом турецком нападении на Молдову. Пока Стефан отбивал на севере атаку крымских татар, армия Мехмеда II форсировала Дунай и быстро двинулась к столице. Стефан, как когда-то Влад, применял тактику "выжженной земли", избегая сражения, но все же вынужден был встретиться с турками в Валя-Албэ (Белой долине) и был разбит, потеряв почти 10 тысяч воинов. Гордый Лайота с трофеями отправился домой — и обнаружил, что в его отсутствие Дракула вторгся в Валахию с отрядом Иштвана Батори, захватив свою любимую крепость Поенари. Здесь он встретился с прошлым — во дворе крепости еще лежали кости воинов, погибших здесь в августе 1462-го, когда турки пробили тараном ворота и ворвались внутрь. Эти люди погибли за него, и теперь он попросил крестьян из Арефу похоронить выбеленные солнцем кости. В Поенари было неуютно, и он с облегчением покинул крепость, которая снова была заброшена и остается такой до сих пор.

Скоро к воеводе прибыли молдаване — две сотни воинов с личной просьбой Стефана: поскорее свернуть шею предателю Лайоте. Один за другим начали являться бояре, испуганные, потупившиеся: прости, государь, что перешли к Раду… что делать, турки, такая сила, а у них семьи, малые дети… Дракула только усмехался: прибежали — значит, чуют, что дни шакала Лайоты сочтены. Переменится ветер, опять побегут от него к новому победителю. Появился толстый ворник Маня Удриште с бегающими глазами — когда-то он предал Влада одним из первых. Но человек полезный, деятельный, двор при нем никогда

ни в чем не нуждался. Пусть будет снова ворником, работы для него найдется много. Появился и верный Драгомир, уже поседевший, — все эти годы он отсиживался в своем поместье, не желая служить туркам. Привел с собой подростка-сына, тоже Драгомира, как повелось в их роду. Влад порадовался, глядя на них, — пока дети идут путем отцов, будет жить валашская земля! В октябре явился сам митрополит Иосиф, который в Куртя-де-Арджеш торжественно объявил Влада валашским князем.

Седьмого ноября покинутый всеми Лайота Басараб бежал из Тырговиште, куда уже на другой день прибыли силы Влада. Господарь хмуро оглядывал свою столицу, где не был почти полтора десятилетия. Последний раз он видел город разоренным и пылающим в дни турецкого нашествия. Пожалуй, здесь ничего не изменилось — на пепелище возвели новые дома, подлатали дворец и еще… нигде не было колов с насаженными на них людьми, и в воздухе не витал трупный запах. Может, в этом и нет ничего плохого? Дракула сердито тряхнул головой, отгоняя непрошеные мысли. Не время расслабляться, нужно как можно скорее отомстить всем предателям, особенно проклятым Данешти. Нельзя оставлять их за спиной, когда начнется поход за Дунай!

В Тырговииште ему не сиделось — он отправился на юг, в Бухарест, чтобы быть ближе к Дунаю и встретить турок, которые могли напасть в любой момент. 11 ноября Иштвап Батори написал в Сибиу: "Мы изгнали Басараба, и все бояре перешли к нам, кроме двух, которые где-то задержались… Укрепив Тырговиште, мы перебрались в Бухарест, что недалеко оттуда. Просим прислать нам припасы, потому что зимой здесь нет никакой еды". Эта новость дошла до Будапешта, и скоро Матьяш Корвин написал папе Сикст IV о "блистательной победе" Дракулы, который будто бы разбил турецкое войско, истребив 18 тысяч "неверных". Эта ложь должна была растрясти кошельки итальянских банкиров — король, как обычно, остро нуждался в деньгах для осуществления своих грандиозных планов.

Потом случилось нечто непонятное. В декабре Батори, прежде собиравшийся зимовать в Бухаресте, объявил Владу, что венгры уходят из Валахии домой — таков приказ короля. Влад недоумевал: сторонники Басараба еще не добиты, нужно освободить от них всю страну и подготовить на берегу Дуная позиции для будущего наступления. Но удерживать Иштвана не стал. Лучше он останется с теми, кому полностью доверяет — пускай это только две сотни молдаван и сотня его "храбрецов", постаревших, израненных, но по-прежнему верных своему господину…

Третье правление Дракулы продлилось меньше двух месяцев. О том, как он погиб, источники говорят по-разному. Австрийский хронист Якоб Унрест пишет: "Воевода Дракула… был убит из-за коварства турок, которые питали к нему давнюю вражду из-за урона, который он им нанес. По этой причине турки подкупили его слугу, который когда-то спас ему жизнь, и он весьма ему доверял. И когда они вместе оказались в дороге, слуга отрезал ему голову и с ней сбежал к туркам. И король (Матьяш) сильно опечалился из-за того, что лишился такого сильного противника турок". Похожую версию изложил польский историк Ян Длугош: "Однажды Влад ехал через поле с одним слугой, и этот слуга подкрался к нему и отсек голову. Эту голову он продал туркам, которые насадили ее на пику и возили по многим городам, чтобы все видели".

Иначе и подробнее всех остальных о последних днях воеводы рассказал Федор Курицын: "Конец же Дракулы был таков: когда был он уже в Мунтянской земле, напали на землю его турки и начали ее разорять. Ударил Дракула на турок, и обратились они в бегство. Воины же Дракулы, преследуя их, рубили их беспощадно. Дракула же в радости поскакал на гору, чтобы видеть, как рубят турок, и отъехал от своего войска. Приближенные же приняли его за турка, и один из них ударил его копьем. Дракула, видя, что убивают его свои же, сразил мечом своих убийц, но и его пронзили несколькими копьями, и так был он убит".

История довольно сомнительная — все немногочисленные воины Дракулы хорошо знали его, да и одежда его мало напоминала турецкую. К тому же ни турецкие, ни венгерские документы не говорят ни о каком вторжении турок в Валахию в тот период. Быть может, это был небольшой отряд, направленный на помощь Лайоте Басарабу и еще не знавший о его бегстве. Но если противниками воеводы и были турки, то убили его все-таки свои, — точнее, враги, притворявшиеся своими. Недаром через месяц несколько знатнейших бояр во главе с ворником Удриште подписали грамоту о своей непричастности к убийству Влада. Если они оправдывались, значит, их обвиняли — и, скорее всего, не без оснований. Господарь пока никого не казнил, но бояре тряслись при одном виде исхудавшего, сурового лица Колосажателя. Они знали, что в любую минуту он может сменить милость на гнев и прорычать: "Ын цепе!" — "На кол его!" Нет уж, лучше было обезопасить себя и заодно заслужить доверие турок и щедрую награду, которая наверняка досталась убийцам Дракулы. Известно, что отрезанную голову воеводы отослали в Стамбул султану: тот выставил ее на пике возле дворца Топкапы, и турки целыми толпами ходили смотреть на ужасного Казыклу-бея.

Молдаване до конца остались верны Дракуле и погибли вместе с ним. Воевода Стефан писал королю Матьяшу: "Он просил меня оставить ему двести моих воинов для защиты, поскольку он не доверял валахам. Но неверный Басараб тут же явился снова, застал его врасплох и убил его и всех моих людей, кроме десяти". Остальное войско Влада разбежалось, а его приближенные присягнули Лайоте, который скоро вернул-ся в Тырговиште. В Европе о гибели воеводы узнали только в феврале 1477 года, когда венецианец Леонардо Ботта сообщил об этом в Милан: "Турки снова вторглись в эту страну, и Дракула, наместник короля, был изрублен ими вместе с четырьмя тысячами своих людей". Поэтому часть историков считает, что Дракула погиб в январе, хотя, по мнению большинства, это все-таки был декабрь.

Несколько преданных слуг отвезли обезглавленный труп своего господаря (обычно считается, что воевода был убит к северу от Бухареста, в Балтени — там же, где его отец) и похоронили в ближнем монастыре Снагов. По легенде, в день погребения на остров, где стоит монастырь, налетел сильный ветер, который сбросил в озеро церковь, построенную предыдущим господарем, Владиславом II, — как будто мстительный дух воеводы не желал терпеть присутствие своего врага. Говорят, в ветреную погоду из-под вод озера и сегодня слышен звон колоколов старой церкви.

Как на грех, с самого дня похорон воеводы монастырь преследовали всяческие беды, хотя он оставался центром просвещения; в XVII веке митрополит Антим Ивиряну устроил там первую в Валахии печатню. Под давлением турок митрополит был отправлен в ссылку и там отравлен, а Снагов постепенно пришел в упадок. Позже на острове устроили уголовную тюрьму: однажды, когда преступников в кандалах переводили на остров, понтонный мост рухнул под их тяжестью, и десятки беспомощных людей пошли на дно. В 1867 году монастырь был официально закрыт, и мародеры взялись за его разорение: с годами от него осталась только полуразрушенная церковь без крыши. Восстанавливать ее начали в 1897 году, в год публикации "Дракулы" Стокера; странное совпадение, но в истории господаря Влада таких совпадений хватает. Сегодня в Снагове снова живут монахи, а в церкви, у царских врат, туристам показывают могилу, будто бы принадлежащую Дракуле. Однако в ней нет останков воеводы, а на надгробной плите — его имени.

Есть версия, что воевода погиб совсем в другом месте — на юге, между Бухарестом и Джурджу. Тогда его должны были похоронить в монастыре Комана, монахи которого тоже защищают свой приоритет. Знаменательно — еще одно странное

совпадение, — что оба монастыря находятся на островах, оба при Дракуле превратились в крепости и оба в XVII веке были перестроены, так что об их прежнем облике приходится только гадать. В Снагове это произошло около 1512 года, в правление Нягое Басараба; можно не сомневаться, что этот потомок Данешти вряд ли бережно обошелся с могилой их заклятого врага, если она действительно находилась в монастыре. Но дело в том, что легенду о захоронении воеводы в Снагове впервые записал только в 1862 году писатель Александр Одобеску: "Выщербленные плиты находятся в разных частях храма, по кто может сказать, над чьим прахом они воздвигнуты? Только одна, самая большая, что лежит напротив царских врат у алтаря, хранит в себе легенду. Рассказывают, что это надгробная плита жестокого и своевольного господаря Цепеша, который в Снагове устроил нечто вроде камеры пыток, откуда осужденного, которого терзали огнем и железом, выбрасывали потом с помощью метательного орудия в озеро… Митрополит Филарет якобы приказал стесать буквы с камня на могиле презренного правителя, который создал такую ужасную машину, и положить этот камень на вечное попрание или ради спасения несчастной души под ноги священнику, когда тот выходит со святыми дарами".

Летом 1931 года румынский археолог-любитель Дину Росетти и историк Джордже Флореску впервые провели раскопки в Снагове, к тому времени покинутом монастырской братией. Оказалось, что могила у царских врат пуста, — точнее, в ней нашли коровьи и ослиные кости, признак сознательного осквернения, совершенного то ли господарем Нягое, то ли самими монахами в XIX веке, когда монастырем управляли греки-фанариоты. На этом археологи не успокоились — вернувшись в монастырь два года спустя, они подняли каменный пол церкви и обнаружили у входа еще одно захоронение без всяких внешних примет. Найденный там мужской скелет рассыпался в прах, так что нельзя было определить, с головой или без головы его похоронили. Однако рядом с ним нашли обрывки пурпурной погребальной пелены и бархатного кафтана того же цвета с серебряными пуговицами, а также золотую брошь или застежку, зачем-то пришитую к рукаву кафтана. Все это убедило изыскателей, что в таинственной могиле покоится валашский господарь, и это может быть только Дракула.

Как ни странно, Флореску (дядя биографа Дракулы профессора Раду Флореску) поделился своей догадкой с прессой только в 1973 году. К тому времени остальные участники раскопок умерли, а найденные в захоронении предметы каким-то

образом пропали из Бухарестского исторического музея. Всеэто позволило историку беспрепятственно фантазировать о том, как он нашел в могиле почти нетронутое тело в богатой одежде, которое под лучами солнца в считанные минуты рассыпалось в прах (очевидно, вместе с одеждой). Упомянул он и о том, что голова покойного была накрыта платком, начисто позабыв о том, что голову Дракулы увезли в Стамбул. Подобные заявления заставляют сомневаться в том, что Флореску вообще что-либо нашел в Снагове. Но если и нашел, то эти останки вполне могли принадлежать одному из бояр, умерших в монастыре, который в XVII веке превратился в тюрьму для государственных преступников. Именно так утверждают историки, считающие, что Дракула все-таки похоронен в Комане (если, конечно, его вообще не бросили без погребения — вот тут-то он точно бы стал вампиром). Они напоминают, что господаря, судя по русской повести, убили на горе, а к северу от Бухареста никаких гор нет. Зато на юге, недалеко от Команы, тянется гряда холмов, и на склоне одного из них до сих пор стоит деревня под названием Влад-Цепеш…

Церковь в Снагове, где похоронен Дракула

Аргументы звучат убедительно, но они не объясняют загадку снаговских могил. Почему одну из них осквернили, а другую поместили в потайном месте под полом? Как там оказалась пурпурная пелена, если этот цвет в XV веке, да и позже, считался привилегией правителей? И откуда на рукаве погребенного взялась драгоценная брошка? Уже родилась легенда, что это дар одной из возлюбленных Влада, проводившей воеводу в последний путь. Но есть и другая версия — по словам того же Флореску, от брошки было что-то отломано. Может быть, золотая фигурка дракона? Не исключено, что воевода всю жизнь берег память об ордене, к которому принадлежал его отец, и именно поэтому не отказывался от своего "дьявольского" прозвища. Тогда нет ничего удивительного в том, что его похоронили с орденской эмблемой; при осквернении могилы ее могли украсть или просто потерять. Но сам Флореску высказал другую версию: к брошке был прикреплен не дракон, а эмалевая роза — подарок, который когда-то вручила победителю турнира в Нюрнберге неизвестная дама. В любом случае это была память об отце, которую Дракула хранил всю жизнь и ради которой страшно мстил врагам своего рода.

Тайна могилы Влада до сих пор вызывает к жизни дутые сенсации; например, в 2000 году некий немецкий археолог Г. Кайхер, проводя раскопки в крепости Поенари, якобы обнаружил череп Дракулы и по его зубам определил, что воевода страдал редким заболеванием, изменяющим форму зубов и вызывающим неодолимое пристрастие к крови. Однако в Румынии об этой находке никто не знает, так что "раскопки", вероятно, проводились исключительно на страницах желтых газет. Кстати, доказать принадлежность черепа именно Владу Дракуле можно, только сравнив его ДНК с генетическим материалом, взятым у потомков господаря, а их еще нужно отыскать.

После гибели Дракулы его вдова Илона Силади с детьми покинула Тырговиште, куда едва успела перебраться, и вернулась в Буду, где еще дважды выходила замуж. Видевший ее в Венгрии Федор Курицын писал: "Один сын при короле живет, а другой был у Варданского епископа и при нас умер, а третьего сына Михаила, старшего, видели тут же в Буде — бежал он к королю от турецкого царя: еще не будучи женат, прижил этого сына Дракула с одной девкой". Первый сын — это Влад, второй — Мирча, умерший в шестилетнем возрасте в трансильванском городе Варадин (ныне Орадя), а третий — Михия, мать которого, как уже говорилось, возможно, не состояла с господарем в законном браке. Впрочем, эти слухи могли распускать те, кто боялся юного принца, очень уж напоминавшего нравом своего грозного отца.

Надо сказать, что Влад-младший тоже прожил недолго — он умер от неизвестной болезни около 1500 года, не оставив потомства. Примерно тогда же скончалась и его мать, пережившая всех своих четырех мужей.

В Валахии Лайоту Басараба сверг его кузен, Басараб Цепелуш, который в 1479 году примкнул к невиданному по масштабам турецкому набегу на Трансильванию. Захватчики жгли и грабили область, пока недолговечный союзник Дракулы Иштван Батори не разгромил их у Брука. Вскоре Стефан Великий при поддержке венгров вторгся в Валахию, чтобы сбросить с трона Цепелуша, взял Тырговиште и свирепствовал там так, что затмил даже самого Влада Цепеша. На сей раз его кандидатом на трон стал сводный брат Дракулы Влад Калугэрул (Монах). Курицын писал о нем: "Был тот Влад с юных лет монахом, потом — священником и игуменом, а потом расстригся и сел на воеводство. И женился он на вдове воеводы, правившего некоторое время после Дракулы и убитого Стефаном молдавским".

Имеется в виду боярская дочь Смаранда, жена сначала Раду Красивого, а потом Лайоты Басараба, который на самом деле был убит в Брашове — вполне возможно, по приказанию Стефана, который, в отличие от Дракулы, не чуждался тайных расправ с противниками. Молдавский правитель оказался куда более умелым политиком, чем его бывший валашский друг — повоевав с поляками, ветрами, турками, он умудрился со всеми ними в итоге установить если не дружеские, то по крайней мере мирные отношения. Поладил и с правителем набиравшей могущество Руси Иваном III, выдав за его сына Ивана (при помощи дьяка Курицына) свою дочь Елену, прозванную в Москве Волошанкой, Правда, Иван Молодой скоро умер, а потом его отец женился на греческой принцессе Софье Палеолог, интригами которой Елена и ее сын Дмитрий были загублены в темнице, а русским великим князем стал в 1505 году сын гречанки Василий — отец Ивана Грозного. Когда это случилось, Стефан Великий все еще восседал на троне в Сучаве — уникальный пример политического долголетия в то бурное время.

Влад IV правил Валахией до 1495 года — правил мирно, не ссорясь ни с турками, ни с венграми. Он был одним из тех немногих господарей, кто умер в своей постели да еще оставил престол сыну Раду Великому. В правление Влада скончались сначала султан Мехмед II Завоеватель, а потом, в апреле 1490 года, — венгерский король Матьяш Корвин. В народе его любили и долго рассказывали, что в его правление даже последний холоп мог пожаловаться на барина, и суд по закону разбирал его дело. "С королем Матьяшем умерла справедливость", — вздыхали

венгры. Наследников Корвин не оставил, и магнаты снова начали рвать страну на части. В 1526 году дело кончилось Мохачской битвой, после которой Венгрия почти на два века попала под власть турок, а потом оказалась в руках австрийских Габсбургов.

Валахия и Молдова формально оставались независимыми, но Порта брала с них тяжелую дань — не только деньгами, зерном и скотом, но и юношами, которых по "налогу кровью" отдавали в янычары. Господари, проявлявшие строптивость, быстро лишались власти, а то и жизни. Одним из первых это испытал на себе сын Влада Монаха Раду, который пытался протестовать против непрерывного увеличения османской дани. В 1508 году паша Никополя Мехмед-бей сместил его и посадил на трон сына Дракулы Михню. Тот оказался истинным потомком Колосажателя — круто расправлялся с боярами, за что получил прозвище Рэу (Злой). Враждебный ему монах Гаврило Протул писал: "Как только Михия начал править… он схватил всех великих бояр, жестоко мучил их, отбирал их владения и даже спал с их женами у них на глазах. Иным он отрезал носы и губы, иных вешал, а иных топил". Вдобавок Михня попросил короля Уласло II ввести в страну венгерские войска для защиты от турок. Тогда Мехмед-бей вернулся в Валахию, и Михне пришлось бежать в Сибиу, где скоро его у входа в церковь зарезал наемный убийца. Кстати, церковь была католической; это доказывает, что Михня сменил веру вместе с отцом.

На нем род Дракулы не пресекся — у Михни от двух жен родилось несколько детей, один из которых, Мирча III, тоже унаследовал характер деда. Узнав об убийстве отца на заседании Большого совета, он в гневе голыми руками — в 16 лет! — задушил боярина, которого считал организатором злодеяния. Бежав из Тырговиште, он еще долго жил в Трансильвании. Потомки его сына Александру управляли Валахией до 1660 года. Другой сын Мирчи, Петру Хромой, несколько раз становился господарем Молдовы и имел от цыганки сына Мирчу, потомки которого, жившие в Трансильвании, гордо носили фамилию Цепеш. Правда, не исключено, что они просто приписали себе родство со знаменитым воеводой. Последний из Цепешей, Стефан, жил в Лондоне в Викторианскую эпоху; по слухам, он был художником и теоретически мог встречаться с Брэмом Стокером.

К тому времени слово "Цепеш" за пределами Румынии не вызывало абсолютно никаких эмоций. Зато другое слово, "Дракула", скоро стало всемирно известным, вызвав волну интереса не только к давно покойному валашскому господарю, но и к его подлинным или мнимым потомкам. Совсем недавно, на

волне грандиозного успеха фильма "Сумерки", в таблоидах появились статьи о том, что исполнитель главной роли в вампирской саге, молодой актер Роберт Паттинсон, прямой потомок Дракулы! Довольно скоро выяснилась истина: Паттинсон — дальний родственник британской королевской семьи, которую еще в XVIII веке угораздило породниться с потомками династии Басарабов. Однако к самому Дракуле ни эти потомки, ни, естественно, юный кумир публики отношения не имеют.

Колоритная фигура Влада III интересует специалистов и любителей истории вне зависимости от новомодных наслоений вокруг нее. Но огромное большинство людей, говоря "Дракула", подразумевают "вампир". Почему же так случилось? Неужели только из-за того, что когда-то безымянный немецкий художник изобразил господаря пирующим среди мертвецов с кубком то ли вина, то ли крови, поднесенным к алым губам?

Черная легенда

Карпаты — страна вампиров. Это приходится слышать даже в самих Карпатах: надо же как-то привлекать туристов! Но и за сотни километров от Карпат и за тысячи лет от современности легенды о мертвецах, пьющих кровь живых, леденили сердца людей. Правда, существа эти не были вампирами в строгом смысле слова, но в крови нуждались не меньше.

С древнейших времен красная жидкость, текущая в человеческих артериях и венах, была не просто символом, но синонимом жизни и человеческой души, и цвет ее считался цветом жизни, любви, плодородия, в отличие от белого — цвета смерти. "Душа всякого тела есть кровь его", — говорится в библейской книге Левит. Кому же могла потребоваться эта волшебная жидкость? Конечно, тем, в ком жизни не было, — во-первых, злым духам, ведьмам, эльфам и прочей нежити. Во-вторых, мертвецам, тоскующим в мрачном загробном мире и мечтающим ожить. Недаром еще в глубокой древности люди в особые дни года, когда грань между миром живых и миром мертвых становилась тоньше (обычно это случалось в зимнее и летнее солнцестояния), мазали себя белой краской, чтобы покойники приняли их за своих и не тронули. Со временем царство мертвых "благоустроилось" благодаря религии, и страсть к крови стали приписывать только тем мертвецам, кто по разным причинам туда не попал — казненным, утопленникам, колдунам, — одним словом, всем, кто не был похоронен должным образом, с соблюдением всех необходимых обрядов.

Обоим категориям любителей крови издревле приписывали множество злодеяний. Древние вавилоняне верили в демоницу Лилит, которая по ночам прилетала к колыбелям младенцев и пила их кровь. В еврейских преданиях Лилит стала первой женой Адама, прекрасной и порочной, — похоже, ее объединили с другим духом, суккубом, который, являясь по ночам к мужчинам в образе красивой женщины, отбирал их сексуальную энергию, которая, как и кровь, воплощала в себе жизненную силу. У древних греков было немало легенд о том, как умершие возлюбленные приходили к юношам, похищая их жизнь, — одну из них пересказал Гёте в "Коринфской невесте". У тех же греков возникли легенды о духах и женском обличье, которые по ночам пили кровь людей, большей частью младенцев. Их называли ламии, ампулы, стриги — последнее слово в современной Италии означает ведьму, а в Румынии вампира (strigoi).

Но все эти существа были бесплотными духами, лишь для

вида принимающими людской облик. Вера в оживших мертвецов, прежде бывших обычными людьми, пришла в античный мир из других краев — прежде всего, с севера Европы, от суеверных кельтов и германцев. Записывать истории о них начали еще в раннем Средневековье: так, в 1031 г. на церковном соборе в Лиможе рассказали, что тело некоего отлученного от церкви рыцаря каждое утро находили далеко от его могилы. О таких же случаях говорится в "Истории английских королей" Уильяма Ньюбургского (1196) — когда в округе начинали пропадать или неожиданно умирать люди, местные жители первым делом шли на кладбище. Вскрыв гроб какого-нибудь нечестивца или колдуна, его, как правило, находили неразложившимся и румяным, с губами, испачканными свежей кровью. В этом случае труп следовало проткнуть мечом ("холодным железом", которого боится нечисть), а потом сжечь и развеять по ветру.

В Англии таких мертвецов называли cadaver sanguisugus (кровососущий труп). В Венгрии использовали более емкое название — "вампир", происходящее, по мнению ученых, от славянского "упырь". Упыри, правда, были не ожившими мертвецами, а духами людей, погибших неестественной смертью, — это доказывает, что обе категории по-прежнему четко не разграничивались. В польском и чешском языках вампира до сих пор называют "упырь". В Греции кровососов прозвали тоже славянским словом "вриколак" (вурдалак), означающим нечто другое — оборотня, получеловека-полуволка, тоже страдающего неумеренным аппетитом к крови. В Румынии вампир — "стригой" или "морой", в Болгарии — "полтеник", в Хорватии — "кошкима", в Албании — "кукути", у цыган — "мулло". У немцев был свой вампир — "ночной жеватель" (Nachzehrer); считалось, что он, лежа в могиле, непрерывно жует, насылая на живых чуму и другие болезни. Чтобы усмирить предполагаемого вампира, его рот набивали камнями.

В XIV веке Центральная Европа пережила настоящую эпидемию вампиризма, совпавшую со страшной эпидемией чумы. В панической неразберихе людей нередко хоронили живыми, а потом, когда по соседству кто-нибудь внезапно умирал (что при эпидемии опять-таки не редкость), гроб открывали и видели покойника скорчившимся и перепачканным кровью — ведь он отчаянно пытался выбраться из своего плена. В 1343 году прусский барон Штейно де Реттен, умерший от чумы, был похоронен с почестями, а через несколько дней разнесся слух, что его видели вне могилы. Пришлось открыть гроб и пронзить останки барона мечом. Лишь гораздо позже распространилось поверье — тоже пришедшее от славян, — что протыкать вампира

нужно не железом, а осиновым колом, после чего обязательно отрезать голову, опрыскать тело святой водой, а потом сжечь (вместе с головой).

К тому времени вампиров, которые прежде считались чем-то вроде природного феномена, окончательно объявили слугами дьявола и начали с ними беспощадную борьбу Вскоре после смерти Дракулы, в 1486 году, доминиканские монахи Шпренгер и Инститорис (Крамер) выпустили в свет знаменитый "Молот ведьм" — руководство по поиску и разоблачению прислужников Сатаны, которое предусматривало широкое применение пыток. Инквизиторы, действовавшие практически бесконтрольно, далеко превзошли валашского воеводу в изощренности мучений, которым подвергались их жертвы. Во времена "охоты на ведьм", продолжавшейся почти три века и унесшей, по наиболее достоверным оценкам, до 100 тысяч жизней, несчастных женщин (а иногда и мужчин) обвиняли не только в колдовстве, но и в вампиризме — и посылали на костер. В результате те, кто сознательно поклонялся Сатане, начинали приносить в жертву своему кумиру людей и пить их кровь, пытаясь угодить своему властелину. По мнению судей, именно так поступал знаменитый барон Жиль де Рэ, современник Дракулы, казненный в 1440 году в Руане по обвинению в убийстве более 300 детей. По одной из версий, он использовал их кровь для алхимических опытов, по другой — вызывал с ее помощью злых духов, по третьей — был ложно обвинен во всем этом королевскими чиновниками, захотевшими отобрать его земли и богатства. Но если даже он был не виновен, маленькие дети (особенно некрещеные) еще долго были главной целью сатанистов всех мастей. Другим объектом их вожделения были невинные девушки, кровь которых тоже использовали в колдовских обрядах, прежде всего в проведении "черной мессы".

В 1610 году на востоке Европы прогремело дело венгерской графини Эржебет (Елизаветы) Батори. Начав стареть, эта роковая красавица велела своим прислужникам заманивать в ее замок в Чейте (ныне Чахтице в Словакии) молодых крестьянок, которых она замучивала до смерти как вручную, так и особыми приспособлениями, наподобие специально заказанной ею "железной девы", а потом выпускала из их тел кровь и купалась в ней, пытаясь вернуть молодость. Всего ее жертвами стали от 30 до 650 девушек и женщин. Графиня принадлежала к высшей венгерской знати, однако королевский суд под давлением улик приговорил ее к пожизненному заключению в ее собственном замке, где она и скончалась в 1614-м в возрасте 54 лет.

Графиня Эржебет Батори — "Дракула в женском обличье"

Сегодня мало кто вспоминает, что злодеяния Эржебет Батори были следствием общеевропейской "моды" на использование крови в сатанистских обрядах. Но все отмечают, что они имели место в Карпатах — том самом горном краю на стыке Румынии, Венгрии, Словакии и Украины, откуда, как из эпицентра землетрясения, по Европе расходились предания о вампирах. Эта область, где веками смешивались традиции и суеверия разных народов, где постоянно кипели кровавые битвы, где дикая природа всегда была рядом с человеком, оказалась питательной почвой для вампиризма.

В XVII веке из Юго-Восточной Европы, разделенной между Османской и Австрийской империями, слухи о вампирах начали доходить до Запада, где их принимали "на ура", как опасную, щекочущую нервы экзотику В 1694 году популярный французский журнал "Меркюр галант" посвятил вампирам специальный выпуск. А скоро кровососы попали и в официальные документы. В 1725 году австрийский суд рассматривал дело сербского крестьянина Петра Плогоевича, обвиненного — посмертно! — в убийстве восьми человек в его родной деревне Кизилова. Вот как

современник описал обстоятельства дела: "За две недели вампир, дядя пятерых племянников и племянниц, уже отправил на тот свет троих из них, а также одного из своих братьев. Он уже принялся за пятую жертву, красивую молодую девушку, свою племянницу, у которой он уже дважды сосал кровь. Здесь-то и был положен конец этой печальной трагедии… Могилу открыли и обнаружили мужчину, такого же здорового на вид, как и мы сами; волосы на его теле, ногти, зубы и полузакрытые глаза были в целости, как и у любого из нас, живых, а сердце его билось". Как полагается, покойному проткнули грудь колом, отрезали голову и бросили в яму с негашеной известью; "С этого момента племянница, у которой он уже два раза пил кровь, почувствовала себя лучше". Дело Плогоевича вызвало такой резонанс, что отчеты по нему требовал сам австрийский император Карл VI.

В следующем году похожий случай произошел в сербской деревне Медведже, где крестьянина Арнольда Паоле, погибшего при падении с повозки, обвинили в гибели людей и скота. Свидетели рассказали, что Паоле прежде служил в армии в Греции, где его укусил вампир. Знающий, что делать в таких случаях, Паоле раскопал могилу вампира, вбил ему в сердце кол и съел немного могильной земли, но это не помогло — он сам превратился в кровососа. "Спустя двадцать или тридцать дней после его смерти, люди начали жаловаться, что Паоле приходит их мучить и что уже умерло четыре человека. Чтобы покончить с этой напастью, жителям посоветовали откопать вампира, что и было сделано сорок дней спустя после его смерти. Его нашли в прекрасном состоянии, без признаков тления, глаза налиты свежей кровью, кровь также вытекала из ушей и носа, запятнав рубашку и саван… По местному обычаю, в сердце ему вонзили кол. Но пока производили это действие, он издал громкий крик и из тела фонтаном брызнула кровь. Его сожгли в тот же день, а прах бросили обратно в могилу.

Признаки вампиризма нашли также в трупах тех четырех человек, которые были умерщвлены им, поскольку все те, кого вампир мучил и убивал, сами становились вампирами". Отчет о деле Паоле, составленный австрийским военным врачом Флюкингером в 1732 году, получил широкую известность — именно благодаря ему в Западной Европе распространилось слово "вампир".

Эти случаи заинтересовали ученых и богословов, затеявших многолетнюю дискуссию о вампирах. Одни утверждали, что вампиризм вызывают демоны, проникающие в тела мертвецов; другие возражали, что верить в это — значит допускать, что Сатана может оживлять людей, а это по силам одному

Всевышнему. Появилась и компромиссная версия, которую высказал английский король Яков I в своей "Демонологии": вампиры — это нечистые духи, которые только принимают облик людей. В 1746 году ясность в этот вопрос решил внести бенедиктинский монах дом Огюстен Кальме, издавший в Париже трактат "О духах, обретших плоть", где перечислялись десятки случаев вампиризма — почти все в той же Юго-Восточной Европе. Скрупулезно рассмотрев их все, святой отец пришел к выводу, что вампир — не бестелесный дух, а человек, еще при жизни продавший душу дьяволу и награжденный за это после смерти убогим существованием, для поддержания которого необходимо постоянное питье крови.

Именно сочинение Кальме заложило современные представления о вампирах, восходящие к суевериям карпатских народов, но при этом сильно облагороженные массовой культурой. "Народный" вампир — не бледный джентльмен в отглаженном фраке, а румяный крестьянин в грязной, рваной и заскорузлой от крови одежде. Кровь, которой он упивается, так и брызжет из него — иные вампиры, когда их гроб вскрывают, буквально плавают в крови. Это хорошо иллюстрирует переведенная вначале Мериме, а потом Пушкиным сербская баллада "Марко Якубович":

> Видят, — труп румяный и свежий, —
> Ногти выросли, как вороньи когти,
> А лицо обросло бородою,
> Алой кровью вымазаны губы, —
> Полна крови глубокая могила…

"Классические" вампиры вряд ли ведут философские диалоги со своими жертвами — чаще всего они вообще не говорят, поскольку принадлежат к миру мертвых, "немых", и с живыми их сближает только выпитая кровь. Надо сказать, что нынешний "масскультовый" вампир — образ сборный, соединивший поверья разных народов и культур. Например, в то, что вампир, как и все злые духи, не отражается в зеркале, верили только в Германии, а про то, что он не отбрасывает тени, в фольклоре вообще не сказано.

Практически нигде не считали, что у вампира вырастают волчьи клыки (это скорее присуще оборотням) или что он пьет кровь из горла своих жертв. На Бажанах верили, что он высасывает кровь прямо из пор кожи, чаще всего в области сердца. Всем известно, что вампир часто превращается в летучих мышей. Французский натуралист Бюффон в 1761 году даже

назвал вампирами американских нетопырей отталкивающего вида, которые действительно пили кровь. Похоже, именно после этого возникла связь вампиров с летучими мышами, поскольку в народных преданиях об этом ничего не сказано. Там вампиры превращаются в животных, традиционно связанных с дьяволом, — волков, крыс, пауков и черных кошек, — а также могут повелевать ими. Есть и животные, враждебные вампирам, например белые лошади; если такую лошадь привести на кладбище, то в могиле, которой она испугается, наверняка скрывается вампир.

В легендах говорится и о превращении вампиров в ночных бабочек "мертвая голова"; румыны верили, что в этих бабочках заключена душа вампира, и тот, кто поймает их, обретет над ним власть. Еще вампиры легко делаются невидимыми или превращаются в туман, что позволяет им проникнуть в любое, самое маленькое отверстие. Народные поверья и масскульт сходятся только в трех вещах. Первое: вампир может действовать только ночью, до первых петухов он должен вернуться в свою могилу — иначе лучи солнца просто расплавят его. Второе: он боится святой воды, освященных просфор и креста, а также чеснока, хотя последняя деталь тоже встречается не везде. Третье: он нападает на человека только вне дома (подразумевается, что в доме присутствуют иконы). Попасть в дом вампир может лишь тогда, если кто-либо из живущих там впустит его.

Фольклор знает и меры предосторожности против вампиров. Румынские крестьяне до сих пор украшают дом связками чеснока и вешают такую связку на шею, выходя из дома ночью. В других странах считалось, что достаточно иметь на шее крест, лучше всего серебряный. Человеку, укушенному вампиром, в Румынии давали напиток из настоя ивы, вина, водки и меда (были и другие рецепты). При этом он должен был читать заклинание: "Ты, стригой, ты, морой, ты, лев, ты, колдун… Идите туда, где девушка не заплетает кос, где топор опускается бесшумно, где священник не читает Библию, в лесную чащу, в морские глубины. Идите туда, упокойтесь там, оставьте меня в покое!" Были и специальные молитвы для избавления от власти вампира, но и они не всегда помогали. День ото дня жертву испытывали, давая ей святую воду и просфору; если человек не мог их проглотить, значит, он уже превратился в вампира, и односельчанам пора браться за колы.

Сегодня принято считать, что овампиривание возможно только после укуса другого вампира. По кто тогда укусил первого из них? Современные "теоретики" вампиризма решили эту загадку, предположив, что существуют две категории вампиров. Первая состоит из укушенных людей — жалких полу идиотов,

которыми движет только слепая жажда крови. Вторая же — древние духи зла, уполномоченные самого Сатаны, испокон веков плодящие вампиров не из-за банального голода, но ради самого Зла. Эта изящная версия связывает воедино обе категории вампиров, но народные верования опять-таки ничем ее не подтверждают.

Народные поверья знают и другие причины, по которым человек может превратиться в вампира. Это случается после смерти с теми, кто умер внезапно, без исповеди и причастия, те, кто покончил с собой или перешел в другую веру; в православных Сербии и Румынии это был тяжкий грех, за который полагалась самая жуткая посмертная кара. Были люди, заранее предрасположенные к вампиризму: те, кто родился с зубами, а также рыжие и зеленоглазые (что для Юго-Восточной Европы нетипично; вспомним, что у Дракулы тоже были зеленые глаза). Греки считали, что вампиром может стать тот, кто родился в Рождество, или человек, через тело которого после смерти перепрыгнула кошка или собака. При похоронах таких людей принимали "профилактические меры": вбивали в лоб гвоздь, клали в рот головку чеснока или насыпали в гроб маковые зерна, чтобы вампир пересчитывал их каждую ночь.

Радикальным средством, конечно, было проткнуть покойника колом из осины, боярышника или крушины. Так же обезвреживали "состоявшихся" вампиров; если после этого они не рассыпались в прах, их обезглавливали и сжигали, а пепел развеивали по ветру или закапывали на пересечении двух дорог. Кол — вторая после пристрастия к крови важная деталь, сближающая фольклорных вампиров с историческим Дракулой. Но сближающая чисто внешне: вампиры боялись кола, а для валашского князя он был любимым "орудием труда". Что касается крови, то вампиры относятся к ней крайне бережно, а Дракула проливал ее зря; все слухи о его особой любви к крови следует считать преувеличенными. Третье и последнее, что сближает воеводу с вампирами — география: Юго-Восточная Европа и особенно Румыния давно и заслуженно считаются средоточием вампирского фольклора и суеверий.

Румыны верили, что вампир сначала убивает членов своей семьи, потом принимается за других односельчан, пока не переведет их всех в разряд "живых мертвецов". Его род-ственники даже у себя дома не гарантированы от нападения вампира, способного проходить через дымоход или замочную скважину Они могут спастись, только натерев все эти отверстия чесноком и зажигая на ночь в доме свет. В Румынии считают, что у вампира два сердца; одно из них после смерти не умирает, поэтому он

бессмертен. Вампир может лишить людей дара речи, отнять у них красоту и силу. Если вампир заберется на колокольню и начнет звонить, пиши пропало: все, кто слышит этот звон, скоро умрут. Раз в год, в канун Дня святого Андрея, вампиры встречаются в диком месте, "где кукушка не кукует и собака не лает", чтобы похвастаться своими злодеяниями. Но не все из них искренне преданы злу; многие тяжело переживают свое проклятое существование и всеми силами хотят его прекратить. В Трансильвании есть поверье, что умерший, семь лет пробыв вампиром, может уйти в другую страну и снова стать смертным человеком. Он может даже жениться и завести детей, но все они неизбежно станут вампирами.

Хотя долгое время румынская образованная элита относилась к вампирской теме свысока, как к "простонародным суевериям", эта тема продолжала жить в национальном подсознании. Неслучайно первым "впустил" вампиров в литературу не Брэм Стокер, а румынский поэт Ион Будай-Деляну в уже упомянутой поэме "Цыганиада", законченной в 1812 году. В шестой песни поэмы описана целая стая вампиров (стригоев), летящая над залитыми лунным светом горами Рэтезат недалеко от замка Поенари. Это не слишком симпатичные существа "с черными крыльями, белыми лицами, алыми губами, жадные до крови". Среди них были и стригойки, "прекрасные дамы, ломающие в своих ночных прогулках людские кости". У поэта-патриота вампиры не местные, а захватчики на Трансильвании, а главным борцом с ними оказывается не кто иной, как благородный воевода Влад Цепеш, возглавляющий странный альянс цыган и ангелов.

По странному совпадению почти одновременное малоизвестной даже в Румынии поэмой Будай-Деляну (ее напечатали только в 1875 году) за вампирскую тему взялся самый знаменитый поэт тогдашней Европы. Летом 1816 года лорд Байрон со своими не менее известными друзьями поэтом Перси Биши Шелли и его женой Мэри — гостил на вилле Диодати у живописного Женевского озера. Со скуки они решили, что каждый из них сочинит по страшной истории; из-под пера Мэри Шелли в результате вышел "Франкенштейн", а Байрон смог выдавить из себя только набросок истории о вампире. Дописать ее он доверил своему врачу, итальянцу Джону Полидори, издавшему позже повесть "Вампир", — ее герой, демонический аристократ Рутвен, не только пил кровь молодых девиц, но и соблазнял их. Издатели все-таки приписали повесть Байрону, что породило на Западе настоящую моду на вампиров. Не остались без внимания и карпатско-балканские истоки явления: в "Песни западных славян",

написанные Мериме и переведенные Пушкиным, включены целых три истории про кровососов. Тот же Пушкин в "Евгении Онегине" упомянул о моде на вампиров в русском обществе:

Британской музы небылицы
Тревожат сон отроковицы,
И стал теперь ее кумир
Или задумчивый Вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный,
Иль Вечный жид, или Корсар,
Или таинственный Сбогар…

Проспер Мериме так вдохновился темой вампиризма, что посвятил ей специальный очерк, приложенный к "Песням" (Пушкин его переводить не стал, поэтому у нас он малоизвестен). Французский романтик передал услышанный им в далматинской деревне Варбоска рассказ о девушке, укушенной вампиром: "Она рассказала нам, что видела бледного человека в саване, который влез в окно, бросился на нее, укусил и чуть было не задушил. Она прибавила, что узнала в нем одного поселянина по имени Виркцнана, умершего перед тем за две недели". Могилу подозреваемого разрыли, его труп расчленили и сожгли, но девушка все равно умерла, взяв с отца слово, что он сам отрубит ей голову, чтобы она не превратилась в вампира. В этой истории кровосос вполне традиционен, но в произведениях романтиков он становится утонченным и коварным соблазнителем, для которого кровь — лишь пикантная приправа к его главному лакомству, "цвету невинности".

Весь XIX век романтический вампир-джентльмен мирно соседствовал с кровавым чудовищем из бульварных романов — один из них, "Вампир Варни", пользовался громадной популярностью в Англии, печатаясь с продолжением в дешевых журналах. В 1871 году появилась "Кармилла" Джозефа Шеридана Ле Фаню, оживившая много веков спустя идею "женского" вампиризма (кстати, карнатские вампиры чаще мужчины, но встречаются и женщины). Ее героиня, немецкая графиня Милларка-Кармилла фон Карнштайн, очень похожа на Эржебет Батори своим болезненным пристрастием к женщинам, которых она любит — и убивает. Ирландская фантазия автора и намек на запретную лесбийскую любовь сделали "Кармиллу" очень популярной. Повлияла она и на Стокера, придав его "Дракуле" налет эротизма и колорит готического романа.

Брэм (Абрахам) Стокер, родившийся в 1847 году в Дублине, в детстве тяжело болел и несколько лет был прикован к постели.

Но потом встал, занялся спортом и сделался известным театральным критиком. Сдружился с великим актером Генри Ирвингом (многие находят в Дракуле его черты), по его предложению переехал в Лондон, став директором-распорядителем театра "Лицеум". Стокер, в юности отчаянно нуждавшийся, разбогател и женился на красавице-актрисе Флоренс Бэлкомб, отвергнувшей ради него самого Оскара Уайльда. Занимаясь писательством как хобби, он издал восемь романов и два сборника рассказов. После смерти Ирвинга в 1905 году он ушел из театра, но писать продолжал, пока сам не скончался от паралича сердца в апреле 1912 года.

Брэм Стокер (1847–1912)

Иные критики утверждают, что "Дракула" был для него обычной, проходной книгой, но это не так — ни над одним произведением он не работал так долго (семь лет), перечитав множество книг в библиотеках Лондона и Уитби; в этом рыбацком порту он отдыхал летом и сделал его местом действия будущего романа. В процессе написания он вступил в оккультный орден Золотой зари, чтобы из первых рук получить знания о мире духов. Среди прочитанных им книг были "Сведения о княжествах

Валахия и Молдавия" Уильяма Уилкинсона и "Земля за лесом" Эмили Джерард, где рассказывалось о Трансильвании и суевериях ее жителей. Считается, что сведения о вампирах он мог получить и от своего знакомого, Арминия Вамбери, — венгерского еврея, блестящего востоковеда, который после опасных путешествий по Центральной Азии обосновался в Лондоне, работая консультантом в британском МИДе. В романе и правда есть ссылка на "профессора Арминия из Будапешта", но Вамбери никогда не интересовался вампирами и если в чем-то и просвещал автора, то в истории Восточной Европы, которую на Западе в то время знали довольно плохо.

Похоже, что все знания об историческом Дракуле Стокер получил из книги Уилкинсона (изданной в 1820 году), где творилось следующее: "Воевода Дракула пересек Дунай и атаковал турецкие войска, добившись успеха только благодаря внезапности. Магомет прогнал его назад в Валахию, преследовал там и разбил. Воевода бежал в Венгрию, а султан поставил на его место его брата Бладуса (имеется в виду Раду. — *В.Э.)*. По договору с Бладусом он добился от Валахии постоянной дани, заложив основы того рабства, что существует до сих пор. "Дракула" в валашском языке означает "дьявол". Валахи имеют обыкновение давать это прозвище любому, кто выделяется своей храбростью, жестокостью или хитростью". Эти сомнительные сведения автор приводит в романе, чтобы показать — когда-то его герой был могущественным человеком и поэтому стал еще более могущественным вампиром. О том, как случилось его превращение, Стокер ничего не говорит; не исключено, что его укусила одна из трех красавиц-вампиресс, которые появляются в романе, изрядно усиливая его эротический подтекст.

Весь процесс создания "Дракулы" можно восстановить по записным книжкам Стокера — они долгое время считались утерянными, как и рукопись романа, которая объявилась только в 1984 году и была продана на аукционе Кристи за 941 тысячу долларов. Что касается записных книжек, то они "всплыли" в 1997 году в коллекции частного музея Розенбаха в Филадельфии и тогда же были изданы по случаю столетия выхода романа. По ним хорошо видно, какими источниками пользовался автор, как он видоизменял исторические факты, добавляя к собственным фантазиям ошибки других авторов. Вот лишь один из примеров: Стокер упоминал, что Дракула вместе с другими вампирами учился в чародейской школе Шоломанс у самого дьявола. Эти сведения он взял у Э. Джерард, которая пишет, что школа находится в горах недалеко от Сибиу и там могут учиться только 10 студентов — в конце учебы нечистый в качестве платы

забирает одного из них. На самом деле в румынском фольклоре эта колдовская школа зовется Соломонари, и ее "выпускники" могут вызывать дождь, наводить порчу и… бороться с вампирами. Конечно же, господарь Влад никак с ней не связан.

"Дракула" несчетное число раз издан и прокомментирован во всем мире, включая Россию, но основное его содержание вспомнить необходимо. Итак: лондонский юрист Джонатан Харкер прибывает в замок графа Дракулы в Трансильвании, чтобы оформить покупку им собственности в Лондоне. В замке Джонатан видит много странного — прежде всего, самого хозяина, который спит в гробу, не отражается в зеркале и по ночам совершает набеги на окрестные деревни. С трудом сбежав из замка, Харкер возвращается в Англию — но граф уже прибыл туда на корабле, погубил несчастную Люси Вестенра и подбирается к ее подруге, невесте Харкера Минне Мюррей. Соединив усилия, герои во главе с умнейшим доктором ван Хельсингом спасают Минну, выгоняют Дракулу из Англии и преследуют его до самого замка, где разыгрывается финал драмы: "Кинжал Джонатана настиг его. Я вскрикнула — кривое лезвие рассекло вампиру горло, и почти одновременно охотничий нож мистера Морриса пронзил ему сердце. На наших глазах произошло чудо: в одно мгновение тело графа превратилось в прах".

Конец благостен, что и требуется от викторианского романа, но читатель запоминает не его, а эпизоды, связанные с графом Дракулой. Вот его портрет: "Выразительный орлиный профиль, тонкий нос с горбинкой и особым изгибом ноздрей, высокий выпуклый лоб и густые волосы, лишь немного редеющие на висках, нависшие кустистые брови, почти сросшиеся на переносице. В рисунке рта, насколько я мог разглядеть под большими усами, таилось что-то жестокое, в столь странном впечатлении были повинны и зубы — очень острые, белые, они не полностью прикрывались губами, ярко-красный цвет которых свидетельствовал о незаурядной жизненной силе, необычной для человека его возраста… Основное впечатление — поразительная бледность лица". А вот вампир, застигнутый за своей страшной трапезой: "Его глаза пламенели дьявольской страстью, широкие ноздри орлиного носа хищно раздувались, белые острые зубы клацали, как у дикого зверя, с полных губ стекала кровь…" Как нередко случается, положительные герои романа скучны и бесцветны, зато кровожадный Дракула, воплощение зла, врезается в память читателя раз и навсегда.

Читая другие произведения Стокера, можно увидеть, что его "Дракула" вписывается в канву других романов — "Логово белого

червя", "Скорбь сатаны", "Сокровище семи звезд". Во всех них речь идет о древних тайных силах, скрытых под оболочкой современной цивилизованной жизни и смертельно опасных для нее. Особенно интересуют автора недра земли и горные расселины — недаром его герой живет в горах и спит под землей, в глубоком подвале замка. В истории литературы Стокер застрял на пол пути между философской "Грядущей расой" Бульвер-Литтона и кошмарными видениями Г.Ф. Лавкрафта, из которых родился современный, вполне коммерческий жанр хоррора. Философии в романе хватает (в экранизациях ее обычно выкидывают), ужасов тоже, но есть и другое — отголоски модных оккультных теорий, внушенных директору театра "Лицеум" в ордене Золотой зари. Он живо интересовался теософией Елены Блаватской, которая изобрела теорию "астральных вампиров": "Несчастные похороненные каталептики поддерживают свои жалкие жизни тем, что их астральные тела грабят жизнекровь у живых людей. Эфирная форма может ходить куда ей угодно; и до тех пор, пока она не оборвет нить, связывающую ее с телом, она свободна блуждать, скитаться вокруг, видимой или невидимой, и питаться от человеческих жертв…". Блаватская описывала различные проявления вампиризма, включая вампирический полтергейст: "Видели, как предметы, принадлежавшие таким умершим, передвигались по дому без чьего-то прикосновения".

В "Дракуле" использованы новаторские для своего времени приемы — например, документальность изложения, построенного в форме дневниковых записей героев. О другом приеме автора говорится в статье В. Гопмана: "В романе много описаний видений и снов, гипнотических трансов. Даются они для того, чтобы подчеркнуть зыбкость границы между жизнью и смертью, между бытовой повседневностью и миром призрачным, потусторонним… Психологизм романа усиливает ощущение ужаса, так впечатляюще воссозданного Стокером. Причем если другие мастера жанра использовали и иные художественные краски. — например, у Гоголя страшное соседствует с комическим и оттеняется им, — то Стокер ничем не "разбавляет" страшное".

Одна из главных "приманок" романа — его подспудная эротичность, создаваемая контрастом "дневной" красоты и безмятежности героинь и их ужасного "ночного" облика. Вот какой охотники на Дракулу увидели ставшую его жертвой Люси Вестенра: "Никогда в жизни мне не приходилось видеть исполненного такой инфернальной злобы лица. Надеюсь, никто из смертных больше не увидит ничего подобного. Нежные краски превратились в багрово-синие, глаза метали искры дьявольского

пламени, брови изогнулись, будто змеи Горгоны Медузы, а когда-то очаровательный рот, измазанный кровью, напоминал зияющий квадрат, как на греческих или японских масках. Если у смерти есть лицо, то мы его увидели". Картина отталкивающая и одновременно влекущая, как для Джонатана Харкера — явление трех вампирш: "Глядя на этих нимф, я испытывал двойственное чувство — вожделение и одновременно смертельный страх. У меня возникло порочное страстное желание, чтобы они поцеловали меня своими алыми губами". Подобно "Кармилле", роман Стокера рифмует любовь с кровью, трогая потаенные струны в душе многих читателей, неосознанно мечтающих о дикой запретной страсти, одинаково сладкой для мучителя и его жертвы…

В рукописи "Дракулы", которая в 2002 году была издана мизерным тиражом для коллекционеров, можно найти весьма любопытные места, позже выброшенные автором — например, окончание романа, в котором замок вампира должен был погибнуть вслед за своим хозяином. Приводим первый перевод этого отрывка на русский язык: "Замок Дракулы стоял перед нами в лучах заката, освещавших каждый камень его обветшалых стен. И тут земля вдруг сотряслась в ужасной конвульсии, так что мы зашатались и упали на колени. В тот же миг с грохотом, потрясшим, казалось, само небо, весь замок вместе с холмом, на котором он стоял, взлетел в воздух и распался на части, скрывшись в громадном облаке черно-желтого дыма, поднявшемся ввысь с неимоверной быстротой. В природе вновь воцарилось спокойствие, и только затихающее эхо прокатилось где-то в вышине, как далекий гром — долгий, вибрирующий звук, словно вздрогнуло основание небес. Потом мгновенно спустились сумерки, в которых едва виднелись обломки замка, уцелевшие в катаклизме. С места, на котором мы стояли, казалось, будто страшный вулкан поглотил замок и его постройки и тут же успокоился, свершив волю природы. Мы были так потрясены внезапностью и величием случившегося, что молчали, забыв обо всем". Можно понять, почему Стокер выкинул этот фрагмент — он чересчур театрален и к тому же закрывает возможность продолжения, которую Стокер как опытный беллетрист всегда оставлял за собой. Почему не предположить, что его граф, не убитый "как нужно", просто ускользнул от своих гонителей, чтобы вернуться снова — как он и поступил в бесчисленных ремейках романа.

"Дракула" вышел в свет в лондонском издательстве "Арчибальд Констебл и К" весной 1897 года. Критики расхвалили его, а тонкий эстет Оскар Уайльд даже назвал "лучшим романом

столетия". Но расходилась книга не слишком хорошо, пока два года спустя не вышло ее массовое, широко разрекламированное издание в Америке. Это обеспечило "Дракуле" успех, и он переиздавался едва ли не ежегодно. Очень скоро появились переводы на другие языки, даже на японский. В 1913 г. в издательстве М.Г. Корнфельда вышел русский перевод Н. Сандровой (Надежды Гольдберг), но еще до этого наши соотечественники читали книгу по-французски. А. Блок в 1908 году писал другу Е. Иванову: "Читал две ночи и боялся отчаянно. Потом понял ещё и глубину этого, независимо от литературности и т. д. Написал в "Руно" юбилейную статью о Толстом под влиянием этой повести. Это — вещь замечательная и неисчерпаемая, благодарю тебя за то, что ты заставил меня наконец прочесть ее". В статье "Солнце над Россией" поэт приравнял к "вампирическим силам" бюрократию, которая душит все живое в России. Вторя ему, публицист А. Амфитеатров приравнял к вампиру "всепроникающий туман кровососной власти". Кстати, глава этой власти Николай II перед самой революцией читал "Дракулу", что зафиксировано в его дневнике.

После 1917 года бюрократия никуда не делась, а вот "Дракула" был запрещен советской властью как образец "бульварной литературы". Снова печатать роман начали только в 1990-е годы — вначале в старом переводе Сандровой, потом в новых, которых насчитывается уже больше десятка. Кстати, вампирская тема была популярна в России еще до перевода романа Стокера — ей посвящены известные повести А.К. Толстого "Упырь" и "Семья вурдалака", а также изданный в 1912 году отчаянно страшный роман "Вампиры" неизвестного автора, укрывшегося под псевдонимом "Б. Олшеври", что легко расшифровать как "больше ври". Правда, многие годы наши читатели не знали о Дракуле ничего, кроме его имени, — достаточно вспомнить фантастическую повесть братьев Стругацких "Понедельник начинается в субботу", герой которой видит в музее волшебства "правый глазной (рабочий) зуб графа Дракулы Задунайского". "Я не Кювье, — заключает он, — но, судя по этому зубу, граф Дракула Задунайский был человеком весьма странным и неприятным". Те времена давно прошли, и сегодня вампиры прочно вписались в российское массовое сознание и массовую же литературу.

Интересно, что именно в России, по некоторым данным, в 1920 году состоялась первая экранизация "Дракулы" — но этот фильм пропал, и о нем практически ничего не известно. Следующей попыткой стал шедевр немецкого экспрессиониста Фридриха Мурнау "Носферату, симфония ужаса". Ему тоже не

повезло по настоянию вдовы Стокера режиссеру пришлось изменить и название фильма, и имена его героев. Слово "носферату", упомянутое в "Дракуле" как одно из названий вампира, происходит то ли от румынского "некуратул" (нечистый), то ли от "несуфератул" (негодный). Актер Макс Шрек сделал своего персонажа тем, чем он и был изначально — отвратительным монстром, не имеющим ничего общего с человеком. Но в массовой культуре уже торжествовал иной образ — вампир-джентльмен. В 1924 году друг Стокера Гамильтон Дин осуществил инсценировку романа в лондонском театре — там герой впервые облачился в классический фрак и черный плащ. Спектакль имел шумный успех; в его постановке на Бродвее в 1927 году Дракулу сыграл актер Бела Лугоши, восхитивший публику своей бледностью и загадочным акцентом.

Сын венгерского банкира Бела Ференц Блашко, родившийся в 1882 году, после Первой мировой войны перебрался в Америку, взяв в качестве псевдонима название родного городка Лугош. Первые роли на новой родине он играл, еще не зная языка и выучивая английские фразы на слух. После того как он сыграл в спектакле "Дракула", его позвали в одноименный фильм, который снимал на студии "Юниверсал" режиссер Тод Браунинг. Сначала главную роль там должен был исполнять сыгравший в знаменитом "Франкенштейне" Лон Чейни, но он умер от рака горла. Лугоши с успехом заменил коллегу, создав классический образ аристократа с безупречными манерами, который притягивает не меньше, чем пугает. У него нет ни вампирских клыков, ни звериной жажды крови — кусая свои жертвы, он будто целует их. На этом сыграли прокатчики, запустившие фильм в День святого Валентина. 14 февраля 1931 года, со слоганом: "Самая странная любовь, какую видел человек". Фильм стал суперхитом и высшим достижением Белы Лугоши в кино; умирая в 1956 году (тоже от рака горла), он завещал похоронить себя в костюме Дракулы. Во время церемонии актер Винсент Прайс, не удержавшись, сострил: "Может, проткнуть его колом на всякий случай?"

Фильм Браунинга открыл череду почти ежегодных воплощений творения Стокера на кино- и телеэкране. К настоящему времени известно 130 фильмов, где действует или хотя бы упоминается Дракула (конечно, это лишь малая часть бескрайней "вампирианы"). Их создатели делали графа геем, чернокожим, инопланетным пришельцем; описывали деяния его детей и внуков; переворачивали ситуацию с ног на голову, изображая Дракулу борцом за добро и справедливость. Довольно рано началось пародийное осмысление сюжета, породившее в

итоге анимационную семейку Адамс и фильме Мела Брукса "Дракула: мертвый и довольный этим" (1995). Конечно, не был упущен из виду и эротический подтекст, вложенный в роман самим Стокером — и зловещие "сестры" Дракулы, и он сам не прочь соблазнить своих жертв, прежде чем отведать их крови. Почти во всех фильмах, особенно в тех, где вампир заменен вампиршей, любовная тема выходит на первый план. До предела это доведено в экранизации многотомной саги Стефани Майер о гламурных вампирах, которые ничем не хуже людей. Даже лучше — вот неизбежный итог политкорректности.

При этом продолжают создаваться фильмы, где роман Стокера век: производится достаточно точно, — они-то и становятся "мейнстримом", и по их актерам каждое новое поколение представляет себе Дракулу. В 30-е годы это был Бела Лугоши, в 60-е Кристофер Ли, в 70-е — Фрэнк Лангелла. Образ графа неизбежно мигрировал в направлении гламурного красавца, хотя в 1978 году Вернер Херцог попытался остановить этот процесс своим ремейком "Носферату", где Клаус Кински блестяще сыграл героя-монстра, который внешне напоминает Шрека-Орлока, но, в отличие от него, был когда-то человеком и сам страдает от своей монструозности. Своего рода итог подвел в 1992 году другой киноклассик, Фрэнсис Форд Коппола; в его фильме "Дракула Брэма Стокера" граф (Гэри Олдмен) меняет обличья, становясь то джентльменом во фраке, то древним старцем в напудренном парике, — но всегда оставаясь чудовищем. В прологе к картине режиссер попытался соединить своего героя с историческим Владом Цепешем — тот якобы был проклят и стал вампиром после гибели своей жены в волнах Арджеша. При этом из всех киношных Дракул на свой прототип похож разве что Кристофер Ли в фильме испанца Хесуса Франко — так мог бы выглядеть Влад, доживи он до старости. Сам актер говорил: "Я всегда помнил, что мой герой принадлежал к знатному роду, был выдающимся правителем и полководцем".

Клаус Кински в фильме В. Херцога "Носферату, призрак ночи"

Конечно, тема Дракулы проникла и в литературу, прежде всего в "низкие" ее жанры — комиксы, детективы, романы ужаса. Хотя изображенные там вампиры носят другие имена, прототипом их почти всегда остается герой Стокера. Это и "Жребий Салема" Стивена Кинга, и "Они жаждут" Роберта Маккамона, и "Дети ночи" Дэна Симмонса, и многочисленные романы Энн Райс, по одному из которых снят известный фильм "Интервью с вампиром". Реже персонажем становится сам Дракула — например, в трилогии Джин Калогридис "Дневники семьи Дракулы" описана целая семья вампиров-аристократов, веками живущая в Карпатах в полном согласии с местным населением. В Восточную Европу отправляет читателей и роман американки Элизабет Костовой "Историк", изданный в 2005 году. Его герои, изучая историю Дракулы, обнаруживают, что легендарный вампир жив, и гоняются за ним по разным странам, постепенно превращаясь из охотников в добычу. Добротно написанный роман все же не стал шедевром, поскольку из него исчезло то, что привлекало у Стокера — пафос борьбы со злом, который никак не может заменить любопытство исследователя.

Но дальше всех от своего прототипа ушла книга, вышедшая в 2009 году и разрекламированная как "восстановление

первоначального замысла Брэма Стокера". Его авторы, дальний родственник писателя Дакр Стокер и сценарист Иэн Холт, оживили Дракулу и заставили его вернуться в Лондон через четверть века, чтобы выступить на стороне добра против еще более страшной вампирши — это не кто иная, как графиня Эржебет Батори. Все маски сброшены: ван Хельсинг оказывается вампиром, Минна — лесбиянкой, а сам Дракула — безнадежно влюбленным в нее старым романтиком. В итоге все герои гибнут ("в общем все умерли"), и зачем это затеяно, остается неясно — разве что ради денег, которые неизбежно приносит все, связанное с вампирской темой.

Могучая магия образа Дракулы вызывает обостренный интерес не только к личности его исторического прототипа, но и к вопросу о реальном существовании вампиров. Как ни странно, сегодня спекуляций и слухов на эту тему не меньше, чем во времена аббата Кальме — и распространяют их не суеверные карпатские крестьяне, а печатные и электронные СМИ. Правда, в реальность чудовищной расы "живых бессмертных" верят только самые ярые вам пироманы. Куда сложнее вопрос о вампирах-людях, испытывающих неодолимое влечение к крови. Вообще-то питье крови — вещь не такая уж необычная. Еще отец медицины Гиппократ лечил безумцев, давая им пить кровь здоровых. Плиний Старший писал про римских эпилептиков, которые во время гладиаторских игр бросались на арену, чтобы в надежде на исцеление пить кровь поверженных бойцов "из живых чаш". Свирепые воины пили кровь своих врагов, а побратимы собирали собственную кровь в чашу и по очереди отпивали из нее (потому их и называли "кровными братьями").

Гэри Олдмен в фильме Ф.Ф. Копполы "Дракула Брэма Стокера"

Уже в недавнее время уголовная хроника зафиксировала душераздирающие истории о маньяках, которые ели плоть своих жертв и пили их кровь. Среди них — "ганноверский мясник" Фриц Хаарман, Джеффри Дамер, Андрей Чикатило. Но они подражали не вампирам, а другому порождению народной мифологии — оборотням, волкам в человеческом обличье. Оборотни чем-то сходны с вампирами, которые *тощ* могут превращаться в волков, но отношения между ними и в фольклоре, и в современной массовой культуре трудно назвать дружескими. Оборотни — злобные кровожадные твари, почти лишенные индивидуальности, и до сих пор ни один автор не сумел создать яркий притягательный образ вервольфа.

Подражанием вампирам на протяжении веков занимались прежде всего сатанисты. Неотъемлемой частью их темных обрядов всегда были человеческие жертвы и питье крови людей или животных. Можно вспомнить "Великого зверя" Алистера Кроули, напоившего своего гостя, поэта Лавдея, кошачьей кровью, отчего тот вскоре скончался. В сочинениях Кроули говорится о важности крови для вызывания демонов, и этому свято верят современные сатанисты. Безумие заразительно — в наши дни в

разных странах существуют не только десятки сатанистских сект, но и особые сообщества вампиров. Устав одного из крупнейших, Американской вампирской лиги, гласит: "Ты можешь не пить кровь, но обязан жить так, чтобы ты сам и твои желания были для тебя превыше всего. В этом и заключается главная обязанность вампира". Похоже, в этой лиге состоят главным образом простые обыватели, часть которых тоскует по острым ощущениям, а часть мечтает привлекать девушек романтическим имиджем вампира — "того же Супермена, только наизнанку", как простодушно сформулировал один тинейджер.

Есть и люди, не считающие себя поклонниками дьявола однако питающие болезненное пристрастие к крови. В "Дракуле" таким был пациент доктора Сьюворда, маньяк-зоофаг Ренфилд, поедавший мелких животных и постоянно повторявший: "Кровь — это жизнь". Подобные случаи происходили и в реальности, чаще всего с душевнобольными, но не только. Сравнительно недавно врачи открыли редкую болезнь, порфирию, нарушение пигментного обмена — у страдающих ею бледнеет кожа, меняются черты лица и появляется аллергия на солнечный свет. Известно, что употребление свежей крови смягчает симптомы порфирии, но еще ни одного больного ею человека не уличили в вампиризме. Да и вообще медицина пока не зафиксировала ни одного бесспорного вампира — зато ей известны тысячи людей, воображающих себя таковыми под действием романов, фильмов и компьютерных игр.

Что общего у всей этой массовой продукции с биографией настоящего Дракулы, то есть господаря Влада? Ответ прост — ничего. Даже сам факт, что Дракула не был вампиром, вызывает у массового читателя-зрителя удивление, а то и протест: как же так, а мы надеялись… Правда, в 2000 году вышел фильм Джо Чэпелла "Черный князь", а в 2009-м — роман канадского писателя и актера Джона Хамфриса "Дракула: последняя исповедь" (уже изданный по-русски). Оба произведения пытаются восстановить историческую реальность, но с таким количеством ошибок и искажений, что результат оказывается обратным. Вдобавок, и книга, и фильм делают-таки реверансы в сторону "вампирской" версии: дескать, нет дыма без огня. Куда интереснее роман молодой российской писательницы Елены Артамоновой, тоже названный "Исповедь Дракулы". Там есть и яркие характеры, и добротная проработка деталей. Автора можно покритиковать только за излишнее любование своим героем, но воевода и при жизни умел пленять женские сердца…

Вольно обращаться с историей начал уже сам Брэм Стокер. Как уже говорилось: он сделал Дракулу из румына секлером, из

господаря графом, а вместо Валахии поселил его в замке у прохода Борго в Северной Трансильвании. Похоже, эта область с ее красивым названием и пестрым разноязыким населением, увлекательно описанная в книге Э. Джерард, просто нравилась ему больше, чем какая-то непонятная Валахия, вообще пропавшая с карты — ведь в то время она уже стала частью Румынии. Точно так же ему понравилось имя Дракулы, а котором слышались и draco, и cool, поэтому он и назвал так своего вампира, даже не думая, что погрешит этим против метрической правды и вызовет недовольство целого народа.

Впрочем, румыны не так уж недовольны — в конце концов, они получают неплохой доход, возя туристов и в глянцево-картинный Бран, и на мрачные развалины Поенари, и даже к куцему замку-уродцу, выстроенному для гостей с Запада у прохода Борго (Тихуца), как раз там, где его расположил Стокер, — не пропадать же месту! Бойко торгуя сувенирами на тему Дракулы, местные жители при этом возмущаются тем, что его считают вампиром. Для них воевода — герой борьбы за независимость, строгий, но справедливый правитель, который, как Сталин, "зря никого не сажал" (в смысле, на кол). Такой подход зародился давно: еще в XIX веке, в пору господства чванливых и продажных бояр, местная интеллигенция пугала их тенью грозного Цспеша. Этим занимались не только полузабытый Ион Будай-Деляну, но и знаменитые поэты Тудор Аргези и Михай Эминеску. Последний в своем "Третьем послании" писал:

О приди, могучий Цепеш, и тяжелый сон развеяв,
Раздели их на две шайки — на безумцев и злодеев.
В две огромные темницы заточи их без раздумья
И сожги огнем священным и тюрьму, и дом безумья!

(Перевод И. Миримского)

Правда, румынские ученые были настроены более критично, указывая, что чрезмерная жестокость Дракулы не дала народу сплотиться вокруг него для отражения турецкого нашествия, как сплотились молдаване вокруг Стефана Великого. Филолог Иоан Богдан, первым издавший документы о правлении Дракулы, категорично утверждал: "Господарь этот — не более чем жестокий тиран, а из дел его мы видим одни только ужасные зверства. Мы ничего не знаем о его внутренних реформах, не находим свидетельств его благотворительности церквам или монастырям, его забот о благосостоянии страны". На несправедливость такого подхода указал видный либеральный историк и политик Николае Йорга в своей "Истории Румынии", назвавший Влада "свирепым

героем, которому можно многое простить за его деятельное желание защитить страну". Профессора Йоргу убили фашисты из "Железной гвардии", для которых Дракула был кумиром они тоже считали, что ради "великой Румынии" позволены любые жестокости. В составе румынской армии, напавшей на СССР вместе с немцами, воевал и стрелковый батальон "Влад Цепеш" (в сегодняшней Румынии именем воеводы названа жандармская бригада).

Дракула (Бела Лугоши) с одной из жертв — как обычно, очаровательной девушкой

После Второй мировой войны власть в Бухаресте досталась коммунистам, которые долгое время скопом зачисляли всех предыдущих правителей, включая Дракулу, в ряды "феодалов" и "реакционеров". Все изменилось в 1960-е годы, когда Николае Чаушеску начал строить в стране "социализм с национальным лицом". Влад вновь обрел лавры борца за свободу, а заодно и статус туристской достопримечательности. В школьных учебниках его называли "выдающимся государственным деятелем, упорно защищавшим независимость страны", ничего не говоря при этом о его жестокостях. Появились первые книги о нем, был снят уже упоминавшийся художественный фильм "Влад Цепеш", где господарь (актер Штефан Силяну) представал

защитником бедняков и грозой турок. Его было приказано называть исключительно Цепешем, а не Дракулой, чтобы не вызывать ненужных ассоциаций с вампиром; по той же причине роман Стокера долгое время был запрещен.

В 1976-м в Румынии торжественно отметили 500-летие гибели воеводы. В Сигишоаре и Джурджу ему поставили памятники, в Тырговиште раскопали и частично восстановили его дворец, включая башню Киндия. Была раскопана и другая его резиденция, Куртя-Веке (Старый двор) в Бухаресте, где в 1972 году открыли музей. По упорным слухам, Чаушеску всячески стремился подражать Дракуле — даже построил себе резиденции в том же Тырговиште и на озере Снагов. Он собирался восстановить и Поенари, но помешала революция 1989 года, стоившая "кондукэтору" (вождю) жизни.

Сегодня места, связанные с именем Дракулы, по-прежнему привлекают в Румынию множество туристов. Не так давно появился даже план строительства на озере Снагов парка развлечений "Дракулаленд" — конечно, с упором на вампирскую тему, а не на жестокости Колосажателя, способные развлечь разве что маньяков. В страну приезжают не только туристы, но и зарубежные исследователи Дракулы. В 1995 году Трансильванское общество Дракулы устроило в Бухаресте международный конгресс — на него мудро пригласили специалистов не только по румынской истории, по и по творчеству Брэма Стокера, а также по теме вампиризма, всего более 60 человек. Упомянутое общество, основанное в 1991 году журналистом Николае Пэдурару, включает исследователей из 14 стран (россиян, увы, среди них нет), проводит ежегодные симпозиумы и издает "Journal of Dracula Studies". Историки, как им и положено, не выясняют, плохим или хорошим был Дракула: они скрупулезно изучают немногие сохранившиеся документы, роются в архивах, ведут раскопки, пытаясь выяснить, какой была Валахия в XV веке и как изменило ее правление Влада III.

Один из животрепещущих вопросов — сколько людей погибло по вине господаря? Тогдашнюю Румынию населяло около полутора миллионов человек — примерно поровну в Валахии, Молдове и Трансильвании. Если правы те, кто приписывает Дракуле 50 или даже 100 тысяч жертв, то страна при нем должна была просто обезлюдеть. Но нет — возникали новые города (тот же Бухарест), старые расширяли свои границы, на месте вырубленных лесов появлялись новые деревни, а значит, население не уменьшалось, а росло. Правда, это всего лишь предположение — никаких переписей в Валахии, конечно, не проводилось, а к концу XV столетия ее население (по тем же

косвенным признакам) все-таки сократилось. Но о этом логичнее упрекнуть не Дракулу, а несколько османских вторжений, в ходе которых многие валахи были убиты, угнаны в рабство или бежали из родных мест.

Еще труднее составить представление о числе казненных по противоречивым данным источников. Большинство из них неопределенно говорит о "многих тысячах" погибших, и только словоохотливый Бехайм обильно рассыпает информацию: 400 немецких студентов, 500 немецких же купцов, 500 валашских бояр, 600 заживо сожженных нищих, 30 тысяч убитых в первом походе в Трансильванию, 25 тысяч — во втором, еще 25 тысяч — в болгарском походе. Все эти цифры откровенно дутые и восходят к единственной сообщенной самим Дракулой — около 24 тысяч убитых им турок и болгар. И если в войнах с турками господарь и правда перебил до 50 тысяч врагов (включая подвернувшихся под руку мирных жителей), то вряд ли стоит ставить ему это в вину; законы войны тогда были суровы, да и сейчас не сильно смягчились. В Трансильвании, учитывая численность населения разоренных им областей (притом что далеко не все из них погибли), он мог истребить от силы 10–15 тысяч. А в Валахии, где его жертвами прежде всего становились непокорные бояре, "подозрительные" иностранцы и преступники, подлинные или мнимые, число его жертв вряд ли превысило 10 тысяч человек.

Много это или мало? Мало по сравнению с кровавым итогом деятельности современников Влада — султана Мехмеда II, чьи войны унесли полмиллиона жизней, или Генриха VIII Английского, истребившего до 200 тысяч собственных подданных. И много для маленькой страны, где до того наказания были не слишком суровыми, а нравы — простыми и патриархальными. Как бы ни тосковали потом румыны о "твердой руке" воеводы, об их подлинном отношении к нему говорит то, что именно после него слово dracul окончательно стало обозначать не дракона, а дьявола. И если современники и не считали Влада вампиром (вернее, стригоем), то наверняка в сердцах называли так, убедившись сперва, что их никто не слышит…

"Черная легенда" о Дракуле создавалась умело, целенаправленно и жила много веков после его гибели. Но то, что за это долгое время ей не противопоставили "белую легенду", весьма показательно — защищать господаря оказалось некому. Его друг (и враг) Стефан получил от своих подданных прозвище Великий, его союзник (и тюремщик) Матьяш Корвин — прозвище Справедливый. Владу досталось от истории только имя Колосажатель. И если вампиром его ославили незаслуженно и в общем-то случайно, то это имя он заслужил сполна, еще при

жизни превратившись в страшную легенду Карпатских гор.

notes

Примечания

1

Здесь и далее цитаты из романа Б. Стокера "Дракула" приведены в переводе Г. Н. Красавченко.

2

Здесь и далее поэма цитируется в переводе В. Микушевича. В оригинале поэт называет своего героя Trakle Wakia — искаженное румынское "Дракула Водо".

3

Здесь и далее "Записки янычара" цитируются по переводу Л.И. Рогова.